

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

№ 2(30) / 2021

серия

**Язык. Система. Личность:
Лингвистика креатива**

Екатеринбург 2021

MINISTRY OF EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION
OF HIGHER EDUCATION
"URAL STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY"

INSTITUTE OF PHILOLOGY AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

**URAL
PHILOLOGICAL
HERALD**

№ 2(30) / 2021

series

**Language. System. Personality:
the Linguistics of creativity**

Ekaterinburg 2021

УДК 81(082)
ББК Ш1
У68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Б.Ю. Норман, д-р филол. наук, проф.

(Белорусский государственный университет)

Е.Ю. Протасова, д-р пед. наук, профессор

(Хельсинкский государственный университет)

Е.С. Красноперова, асп.

(Уральский государственный педагогический университет)

У68 Уральский филологический вестник / Уральский государственный педагогический университет ; главный редактор Т.А. Гридина. – Екатеринбург : [б. и.], 2021. – №. 2(30). – 195 с. – *Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 30.*

Сборник посвящен широкому кругу проблем, разрабатываемых в рамках направления "Лингвистика креатива", в том числе обсуждению интегральной методологии исследования механизмов языковой креативности, описанию форм и сфер лингвокреативной деятельности современного общества, реализации творческого потенциала языковой личности. Данный выпуск содержит материалы докладов Всероссийской научной конференции с международным участием «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности», Сборник адресован специалистам-филологам, психологам, аспирантам и студентам, преподавателям-практикам, а также всем, кто интересуется проблемами языкового творчества

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2021

© Уральский филологический вестник, 2021

UDC 81(082)

Editorial board:

Series " Language. System. Personality: linguistics of creativity":

T. A. Gridina, Dr. Philol. science, prof.

(Ural State Pedagogical University)

N. I. Konovalova Dr. Philol. science, prof.

(Ural State Pedagogical University)

B. Y. Norman, Dr. Philol. science, prof.

(Belarusian State University)

E. Y. Protassova, doctor of pedagogical sciences, Professor

(Helsinki University)

E.S.Krasnoperova, postgraduate

(Ural State Pedagogical University)

Ural philological herald / Ural state pedagogical univ.; editor-in-chief T.A. Gridina – Ekaterinburg, 2021. – №. 2 (30). – 195 p. – *Series « Language. System. Personality: the Linguistics of creativity».* Issue 30.

The collection contains materials of reports of the International scientific conference devoted to a wide range of problems developed within the framework of the direction "linguistics of creativity", including discussion of the integral methodology of research of mechanisms of language creativity, description of forms and spheres of linguocreative activity of modern society, realization of the creative potential of the language personality. The collection is addressed to specialists-philologists, psychologists, postgraduates and students, teachers-practitioners, as well as anyone interested in the problems of language creativity.

Editor of issue: T.A. Gridina

ISSN 2306-7462

© FSBEI HE «USPU», 2021

© Ural philological herald, 2021

Содержание

РАЗДЕЛ I. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА

<i>Гридина Т. А.</i> Идиоматика игрового слова: экспериментальные данные	7
<i>Еливанова М. А., Семушина В. А.</i> Действие законов нейроэстетики В.С.Рамачандрана в художественном творчестве на двух примерах прозы	25
<i>Маркелова Т. В., Петрушина М. В.</i> Словообразовательная семантика в языковой игре: оценка и эмоция	35
<i>Мухин М. Ю., Филатова Е. Р.</i> Психолингвистические «частности» лексической сочетаемости в русской прозе XIX века	49
<i>Плотникова А. М.</i> Неофициальный язык благотворительности: лингвокреативные стратегии в дискурсе благотворительных организаций	57
<i>Устинова Т. В.</i> Многофункциональность лингвокреативности в обеспечении речемыслительной деятельности человека	66
<i>Харченко В. К.</i> Дом как психолингвистический феномен: по следам семейных родословных	78

РАЗДЕЛ II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Бекасова Е. Н.</i> Дискурсивные практики царского челобитчика патриарха Никона: между возгоржением и смирением.....	89
<i>Ваулина И. А., Курчанина В. А.</i> Фоносеманты в художественном тексте: методика заполнения текстовых лакун...	105
<i>Дудина А. Я.</i> Тренинг вербальной креативности «Метафора»: экспериментальные данные	116
<i>Катаева А. С., Соболева Е. Г.</i> Способы языкового воздействия в текстах по профилактике зависимого поведения	

ния для детей и подростков	131
Коновалова Н. И. Гадание как текст: экспериментальное исследование этнокультурных стереотипов	142
Красноперова Е. С. Корпусные исследования детской речи: перспективы развития	156
Кулакова Н. В. Ассоциативный эксперимент как инструмент выявления многоплановости лексических репрезентаций окказиональных слов	166
Пахомов Л. В. Акустический аспект пения в метафорическом осмыслении	175
Пыхтева Я. В. Феминитивы в современном русском языке: реальное и потенциальное	185

TABLE OF CONTENTS

PART I. LINGUOCREATIVE PRACTICES
LANGUAGE PERSONALITY AND SOCIETY

<i>Gridina T. A.</i> Idiomatics of the game word: experimental data	7
<i>Elivanova M. A., Semushina V. A.</i> V.S. Ramachandran's neuroaesthetics law effect in artistic creativity on two prose examples.....	25
<i>Markelova T.V., Petrushina M.V.</i> Semantics of word-formation in a language game: evaluation and emotion	35
<i>Mukhin M. Yu., Filatova E. Yu.</i> Psycholinguistic "Particularities" of Lexical Compatibility in Russian Prose of the 19th Century	50
<i>Plotnikova A. M.</i> Unofficial charity language: linguistic creativity in the discourse of charity organizations	58
<i>Ustinova T. V.</i> Multifunctionality of linguistic creativity in speech-thinking activity	67
<i>Kharchenko V. K.</i> House as a psycholinguistic phenomenon: in the footsteps of family pedigrees	79

PART II. APPLIED ASPECTS OF THE STUDY
OF LINGUISTIC CREATIVE ACTIVITY

<i>Bekasova E. N.</i> Discursive practices of the royal petitioner of patriarch Nikon: between burning and humility	91
<i>Vaulina I. A., Kurchanina V. A.</i> Phonosemants in artistic text: technique of filling text lacones	108
<i>Dudina A. Ya.</i> Training of verbal creativity "Metaphor": experimental data	121
<i>Kataeva A. S., Soboleva E. G.</i> Methods of language influence in texts on the prevention of dependent behavior for children and teenagers	138
<i>Konovalova N. I.</i> Fortune-telling as text: an experimental study of ethnocultural stereotypes	150
<i>Krasnoperova E. S.</i> Corpus studies of children's speech: development prospects	167

Kulakova N. V. Associative Experiment as a Tool for Revealing the Diversity of Lexical Representations of Occasional Words	179
Pakhomov L. V. Acoustic aspect of singing in metaphoric conceptualization	189
Pykteeva Y. V. Femininitives in modern Russian language: actual and potential	199

Раздел I. ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ И СОЦИУМА

Т.А. ГРИДИНА
г. Екатеринбург, Россия
tatyana_gridina@mail.ru

УДК 81'23
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_01

ИДИОМАТИКА ИГРОВОГО СЛОВА: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье анализируются ассоциативные проекции индивидуально-авторского игрового слова в сфере художественного творчества. Выявляются особенности идиоматики окказиональных слов-гибридов, созданных способом междусловного наложения. Экспериментально верифицируется потенциальная ассоциативная валентность игрем в свете декодирования (объяснения) их смысла респондентами. Установлены основные факторы, определяющие идиоматичную семантизацию гибридных новообразований, в частности, осознание техники создания игры и вариативный характер связи вычленимых прототипов в свете их ассоциативной идентификации и контраста; рациональная или эмоционально-оценочная, буквальная, символическая или символическая интерпретация соединяемых в гибриде лексических компонентов; применение креативных стратегий толкования – метафорическое перекодирование, использование респондентами собственных словотворческих инноваций.

Ключевые слова: языковая игра; психолингвистика; психолингвистические эксперименты, идиоматика; словотворческие окказионализмы, словотворчество; ассоциативный потенциал; игровое слово.

GRIDINA TATIANA A.

Ekaterinburg, Russia

IDIOMATICS OF THE GAME WORD: EXPERIMENTAL DATA

Abstract. The article analyzes the associative projections of the author's game word in the field of artistic creativity. The peculiarities of idiomatics of occasional words created by the hybridization method are revealed. The potential associative valence of a game word is experimentally tested in the light of the respondents' interpretation (explanation) of its meaning. The main factors that determine the idiomatic semantics of hybrid neoplasms are identified, in particular, the awareness of the technique of creating «igrema» and the variable nature of the connection of its prototypes based on the principle of associative identification and contrast; rational or emotional-evaluative, literal or symbolic interpretation of the connection of lexical components of a hybrid word; use of creative interpretation strategies – metaphorical recoding, use of respondents' own word-making innovations.

Keywords: language game; psycholinguistics; psycholinguistic experiments, idioms; word-creation occasionalisms, word-creation; associative potential; game word.

Проблема исследования идиоматики игрового слова непосредственно связана, с одной стороны, с анализом речемыслительной деятельности в русле дихотомии понимания – непонимания между адресатом и адресантом сообщения, с другой стороны, с исследованием креативного потенциала языка и языковой личности. Способность видеть объект в разных ассоциативных ракурсах, соединять «несоединимое», создавать нечто новое на базе известного, стремление к отступлению от канона – психологическая доминанта любого вида креативности, в том числе лингвистической. Языковая игра – одно из наиболее ярких проявлений творческой инициативы говорящих в разных сферах речевой деятельности. В свете психолингвистического подхода, обращенного к анализу языкового сознания и прагматики речевого поведения, мы рассматриваем языковую игру как особую форму лингвокреативного мышления, а конкретный «выход» (результат) этого процесса – игрему (термин наш. – Т.Г.) – как *ассоциативную трансформу*, соотносимую с опо-

знаваемым прототипом (при изменении и/или сохранении его исходной структуры). Ср., например, *колун* – фехтовальщик (в соотношении с исходной семантикой «тяжелый топор»), *капелла* – пипетка, получающее потенциальную игровую мотивацию по созвучию с *капать* (см. подобные примеры в [Норман 2018]), *общежитие* (в соотношении с прототипом *общежитие*, формально модифицированным по сближению с созвучным оценочным ассоциатом *жуть*) и др.

Объектом анализа при таком подходе становится ассоциативный контекст игры, проявляющий «бесконечную смысловую валентность» [Лосев 1982] словесного знака, присущую ему как единице языка и речи. Таким образом, в основе моделирования игры лежит актуализация ассоциативного потенциала слова как динамического феномена, описывающего психологическую реальность значения (совокупность всех реакций, которые данная единица может вызывать в сознании говорящих [Гридина 1996]) – с учетом зон собственно значения, личностного смысла и «чувственной ткани» (см., например, [Леонтьев 2005]).

Основной стратегией создания игры является деавтоматизация стереотипов восприятия, употребления, порождения лингвистических феноменов самой разной природы (фонетической и грамматической формы слова, моделей его образования, семантики, стилистических регистров текста). Игровая трансформация коррелирует при этом не только и не столько с нормативным каноном, сколько с потенциалом языковой системы в ее диахронном и синхронном развитии, отражая осознанную интенцию говорящих к нарушению «границ дозволенного» и уже реализованного. Обыгрываемый прототип предстает в нестандартном (условно реальном) ключе, проявляя стремление говорящих к эксперименту, «апробации» собственной власти над языком. В особенности это касается сферы художественного творчества, где такой эксперимент приобретает эстетическую значимость.

Идиоматика игрового слова определяется его ассоциативной валентностью, которая имеет как собственно языковой, так и экстралингвистический «субстрат», транслирует ассоциативные стереотипы и субъективные личностные аспекты восприятия обыгрываемых прототипов.

Чрезвычайно «проницаемыми» в плане наполнения игровой идиоматикой оказываются единицы словообразовательной системы. Производное слово, как известно, обладает идиоматичностью – несводимостью лексического значения к сумме составляющих его морфем, допуская вариативность референции тождественных словообразовательных структур в потенциальном регистре их многозначности, тематической специализации и мотивированности (см. [Ермакова 1984; Милославский 1980] и др.). Весьма показательны в этом плане словотворческие инновации детской речи, которые наполняются содержательной идиоматикой, актуальной для сознания ребенка. Вариативность таких инноваций проявляется, в частности, в экспериментальных условиях – при предъявлении их для толкования как детям, так и взрослым. Полученные данные позволяют судить не только о потенциале конкретной инновации, обусловленном системным языковым регистром, но и об осознанной игровой интенции респондентов [Гридина, Коновалова 2017]. Ср.: *заблудинка* – тропинка, лабиринт; человек, который заблудился; лес; заблуждение; блудный сын; зубрилка; *контролюга* – контрольная (работа); наблюдательница; мама, папа; человек-контроль (ср. человек-паук); учитель; *полицционер* (контаминация слов *полицейский* и *милиционер*); *кукарекушка* – курица, петух, курятник; звонок, будильник; *луноходы* – сапоги (ср. сказочную аналогию *сапоги-скороходы*), кроссовки; ракеты, корабли в космосе; лунные самоходы, машины, исследующие Луну; лунные хороводы; *накомпотить* – сварить компот; заработать, накопить денег; о том, кто «ловит информацию компом» (см. подробнее [Гридина 2020 (а): 69-72]).

Как видно из подобных толкований, потенциальная семантика словотворческой инновации в аспекте ее восприятия основана на принципе ассоциативной выводимости, установлении мотивированности новообразования на фоне языковых аналогий и внешнелингвистических пресуппозиций. Особую значимость данные факторы приобретают для считывания ассоциативного наполнения словообразовательных окказионализмов, созданных при помощи нестандартных игровых кодов.

Продуктивным представляется экспериментальное исследование игровой идиоматики словообразовательных окказионализмов с использованием психолингвистических методов, в частности, ассоциативного эксперимента и методики прямого толкования. Нами верифицировалась гипотеза, согласно которой процесс восприятия игровой словотворческой инновации предполагает «отзеркаливание» механизмов её порождения и проявляет потенциальные смыслы слова, актуальные для говорящего. Процедура толкования игры, актуализируя направленную рефлексию над её формой и содержанием, обнаруживает идиоматику прогнозируемого и субъективного восприятия авторского замысла.

Стимульным материалом для анализа послужили словотворческие окказионализмы В. Бахчаняна, писателя, поэта, представителя направления концептуализма и соц-арта, сопровождавшего свои произведения рисунками и называвшего себя «художником слова» (в буквальном и переносном смысле). Основополагающий принцип его творчества – это парадоксальный сдвиг восприятия, определяющий новое видение изображаемого объекта, что служит средством иронической дискредитации любых догматов, ограничивающих свободу самовыражения личности. Словотворческий эксперимент – неотъемлемый элемент гротескного, основанного на языковой игре, бахчаняновского художественного идиостиля (см. подробнее [Гридина 2020 (б): 264-275]).

Рассмотрению в заявленном ключе подвергались окказионализмы, созданные способом игровой гибридизации. Этот тип игр эксплуатирует механизм контаминации, не имеющей строго заданных моделей в языковой системе. Слова-гибриды, созданные на основе контаминации, представляют собой соединение произвольно усеченных сегментов слов как одной и той же, так и разных денотативных сфер. Ассоциативное сближение, как правило, поддержано частичным созвучием контаминируемых единиц. Двумя наиболее регулярными техническими приемами гибридизации выступают «склеивание» начала одного слова и финали другого (например, громния = гром и молния) или междусловное наложение (при наличии общего – конечного

и начального – сегмента в сближаемых словах. Ср., например, пидЖАКет из пидЖАК + ЖАКет). В плане номинативной спецификации игровые слова-гибриды характеризуются тем, что могут обозначать некий квазиденотат, обладающий рядом условно реальных характеристик.

В игровой палитре В. Бахчаняна такие контаминанты (слова-гибриды) представлены в виде названий несуществующих в природе животных, птиц, насекомых, якобы обитающих в виртуальном «Зоопарке культуры и отдыха» [Бахчанян 2003]. Образы этих животных разительно напоминают разные человеческие типажи. Принцип создания гибридных номинаций – междусловное наложение – создает эффект ассоциативной интеграции смыслов стыкуемых слов по принципу координации и/или контраста.

Приведем некоторые примеры: БОРЗАЯЦ (контаминация *борзая* /собака/ + *заяц* или *борз/ой* + *заяц*) – зооморфный образ, который сочетает в себе амбициозность, нахальство (ср. борзой «быстрый» и *прост. перен.* «обнаглевший, бессовестный») и трусливость одновременно. ГАЛОШАДЬ (галоша + лошадь) – в буквальном смысле «лошадь в галошах», нелепый образ, возможно, символизирующий грубую бестактность. ДЕЛЬФИНТ (дельфин + финт) – играма ассоциативно вызывает представление о дельфиных прыжках, играх на воде. Зооморфный образ содержит намек на «экстравагантность», непредсказуемый характер чьих-либо действий (ср. выражение *выкинуть финт*, *прост. сделать финт ушами*). КИСЕЛЬДЬ (кисель + сельдь) – зооморфизм, имплицитующий вялость и безынициативность. КАНКАНАРЕЙКА (канкан + канарейка) – зооморфный типаж человека, получающего удовольствие от жизни – без всякой рефлексии над собственными поступками и их возможными последствиями. ЩЕГОЛУХ (щегол + олух) – зооморфная характеристика глупого щёголя, бахвала. УПРАВДОМУЛЬ (управдом + омуль) – типаж ловкого управленца, способного выкрутиться из любой щекотливой ситуации, «соскользнуть с крючка», подобно юркой рыбе. ДОНОСОРОГ – типаж доносчика, который «идет напролом», безжалостно расправляясь с выбранной жертвой (ср.: «...имея слабое зрение, носорог придерживается простой тактики: если что-либо шевелящееся оказывается на его пути,

он опрокидывает «это» всей тяжестью своей двухтонной туши и растаптывает в «фарш» своими тумбообразными ногами; безжалостно распарывает жертву своим длинным и острым рогом» (режим доступа: <https://gamesaved.ru/nosorog-zhivotnoe>). БИБЛИОФИЛИН (библиофил + филин) – о том, кто за книгами не видит ничего (подобно филину, который днем слеп). Ср.: библиофил – «знаток и любитель книг, собиратель редких коллекций». ДЕМАГОГОЛЬ (демагог + Гоголь / гоголь «селезень») – возможно, о писателе-демагоге, вообразившем себя Гоголем (первая версия); о демагоге, бессодержательная речь которого подобна гоготанию птицы (вторая возможная версия).

Заметим, что все приведенные нами варианты символических проекций слов-гибридов имеют вероятностный характер (интерпретация наша. – Т.Г.). Многие из рассмотренных выше игровых гибридов, несомненно, имели в момент их создания политическую подоплеку, связанную с иронической дискредитацией В. Бахчаняном идеологических фетишей советской эпохи. Однако сам автор не дает никаких пояснений и подсказок, которые способствовали бы однозначной дешифровке его инноваций и ограничивали бы возможность собственных читательских эвристик.

Словотворческие игры бахчаняновского «зоопарка» обнаруживают механизм взаимодействия формы и содержания как ассоциативную проекцию индивидуального (авторского) сознания, представленного в зримых (визуальных, в том числе цветных), кинестетических и аудиальных образах. Декодирование игрем-гибридов дает волю фантазии воспринимающего: это чаще всего слова разных тематических групп, которые могут быть сближены по принципу метафорического сходства: БАКЛАН-ДЫШ (баклан и ландыш – по цвету); ЯГУАРФА (ягуар и арфа – по форме), ЯГУАРИЯ (ягуар и ария – голос животного и музыка); ГУСАКСОФОН (гусак и саксофон – яркая параллель звучания инструмента и хриплого крика птицы); ОРАНГУТАНГО (орангутан и танго – движение животного и танец). Образно-эвристический принцип языковой игры, реализованный в художественном идиостиле В. Бахчаняна, ориентирован на сотворчество с креативным читателем, что, в частности, согласно на-

шей гипотезе, должно проявлять идиоматику игрового слова в процессе его толкования.

Экспериментальные данные отражают разные стратегии считывания окказионального слова-гибрида и позволяют выделить объективные и субъективные факторы, определяющие перспективу интерпретации игрем этого типа. Респондентам предлагалось привести ассоциаты, соотносительные с игрой, и дать ее толкование (любым удобным для участников эксперимента способом). Процедура предъявления первых ассоциаций на заданное гибридное новообразование рассматривалась нами как стимулирующий фактор «опознания» входящих в его структуру компонентов, согласно гипотезе о дешифровке игры как процессе ее «реконструирования».

Рассмотрим лишь некоторые наиболее показательные в этом отношении примеры толкований, полученные от респондентов-филологов (магистрантов Института филологии и межкультурной коммуникации УрГПУ).

РЕМЕСЛОН – игра, созданная способом междусловного наложения (*ремесло* + *слон*), представлена в экспериментальном материале следующими версиями интерпретации:

1) «толстый ремень» – толкование, согласно которому слово воспринято как сложение или контаминация сущ. *ремень* и *слон*, буквально «ремень из слоновой кожи»; ср. приведенные тем же респондентом варианты толкования: «толстый ремень для большого (полного) человека» и «неповоротливый человек» (в опоре на пресуппозицию СЛОН – большое неуклюжее животное и метафорическую «размерную» символику этого зоонима по отношению к характеристике человека); при этом ни в одном из актуализированных потенциальных значений данной игры **не считан** входящий в структуру слова-гибрида компонент *ремесло*;

2) «ремеслон – от ремесло + слон» (данный комментарий показывает, что в составе игры декодированы оба составляющих ее компонента, и это определяет варианты толкования в опоре на значения «опознанных» прототипов); ср. приведенные респондентом ассоциаты, актуализирующие пресуппозиции, связанные с компонентом *ремесло* – **делать что-либо руками; пластик, технологии**, и типовой ассоциат на слово СЛОН –

нечто большое. Предложенное на базе этих ассоциаций толкование – метафорическая проекция слова-гибрида (с элементами визуализации, транслирующей стереотипные представления о рабочем человеке): *ремеслон – большой высокий человек в комбинезоне, мастер среди других*. В ассоциате *мастер* имплицитно представлен оценочный компонент – «лучший, наиболее компетентный в своем деле», «главный» (актуализация положительной коннотации слова *ремесло* в соединении с метафорикой ассоциата *слон*);

3) «ремеслон – из ремесло и слон: плохой работник, *слон в посудной лавке*». В данном случае актуализируется метонимическая связь ассоциатов *ремесло* и *работа, работник*. Отрицательно-оценочный компонент толкования ориентирован на фразеологический прецедент «слон в посудной лавке» (см. комментарий респондента: «ломает и рушит все, за что ни возьмется»). Применительно к данному комментарию можно предположить, что в качестве пресуппозиции для толкования выступает буквализация переносного смысла фраземы (ремеслон – работник посудной лавки).

Таким образом, идиоматика данного игрового слова производна от выбора положительного или отрицательного вектора оценки, закрепленного в символике зоонима *слон*. Амбивалентную оценочную символику имеет и второй компонент игры – *ремесло* (ср. ремесло «умение, хорошее знание своего дела, ручейное мастерство»: значение *овладеть ремеслом* со знаком «плюс» проявлено, в частности, в толковании игры «мастер по изготовлению изящных фигурок слонов») и ремесло «грубая, механическая работа, противопоставленная творчеству, искусству. Ср. оценочное метафорическое толкование игры одним из респондентов: РЕМЕСЛОН – пианист-«ремесленник», который механически колотит по клавишам. Вполне вероятно в данном случае и актуализация связи с фраземой *слон на ухо наступил* (о человеке, лишенном музыкального слуха).

К факторам идиоматичности выводимых смыслов данной игры можно отнести также возможность приписывания слову как значения производителя какого-то продукта, так и самого этого продукта: например, *ремеслон – это огромная скульптура*

слона при входе в зоопарк. Ср. также креативную прецедентную актуализацию той же пресуппозиции: *ремеслон – Зураб Церетели* (скульптор, известный своими монументальными композициями).

Важным аспектом считывания потенциальных смыслов игром рассматриваемого типа является **осознание техники их создания** (междусловного наложения, которое провоцирует адресата к соединению смыслов лексических компонентов игровой номинации). Почти все толкования предваряются выделением составляющих гибрида частей, т.е. декодирование смысла игры начинается с рефлексии над способом ее образования. Ср. показательный в этом отношении развернутый комментарий одного из респондентов: *общий сегмент в словах **ремесло и слон** «склеивает» их в одно целое*. Такой взгляд на данную игру соответствует ее гибридной природе и определяет сцепленные смыслов.

СОБАКАЛАВР (собака + бакалавр):

1) умная собака (собака-бакалавр); 2) злой человек, который «собачится» с окружающими; 3) студент-бакалавр: *умный, как собака, которая все знает, а сказать не может*; 4) одноклассник, который учится на бакалавриате. См. лингвистический комментарий респондента к последнему примеру: *«одноструктурные» ассоциаты – соучастник, сообщник, сотоварищ; это приставочный способ образования – к слову бакалавр добавили приставку СО- со значением «принадлежности к одному сообществу»*; 5) собака Лавр (т.е. *собака по имени Лавр*) – толкование с использованием ономастической стратегии языковой игры, которая часто строится на ложноэтимологических ассоциациях, в частности, отождествлении любого «остаточного» сегмента» мотивируемого слова с именем собственным: в данном случае это сегмент *-лавр*, совпадающий с существующим антропонимом; 6) собака элитных пород, завоевавшая много медалей (ср. ассоциацию с *лавры* и выражением *увенчать лаврами* – о признании чьих-либо заслуг); 7) о том, кто в своем деле *собаку съел*; 8) собакалавр (автохарактеристика) – *это я, бакалавр, уставший как собака, после сессии*.

Как видно из приведенных толкований, гибридная техника создания игры (междусловное наложение) считается только в толкованиях **1**, **3** и **8**, причем слово *собака* используется в первом случае в буквальном смысле (экспрессивно-оценочная шуточная коннотация создается применением академического звания *бакалавр* к характеристике животного); в **3-м** примере толкование игры иронически отсылает к прецеденту – расхожей шутке, содержащей импликацию «студент-бакалавр, несмотря на обучение в вузе, часто остается *глух и нем*, не будучи в состоянии сформулировать собственную мысль»; в **8-м** примере представлен вариант экспрессивного зооморфного сравнения (при актуализации буквального смысла прототипа *бакалавр* и оценочного смысла слова *собака* для выражения состояния крайней усталости – применительно к ситуации сдачи экзаменов для получения диплома бакалавра: ср. устойчивый разговорный оборот *устал как собака*); во **2-м** примере актуализирован переносный смысл глагола *собачиться* применительно к характеристике человека, проявляющего в своем поведении высокую степень агрессивности, подобно злой собаке (слово *собакалавр* наполняется зооморфной символикой, причем акцент смещен на переносное употребление производного от *собака* экспрессивного глагола). В примерах **6**, **7** отрицательный вектор восприятия связи *собака* и *бакалавр* сменяется на положительный: заслуги собаки, имеющей много медалей, «возводят» ее в ранг бакалавра, а фразема *собаку съел в своем деле* как толкование игры *собакалавр* маркирует высокий уровень мастерства, доступный образованному человеку.

Идиоматика восприятия этой игры проявляется как в заданном автором ключе, так и вне зоны авторского замысла, обнаруживая другие версии возможного «прочтения слова», в том числе и креативные, связанные с осмыслением структуры слова в русле существующих словообразовательных аналогов (см. СОбакалавр) и ономастической игры – *собака Лавр* (на основе омофонического переразложения и осмысления финали слова как имени собственного с коннотациями *лавры*, *лавровый венок*).

КЕФАЛЬШЬ (кефаль + фальшь): 1) рыба, умеющая маскироваться; 2) рыбка-бутафория, которая выглядит съедобной, но съесть её нельзя; 3) плохо приготовленная рыба (возможно, устойчивое выражение – о некачественно приготовленной пище – *любой*); 4) «скользкий» тип, обманщик; о том, кто хочет показать себя в лучшем, выгодном свете («лучепёрой рыбкой»), но на самом деле ничего из себя не представляет; фальшивый до мозга костей прощелыга, «*дутая величина*»; 5) «*ни рыба, ни мясо*» = о человеке, не проявляющем своей истинной сущности; б) молодящаяся женщина «элегантного» возраста: старается скрыть его под толстым слоем дорогой косметики; 7) музыкальный инструмент, который невозможно настроить (здесь актуализирован признак «фальшивое звучание», не позволяющее использовать инструмент по его прямому назначению. – Т.Г.).

В приведенных толкованиях ярко выражены два вектора осмысления игры – **буквальное** (отталкивающееся от прямого значения ассоциатов: кефаль «рыба ценных пород» + фальшь «обман») и **метафорическое** – преимущественно по отношению к характеристике человека. Ассоциативный контекст игры имеет оценочный характер, акцентирующий негативное отношение ко всему фальшивому. В толкованиях активно задействованы узуальные устойчивые выражения, отмечается стремление к генерализации, расширению оценочной семантики слова-гибрида (ср. КЕФАЛЬШЬ – псевдокефаль).

ЩЕГОЛУХ (щегол + олух): 1) глупая птица; 2) глупый человек, который пытается казаться умнее; 3) Большой Ух (имя – кличка человека, который любит подслушивать). Способ образования (по мнению респондента): щегол + ухо = полное слово + усеченная основа второго слова; 4) щеголух «образовалось» из двух слов: щегол и олух. Ассоциации: *что-то несурзное, глупый вид*. Возможные толкования: кто-то, обладающий талантом, щеголяющий им, но тратящий его зря; не нашедший себе применения, человек без цели. Или наоборот: тот, кто не обладает никакими талантами, но изо всех сил делает вид, что они есть; 5) молодой щёголь, в яркой, как оперение птицы, одежде; ведет себя эпатажно, не замечая того, что он смешон; б) глупец и фанфарон; человек, малосведущий, ограниченный, но весьма

красноречиво повествующий о своих мнимых «успехах»; говорит, не слыша никого вокруг себя, очень любит давать советы.

В приведенных толкованиях игрымы ЩЕГОЛУХ актуализированы пресуппозиции, связанные с представлениями о внешнем виде и поведении птицы, поддержанные созвучным ассоциатом *щёголь* (ср. примечания респондента: *щегол – певчая птица с ярким оперением, любит открытые пространства*). Отрицательные коннотации второго прототипа игрымы – *олух* – коррелируют с ассоциатом *щёголь* как характеристикой человека недалекого, заботящегося в основном о своей яркой внешней презентации. Особняком стоит интерпретация *Большой Ух*, основанная на ложноэтимологическом сближении слов *олух* и *ух*. Ср. одну из существующих не вполне убедительных этимологий, связывающих *олух* с *оглухъ, ср. укр. оглух «тот, кто плохо слышит», которая возникла в связи с тем, что *глуховатый* и *глупый* часто рассматриваются как синонимы. Идиоматика игрового слова *щеголух* обусловлена его мотивацией – соотносительностью слов *щегол* и *щёголь* (с омонимичными корнями), их ассоциативным отождествлением (идентификацией) при анализе структуры гибрида и связью с *олух* как вторым компонентом игрымы.

При всей вариативности идиоматики игрового слова остается открытым вопрос о конгруэнтности авторского замысла и читательской интерпретации. В особенности это касается тех случаев, когда игровое слово представлено вне контекста и его ассоциативная проекция потенциально вариативна как в плане считывания системно заданных, так и в плане актуальных для речевой практики и личностного опыта говорящих структурных и смысловых аналогий.

Экспериментальные данные демонстрируют разные уровни считываемости ассоциативного контекста игрымы:

1) опознание прототипа и его буквальная интерпретация: КАКАДУБ: дерево, на котором сидит какаду (игнорируется метафорический смысл прототипа *дуб* – «глупый человек, тугодум», который поддерживается ассоциатом *какаду* с потенциальной актуализацией символики болтливости, крикливости, бездумного повторения слов за человеком). В версии Вагрича

Бахчаняна эта игра могла бы быть прочитана и в контексте дискредитации образа бюрократа или представителя высшей политической элиты;

2) толкование игры с использованием симпрактического контекста: КАКАДУБ – долго думает, не умеет подстраиваться под ситуацию. Актуализирован метафорический смысл слова-гибрида, соотносительный с узуальным синонимом *тугодум*, при этом акцент с оценки низкого интеллекта смещается на актуальную для современного социума и данного респондента оценку способности человека к гибкому реагированию на ситуацию. Ср. *какадуб – нечто тяжелое и тупое, человек без перспектив, выполняющий однообразную монотонную работу; когда наступает пик, в который какадуб осознаёт, что эта работа ему очень надоела, он начинает – от бессилия что-либо изменить – биться головой о рабочий стол*. Здесь визуализирован и представлен в ироническом ключе буквальный смысл выражения *биться головой об стол*, ср. также смысл прилагательного *дубинноголовой*. По сути, второй компонент гибридного слова (*какаду*) вообще не считан, точнее, проигнорирован, а все содержание игры выводится на основе известных респонденту из практического опыта общения с подобными людьми поведенческих стереотипов;

3) толкование игры в нестандартном ключе: КАКАДУБ (какаду + дуб). *Игра слов. Название человека с яркой внешностью и очень сложным, упрямым характером (какаду – красивые волнистые попугаи, дуб – символ мощи и выносливости)*. Ср.: КАКАДУБ – человек, не слишком образованный, но считающий себя очень крупным, фундаментальным специалистом.

«Консенсус» между авторской интенцией и уровнем ее считывания достигается при совпадении (хотя бы частичном) культурного фона коммуникантов, понимании условности игрового кода, дешифровке игры в соответствии с осознанием механизма ее порождения.

Приведем предложенные студентами-филологами примеры адекватных авторской технике языковой игры креативных толкований: ТАКСИВКА-БУРКА (такси + сивка-бурка «конёк-горбунок») – такси по вызову; скоростное такси; такси в одну

лошадиную силу; ПОЖАР-ПТИЦА (пожар + жар-птица) – птица с ярко-красным оперением; о человеке с неукротимым темпераментом; тот, кто распространяет панику, кричит «Пожар! Пожар!; ФАЗАНАВЕС (фазан + занавес) – разноцветный яркий занавес в театре; тот, кто прикрывается ярким внешним видом, как фазан, распутивший хвост; МЕДСЕСТРАУС (медсестра + страус) – медсестра, которая, как страус, целый день бегает вокруг больных; медсестра в белом халате, похожая на страуса; медсестра, которая ходит важно, как страус, и всем делает уколы; ПИТОННА (питон + тонна) – огромный питон; беременная питониха; ТИГРОТЕКА (тигр + игротека) – игровая площадка для тигрят в зоопарке; виртуальная игра «Убеги от тигра»; БАОБАБОЧКА (баобаб + бабочка) – бабочка на баобабе; огромная бабочка; «сентиментальный» баобаб; человек с тонкой душевной организацией; САМЕЦЦО-СОПРАНО (самец + меццо-сопрано) – о мужчине с женским голосом или о женщине с почти мужским голосом; ЧЕРВЯКОРЬ (червяк + якорь) – крупный рыболовный крючок; якорь, на который насаживают червяка для ловли рыбы (ситуация использования предмета не по назначению); СУРОК-Н-РОЛЛ (вялый рок-н-ролл, ср. спать, как сурок) и т.п.

Игровые гибриды вполне легко считаются в плане их формальной структуры, однако далеко не все они легко декодируемы в плане содержательной интерпретации (с учётом контекста той эпохи, когда они были созданы, и многослойности авторских оценочных импликатур). Например, таковы контаминанты типа САМОГОНЧАЯ (самогон + гончая), ср. ассоциаты *знать самогон, самогонка, гончая собака* и тему диссидентства в СССР; КОМСОМОЛЛЮСК, ПЕТУХАЧЕВСКИЙ, БИЗОНТ, ШИМПАНЗЕБРА, ПАРФЮМЕРИН, ЧЕПУХАРИУС, МАМОНТЕ-КАРЛО и другие.

Подводя итоги проведенного эксперимента, отметим, что предложенные респондентами версии подтверждают обратимость процессов порождения игры и ее декодирования при восприятии, однако эта корреляция имеет вероятностный характер, обнаруживая зависимость интерпретации от «креативной составляющей интеллекта» [Коновалова 2012] и соотношения типовых пресуппозиций с личностным опытом говорящего.

Факторы, определяющие идиоматику игрового слова-гибрида при его декодировании

1. Осознание техники создания игры и вариативный характер связи вычлняемых прототипов: смысловой акцент только на одном из компонентов гибрида или соединении смыслов обоих компонентов по принципу ассоциативной идентификации и / или контраста.

2. Актуализация вариативной символики зооморфизма (потенциальной, субъективной) – в том числе с привлечением прецедентных феноменов (культурных смыслов, связанных с функционированием зоонимических номинаций).

3. Рациональная или эмоционально-оценочная интерпретация ассоциативной связи составляющих игровой гибрида лексических компонентов.

4. Применение игрового гибрида к актуальным для респондента ситуациям (симпрактическая стратегия толкования).

5. Креативные стратегии, проявляющие оригинальность предложенных версий, – переключение потенциальной денотации в нестандартный ассоциативный регистр: метафорическое перекодирование, использование респондентами собственных словотворческих ассоциатов в процессе толкования.

6. Отсутствие контекстуальной актуализации словообразовательных гибридов (они предъявлены как «самодостаточные» номинации, без авторского комментария), что, с одной стороны, дает читателю интерпретационную свободу, с другой стороны, лишает его подсказки, которая позволила бы с большей глубиной считывать идиоматику игрового слова в свете исходного замысла.

Литература

Бахчанян В. «Мух уйма». Художества. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 192 с.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. – Екатеринбург, 1996. 214 с.

Гридина Т.А. Рефлексивная составляющая детского сознания как лингвокреативная стратегия усвоения языка // Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной международной научной конференции. – Иваново, 2019. С. 15-20.

Гридина Т.А. (а) Феномен вербальной креативности в свете инноваций детской речи: методология анализа // Стратегические ориентиры современного образования. 2020. Том Часть 3. С. 69-72

Гридина Т.А. (б) Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива-5. Коллективная монография. – Екатеринбург, 2020. С. 264-275. 392 с.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. 2017. №8. С. 79-84.

Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. – М.: Рус. яз, 1984. 151 с.

Коновалова Н.И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. №10. С. 35- 48.

Лингвистика креатива: коллективная монография / Под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – 2-е изд. 359 с.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.

Милославский И.Г. Вопросы словообразовательного синтеза. - М.: Изд-во МГУ, 1980. 296 с.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка: монография. – М.: Флинта, 2018. 344с.

REFERENCES

Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: monografiya. – Yekaterinburg, 1996. 214 s.

Gridina T.A. Refleksivnaya sostavlyayushchaya detskogo soznaniya kak lingvokreativnaya strategiya usvoyeniya yazyka // Sovremennaya ontolingvistika: problemy, metody, otkrytiya: materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii. – Ivanovo, 2019. S. 15-20.

Gridina T.A. (a) Fenomen verbal'noy kreativnosti v svete innovatsiy detskoj rechi: metodologiya analiza // Strategicheskiye orientiry sovremenogo obrazovaniya. 2020. Tom Chast' 3. S. 69-72

Gridina T.A. (b) Idiostilevyye rakursy yazykovoy igry: grotesknyy mir Vagricha Bakhchanyana // Lingvistika kreativa-5. Kollektivnaya monografiya. – Yekaterinburg, 2020. S. 264 -275. 392 s.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Tekhniki yazykovoy igry v protsesse obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2017. №8. S. 79-84.

Yermakova O.P. Leksicheskiye znacheniya proizvodnykh slov v russkom yazyke. – М.: Рус .яз, 1984. 151 с.

Konovalova N.I. Kreativnaya sostavlyayushchaya intellekta: k 100-letiyu IQ // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2012. №10. S. 35- 48.

Lingvistika kreativa: kollektivnaya monografiya / Pod obshchey red. T.A. Gridinoy. – Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. – 2-e izd. 359 s.

Leont'yev A.N. Deyatel'nost'. Soznaniye. Lichnost'. – M.: Smysl, Akademiya, 2005. 352 s.

Losev A.F. Znak. Simvol. Mif. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 480 s.

Miloslavskiy I.G. Voprosy slovoobrazovatel'nogo sinteza. - M.: Izd-vo MGU, 1980. 296 s.

Norman B.YU. Igra na granyakh yazyka: monografiya. – M.: Flinta, 2018. 344s.

©Гридина Т.А., 2021

Гридина Татьяна Александровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Gridina Tatyana Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of General Linguistics and the Russian Language. Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia).

М. А. ЕЛИВАНОВА
В. А. СЕМУШИНА
г. Санкт-Петербург, Россия
melivanova@yandex.ru
halaria@yandex.ru

УДК 821.161.1-3
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_02

ДЕЙСТВИЕ ЗАКОНОВ НЕЙРОЭСТЕТИКИ В.С. РАМАЧАНДРАНА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ НА ДВУХ ПРИМЕРАХ ПРОЗЫ

Аннотация. В исследовании анализируется природа художественного мышления, художественного творчества, которое не просто отражает действительность, а преобразует ее. Путь преобразования определяется универсальными законами искусства. Эти законы сформулировал нейропсихолог В. Рамачандран, основавший направление нейроэстетики. Действие законов максимального смещения (объясняет любовь людей к нереалистическому искусству), группирования, контраста, изоляции, решения проблем восприятия, метафоры, объясняющих направления преобразования действительности, рассматривается на примере отрывков прозаических текстов Н. Гумилева и В. В. Набокова. Механизмы действия большинства законов связываются с работой подкорковых отделов головного мозга, отвечающих за эмоции и восприятие, а закона метафоры – с активацией ассоциативных центров коры правого и левого полушарий головного мозга, которая позволяет связывать, казалось бы, несоединимое (не случайно синестезия в семь раз чаще встречается у художников, поэтов и писателей). Метафорическое мышление объясняет обилие словесных символов в произведениях писателей.

Ключевые слова: законы нейроэстетики; нейроэстетика; синестезия; символы; метафоры; сознательное; подсознательное, художественные тексты; русские писатели; литературное творчество; художественное мышление.

ELIVANOVA MARIYA A.
SEMUSHINA VALERIYA A.
St. Petersburg, Russia

V.S. RAMACHANDRAN'S NEUROAESTHETICS LAW EFFECT IN ARTISTIC CREATIVITY ON TWO PROSE EXAMPLES

Abstract. In the research we analyze nature of art brainwork, artistic creativity, not only reflecting but also modifying reality. The way of transformation on based on universal art laws stated by the founder of neuroaesthetics, neuropsychologist V. Ramachandran. The effect of maximum displacement (which explains people's love to unrealistic art), grouping, contrast, insulation, perception of problem solving, metaphor that explain direction of reality transformation is dealt with help of examples of N. Goumilyov (Н. Гумилев) and V. Nabokov (В. В. Набоков)'s prosaic texts. Mechanism of the effect of laws is connected with subcortical part brain work responsible for emotions and perception, and the law of metaphor – with activation of brain cortex of right and left hemispheres that allows to combine incompatible things (it is no coincidence that synesthesia happens between artists and writers 7 times more often). Metaphoric way of thinking explains plethora of word symbols in writers' works.

Keywords: artistic creativity, neuroaesthetic law, synesthesia, symbols, metaphors, conscious, subconscious literary texts; Russian writers; literary creativity; artistic thinking.

Исследуя природу художественного мышления, Н. Л. Лейзеров [1974] развёл понятия образного и художественного мышления. Образное мышление – это эмоционально-оценочное, чувственно-наглядное отражение человеком своего восприятия мира, которое становится художественным только тогда, когда весь этот процесс оказывается подчиненным определенной цели – созданию предназначенного для других людей произведения.

Художественное творчество не просто отражает действительность, а определённым образом её преобразует. Нейропсихолог В. Рамачандран [2006], закладывая фундамент новой научной дисциплины – нейроэстетики, задался вопросом: можно ли вычленил общие законы или принципы, которые действуют

в рамках разных культурных традиций и стилей? В результате им были выделены десять универсальных законов искусства: 1) максимальное смещение, 2) группирование, 3) контраст, 4) изоляция, 5) решение проблем восприятия, 6) симметрия, 7) отвращение к общему/сходному мнению (парадоксальность), 8) повтор, ритм и порядок, 9) баланс, 10) метафора. В книге «Рождение разума: Загадки нашего сознания» исследователь изложил свои соображения о некоторых (1, 2, 3, 4, 5, 10-м) законах нейроэстетики.

В действенности этих законов для писательского творчества можно убедиться на примере отрывка из художественной прозы поэта Н. Гумилёва.

О своём осмыслении картины звёздного неба, сродни эмоционально-рациональному образному мышлению древних людей, Н. Гумилёв писал в «Записках кавалериста»: «Иногда мы останавливались в лесу на всю ночь. Тогда, лёжа на спине, я часами смотрел на бесчисленные, ясные от мороза звёзды и забавлялся, соединяя их в воображении золотыми нитями. Сперва это был ряд геометрических чертежей, похожий на развернутый свиток Каббалы. Потом я начинал различать, как на затканном золотом ковре, различные эмблемы, мечи, кресты, чаши в непонятных для меня, но полных нечеловеческого смысла сочетаниях. Наконец, явственно вырисовывались небесные звери. Я видел, как Большая Медведица, опустив морду, принохивается к чьему-то следу, как Скорпион шевелит хвостом, ища, кого ему ужалить. На мгновение меня охватывал невыразимый страх, что они посмотрят вниз и заметят там нашу Землю. Ведь тогда она сразу обратится в огромный кусок матово-белого льда и полетит вне всяких орбит, заражая своим ужасом другие миры. Тут я обыкновенно просил у соседа махорки, свёртывал сигарку и с наслаждением выкуривал её в руках – курить иначе значило выдать неприятелю наше расположение».

Максимальное смещение. Предпосылкой этого закона взят эксперимент Н. Тинбергена на птенцах серебристой чайки, который обнаружил, что красное пятно на жёлтом клюве взрослой чайки как релизер (ключевой стимул, запускающий врождённый комплекс фиксированных действий – клевание пятна, побуж-

дающее родителя отдать пищу) может быть заменён его моделью. Желтую палку с тремя красными полосками, которая совершенно не походила на клюв (что важно), птенцы клевали интенсивнее. Смещение к максимуму размера усиливает эффект действия релизеров [Тинберген 1985]. Обсудив максимальное смещение и идею ультранормальной стимуляции с позиций этологии, нейрофизиологии и психологии животных, В. Рамачандран дал объяснение, почему люди любят нереалистическое искусство (здесь и далее в кавычках приводятся цитаты из его книги): «Художники путем проб и ошибок, с помощью интуиции и гения обнаруживают фигуральные основы грамматики нашего восприятия. Они подключаются к ней и создают для человеческого мозга эквивалент длинной палки с тремя полосками. И так появляются Генри Мур и Пикассо». Построенные Н. Гумилёвым на небе огромные абстрактные фигуры оказали на него очень сильное эмоциональное воздействие, о котором он впоследствии сообщил своим читателям.

Группирование. Закон был иллюстрирован картинкой-головоломкой далматинской собаки. Человек нащупывает решение перцептивной загадки изображения на белом с чёрными пятнами фоне пегого (белого с чёрными пятнами) далматина, контуры которого не очерчены. «Когда вы успешно группируете правильные фрагменты один к другому, чтобы увидеть объект, из зрительных центров мозга в эмоциональные центры лимбической системы поступает сообщение, давая им толчок: “Ага, здесь есть объект – это собака”». То же самое происходило и при группировании звёзд в созвездия.

Контраст. Возбуждение и внимание завершаются пробуждением лимбической системы. В. Рамачандран считает, что «промежуточные “ага” создаются на каждом этапе зрительной иерархии как частичное опознание объекта, чтобы привлечь наш интерес и внимание. А что же делает художник? Он тоже пытается вызвать как можно больше сигналов “ага” в как можно большем количестве зрительных областей, достигая более оптимального возбуждения их с помощью живописи или скульптуры, чем можно было бы добиться с помощью естественных реалистических образов». Такую же последовательность мыс-

ленных действий мы находим у поэта (писателя) при выделении им созвездий среди других звёзд на небосводе.

Изоляция, или преуменьшение. «Не противоречит ли это первому закону, идее гиперболы, достижению как можно большего количества “ага”? Объяснение этому парадоксу содержится в другом зрительном феномене – внимании. Известно, что не может быть двух совпадающих моделей нервной деятельности одновременно. Даже несмотря на то, что человеческий мозг содержит сотни миллиардов нервных клеток, никакие два шаблона не могут совпадать. Другими словами, существует “узкое место” внимания. Ресурсы внимания могут быть предназначены только для одной данности в единицу времени. Когда все остальные модули мозга безмолвствуют, развивается гиперфункция правой теменной доли, отвечающей за художественное восприятие». Формирование распределённых систем нейронов в мозге поэта способствовало распознаванию им того или иного небесного звёздного образа.

Решение проблем восприятия. «Связь зрительных центров с эмоциональными гарантирует получение удовольствия даже от самого поиска. То же происходит и при решении головоломки – вам приятен сам процесс ее разрешения задолго до финального “ага”. И снова речь идет о создании как можно большего количества этих “ага” в вашем мозгу». Поэт забавлялся, когда мысленно соединял звёзды между собой воображаемыми золотыми нитями.

Метафора – сопоставление двух, казалось бы, несвязанных вещей для того, чтобы ярче высветить важный аспект одной из них. Большинство великих произведений искусства полны метафор и имеют множество смысловых уровней. Какова нейрофизиологическая основа метафоры? В. С. Рамачандран попробовал ответить на этот вопрос, рассматривая явление синестезии. Он заметил один удивительный факт, касающийся синестезии, на который многие годы никто не обращал должного внимания: синестезия в семь раз чаще встречается у художников, поэтов и писателей. Этим людей отличает их способность к метафорическому мышлению, умение заметить связи между несхожими вещами вследствие перекрестной активации ассоциа-

тивных центров коры головного мозга. Такой человек обладает предрасположенностью к метафоре, способностью связывать на первый взгляд несоединимое. Учёный предположил, что верхнее теменно-затылочное соединение, особенно ангулярные извилины коры, могут создавать взаимодополняющие роли двух полушарий в содействии различным видам метафоры: левое полушарие служит для кросс-модальных метафор (например, «кричащая рубашка», «острый сыр»), а правое – для пространственных метафор (он «слетел» со своего поста).

Метафорическое мышление писателя Н. Гумилёва проявилось в обилии словесных символов в тексте. Символы бессознательного [Юнг 2019] объяснены в основном по юнгианскому словарю и справочнику символов Г. В. Врублевской [2002] или по энциклопедии символов Дж. Фоли [1997].

Символический смысл подчёркнутых в тексте отрывка слов следующий. ЛЕС – местопребывание враждебных человеку сил. НОЧЬ символически связывается с таинственной тьмой и укрывающим материнским лоном. ЛЕЖАТЬ в плохом, неудобном месте – необходимость набраться сил, чтобы преодолеть трудный период жизни. СПИНА – символ того, что нечто происходит скрытно от вас (за вашей спиной). МОРОЗ – владетель стихии льда. ЛЁД символизирует связь живого и неживого, переходное звено между различными состояниями природы, «плотные» воды земли, противостоящие «свежим» и живительным водам родников Рая. ЗВЕЗДЫ указывают на судьбу, устремление в будущее, уход от реальных проблем. НИТЬ отображает связь между телом и духом, небом и землёй. СВИТОК – хранилище обретшего конкретную форму знания, записанного и подтвержденного опытом. КОВЁР имеет символический смысл, зависящий от его цвета и рисунка. ЗОЛОТО – символ божественности, бессмертия, живучести, славы, отличия и духовного озарения, всего, что поистине ценится. ЭМБЛЕМА – вещественное изображение какого-нибудь отвлеченного понятия, символ. МЕЧ обычно наделяется амбивалентной семантикой противопоставления жизни и смерти. КРЕСТ – один из старейших универсальных символов, нередко означающий высшие сакральные ценности. ЧАША – символ устремлений к духовной и

физической пище, здоровья, энергии, подпитки сил человека. ЖИВОТНЫЕ (звери) символизируют инстинктивные и эмоциональные порывы, которые необходимо обуздать, прежде чем вступить в сферу духовного, они выражают собой животную природу людей. БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ в древности поклонялись как материнскому началу. По К. Г. Юнгу, символы архетипа Матери присутствуют в таких понятиях, которые выражают страстное стремление человека к спасению. В современной мунданной (мировой, политической) астрологии сила звёзд этого созвездия имеет марсианский оттенок. Зодиакальный СКОРПИОН напоминает это ядовитое животное и является архетипическим символом. СТРАХ – это эмоциональное состояние, обусловленное грозящим реальным или предполагаемым бедствием, играющее большую роль в выживании. ЗЕМЛЯ может быть символом серой обыденности. УЖАС – аффективное состояние под влиянием сильного страха, отличительной чертой которого является оцепенение, отсутствие активной реакции по устранению источника страха. КУРЕНИЕ ТАБАКА (махорки) – средство снятия напряжения и успокоения.

Рассмотрим другой пример прозаического художественного текста, богатого словесными метафорами, имеющими символическое значение.

Начинавший творческую деятельность в качестве поэта с псевдонимом В. Сирин и впоследствии получивший известность как писатель, синестет В. В. Набоков обратил внимание на особенность своего мышления. В романе «Дар» он писал об этом феномене: «...многоплановость мышления – смотришь на человека и видишь его так хрустально ясно, словно сам только что выдул его, а вместе с тем, нисколько ясности не мешая, замечаешь побочную мелочь – как похожа тень телефонной трубки на огромного, слегка подмятого муравья, и (всё это одновременно) загибается третья мысль – воспоминание о каком-нибудь солнечном вечере на русском полустанке, то есть о чём-то не имеющем никакого разумного отношения к разговору, который ведёшь, обегая снаружи каждое своё слово, а снутри – каждое слово собеседника. Или пронзительную жалость – к жестянке на

пустыре, к затоптанной в грязь папиросной картинке из серии “национальные костюмы“, к случайному слову, которое повторяет добрый, слабый, любящий человек, получивший зря нагоняй, – ко всему сору жизни, который путём мгновенной алхимической перегонки, королевского опыта, становится чем-то драгоценным и вечным. Или ещё постоянное чувство, что наши здешние дни только карманные деньги, гроши, звякающие в темноте, и что где-то есть капитал, с которого надо уметь при жизни получать проценты в виде слов, слёз счастья, далёких гор».

Символическое значение, усиливающее впечатление от прочитанного, имеют многие словесные образы. ЧЕЛОВЕК у Э. Кассирера [1998] – «существо символическое», он живёт в мире культуры, и ключом к его двойственной (натура + культура) природе является символ, способность символизировать окружающее. ХРУСТАЛЬ является символом духа и интеллекта, а также совершенной добродетели. ТЕНЬ – негативное начало в человеческой психике, архетип Юнга, выражающий подавляемое влечение подсознания. МУРАВЕЙ выступает как символ экономности, запасливости, предусмотрительности. СОЛНЕЧНОСТЬ символизирует недостижимость идеала и творческую созидательную силу. ВЕЧЕР несет на себе печать усталости от трудов. СЛОВО имеет сакральное значение вселенского закона и созидательной силы («в начале было слово»). ЖАЛОСТЬ – это чувство дискомфорта, проявляющееся в виде снисходительного сострадания, соболезнования, милосердия, печали, сожаления. ЖЕСТЬ на современном сленге – эмоциональная реакция на что-то выходящее за рамки привычного, а ЖЕСТЯНКА – символ пустоты и бездуховности («эх, жизнь моя – жестянка»). ПУСТЫНЯ (пустырь) является символом одиночества и озабоченности или бесчувственности. ТАБАК (папиросы) – см. выше. ГРЯЗЬ – символ воспринимавшей земли и человека, неспособного к возрождению, а также грязных помыслов, ошибок и вины. КОСТЮМ (национальные костюмы) – внешний символ духовной жизни человека и общества, маленькая частица человека, страны, народа (озабоченность проблемами отражается спецификой ОДЕЖДЫ). СОР в переносном смысле – то, что

лишено всякой ценности, незначащая мелочь. Целью АЛХИМИЧЕСКОЙ ПЕРЕГОНКИ являлась добыча «философского камня», который обладал бы свойством превращать неблагородные металлы в золото и способностью продлевать человеческую жизнь на неограниченное время. КОРОЛЕВСКИЙ ОПЫТ – алхимический символ решающего опыта по получению этой субстанции и метафора масонского посвящения, означающая стремление к совершенству. НАШИ ЗДЕШНИЕ ДНИ – будни русских эмигрантов в Берлине 30-х годов. ДЕНЬГИ – знаки стоимости. КАРМАННЫЕ ДЕНЬГИ, ГРОШИ и КАПИТАЛ – противопоставление низких и высоких нравственных ценностей. ТЬМА (темнота) – символ невежества. СЛЁЗЫ СЧАСТЬЯ связаны с чувством облегчения. ГОРЫ символизируют высокое в жизни человека.

В романе «ДАР», наряду с другими прозаическими произведениями В. Набокова «берлинского» периода, была разработана конструкционная техника уникального стиля этого писателя (тогда ещё только русскоязычного). В анализируемом фрагменте текста, кроме метафоричности, можно заметить парадоксальность мышления, повтор символов, смысловой ритм и порядок композиции, симметрию символики в пространстве текста, баланс символов высокого и низкого, контраст, группирование, максимальное смещение (огромная тень муравья).

Важнейшим является действие закона метафоры в многоплановом мышлении писателя-синестета, процесс которого требует объединения функций разных сенсорных и ассоциативных областей коры под влиянием мотивирующих творчество и контролирующих получение его результата эмоциональных структур лимбической системы головного мозга.

Таким образом, нейроэстетические законы проявляются в творческом процессе писателей-поэтов, создающих произведения художественной прозы.

Литература

- Врублевская Г. В.* Пять уроков по толкованию снов. – СПб., 2002.
Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. – М., 1998.
Лейзеров Н. Л. Образность в искусстве. – М., 1974.

Рамачандран В. С. Рождение разума: Загадки нашего сознания. – М., 2006. litmir.me/br/?b=192019&p=37.

Тинберген Н. Поведение животных. – М., 1985.

Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. – М., 1997.

Юнг К. Г. Архетип и символ. – М., 2019.

REFERENCES

Vrublevskaya G. V. Pyat' urokov po tolkovaniyu snov. – SPb., 2002.

Kassirer E. Izbrannoye: Opyt o cheloveke. – М., 1998.

Leyzerov N.L. Obraznost' v iskusstve. – М., 1974.

Ramachandran V.S. Rozhdeniye razuma: Zagadki nashego soznaniya. – М., 2006. litmir.me/br/?b=192019&p=37.

Tinbergen N. Povedeniye zivotnykh. – М., 1985.

Foli Dzh. Entsiklopediya znakov i simvolov. – М., 1997.

Yung K.G. Arkhetip i simvol. – М., 2019.

©Еливанова М.А., 2021

©Семушина В.А., 2021

Еливанова Мария Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. В.О., 1-ая Линия, 52.

E-mail: melivanova@yandex.ru

Elivanova Mariya Anatol'evna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Language and Literary Education of the Child. The Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Семушина Валерия Анатольевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель. Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия).

Адрес: 644043, Россия, г. Санкт-Петербург, пр. М. Горька, 86, 28.

E-mail: haleria@yandex.ru

Semushina Valeriya Anatol'evna – Candidate of Philology, Senior Lecturer. Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia).

Т. В. МАРКЕЛОВА
М. В. ПЕТРУШИНА

г. Москва, Россия

tvmarkelova@mail.ru

mpetrushina@mail.ru109469

УДК 81'37

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_03

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СЕМАНТИКА В ЯЗЫКОВОЙ ИГРЕ: ОЦЕНКА И ЭМОЦИЯ

Аннотация. В статье исследуется многоаспектность феномена языковой игры с позиций словообразовательной семантики и ее участия в создании нового образа слова. Рассматриваются узуальные и окказиональные способы словообразования в контексте выражения оценочных и эмоциональных интенций говорящего. Комментируется ироническое значение, передаваемое продуцентом и воспринимаемое реципиентом. Когнитивно-прагматический и функционально-прагматический подходы к языковой игре взаимосвязаны с коммуникативно-семантическим подходом к оценке. Словообразовательная транспозиция и модификация систематизируют аксиологическое поле, определяя важность деривации и ее высокий креативный потенциал. В статье анализируется процесс создания и выражения оценочной семантики с помощью языковой игры, систематизируются средства и способы в аспекте словопроизводства креативности, эмоциональных оттенков в тексте и коммуникации.

Ключевые слова: языковая игра; оценка; эмоции; ирония; узуальное словообразование, словообразовательная семантика; окказионализмы; аксиология; эмоциональная коммуникация.

MARKELOVA TATIANA V., PETRUSHINA MARIA V.

Moscow, Russia

SEMANTICS OF WORD-FORMATION IN A LANGUAGE GAME : EVALUTION AND EMOTION

Abstract. The article examines the multidimensionality of the phenomenon of a language game from the standpoint of word-formation semantics

and its role in the creation of a new image of the word. Usual and occasional ways of word formation are considered in the context of expressing evaluative and emotional intentions of the speaker. The ironic meaning conveyed by the producer and perceived by the recipient is commented on. The cognitive-pragmatic and functional-pragmatic approaches to the language game are interconnected with the communicative-semantic approach to evaluation and assessment. Derivational transposition and modification systematize the axiological field, determining the importance of derivation and its high creative potential. The article analyzes the process of creating and expressing evaluative semantics using a language game, systematizes the means and methods in the aspect of word formation, creativity, emotional shades in the text and communication.

Keywords: language game, evaluative semantics, emotions, irony, usual word formation, occasional word, axiology, emotional communication.

Динамика словообразовательной системы русского языка начала 21 века отражает корреляцию языковых изменений и «смену векторов развития» неязыковой действительности. Под влиянием оценки и эмоции преобразуется стилистический облик слова как отражение его новой функции в активной коммуникации, обуславливающей семантические изменения известной производящей базы: *атипичка, хиппушка, еврик, сидишник, попсятник, бандюган, ороссиянить, ояпонить* и др. «В связи с этим следует отметить появление новых способов и средств как лексической, так и семантической деривации (словообразования и преобразования, окказионализация и неологизация, смыслообразование: лексический и концептуальный блендинг, конверсия, инфикация, лексическая, семантическая, акронимическая, синтаксическая компрессия)» [Шаховский 2015: 5].

Креативный характер словообразовательных возможностей языковой системы определяет ее феноменальную роль в появлении и развитии языковой игры как способа выражения оценки и эмоций, воздействующих на адресата и участника коммуникации. «Значение словообразования в языках типа русского трудно переоценить. Благодаря словообразованию язык постоянно пополняется огромным количеством новых слов разнообразного строения и семантики, отражающих все стороны жизни народа. Именно словообразовательный механизм в первую очередь

обеспечивает язык бесконечным разнообразием слов, отвечающим всем потребностям общения» [Земская 1992: 5].

По мнению Г.А. Золотовой, человек сегодня становится центральной фигурой языка и как лицо говорящее, и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит и который представляет [Золотова 1995]. Рассмотрение феномена языковой игры в этом аспекте способствует формированию лингвокультурологического «портрета» социума в целом и языковой личности как «зеркала», отражающего окружающую действительность в репрезентациях словообразовательного значения.

В исследованиях Т.А. Гридиной языковая игра связана с явлением «креативности языковой личности» и трактуется как «особая форма лингвокреативного мышления». При этом акцентируется тот факт, что в основе языковой игры лежит «соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности, что обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц» [Гридина 1996: 5]. Лингвист учитывает в своей теории языковой игры как **когнитивно-прагматический аспект** – особенности мышления ее продуцента и реципиента, так и **функционально-прагматический** – принцип отклонения от языковой нормы.

По мнению Т.А. Гридиной, степень развитости лингвокреативного мышления личности непосредственно зависит от уровня ее лингвистической и экстралингвистической компетенции. Чем он выше, тем больше развита у человека языковая креативность и способность к созданию и разгадыванию языковых ребусов, обладающих различной степенью сложности и различным уровнем импликации в том числе на словообразовательном уровне языковой системы. Подчеркнем, что словообразование всегда отражает смыслообразование и смыслопреобразование в зависимости от социального состояния общества и его коммуникативной репрезентации: *Коммунисты, в хвосте колонны которых шли монстранты, также отличились лозунгом «Христиане за коммунизм!»* (Новая газета); *Вы чье, гламурье?* (Комс.

правда), *Газпром гулял как наносверхдержава, справляя полукруглый юбилей* (Огонек).

Н. Д. Арутюнова, уделяя особое внимание **функционально-прагматическому ракурсу** языковой игры как нарушению нормативного использования языковой единицы на фоне языковых стереотипов, обращается к полям **нормы и антинормы** в языке, связывая языковую игру с языковыми аномалиями [Арутюнова 1987]. При всей своей нестандартности ненормативные образования подчинены логике системных закономерностей функционирования языка. Исследование указанного противоречия позволяет «вникнуть в природу самого канона» [Арутюнова 1987: 4], то есть диалектики взаимодействия системного (соответствующего языковому стандарту) и асистемного (как осознанного нарушения этого стандарта), ср.: *Господствующий квас* – о популярности напитка в нашей стране (Коммерсант); *Плюшевость обманчива* – о третьей части мультфильма «История игрушек» (Коммерсант).

В словесном искусстве аномалия имеет вид «сквозного действия отклонений от нормы, которое берет свое начало в области восприятия мира, поставляющего данные для коммуникации, проходит через сферу общения, отлагается в лексической, словообразовательной и синтаксической семантике и завершается в словесном творчестве» [Арутюнова 1999: 80]. Н. Д. Арутюнова подчеркивает, таким образом, уровневый характер проявления языковой игры в дискурсе, воспринимаемом как специфический способ существования культуры, как фактор формирования культурных кодов, в рамках которых особое значение имеют аксиологические концепты. Неотъемлемые характерные признаки человека – мышление, язык и культура – в контексте изучения феномена языковой игры предполагают наличие специфичной, лишь им присущей системы аксиологических оппозиций «хорошо/плохо», выражающих не только ценностное отношение к объекту в рамках символических связей, но и наличие коммуникативной перспективы – «одобрения/неодобрения», «похвалы/порицания» контекстуальных взаимосвязей, а также эмоциональных интенций – радости и гнева, восхищения и возмущения, счастья и горя. Однако первых членов оппозиций в природе

языковой игры немного, для нее свойственно преобладание иронической интенции и ее эмоциональных окрасок, «настроенных» на антинорму: *Безусловные единицы: есть ли практический смысл конвертировать активы в произведения искусства?* («Итоги»). Отклонением от нормы здесь является псевдомотивация [Земская 1992; Улуханов 1984], реализуемая изменением области значения имени *безусловный* – «несомненный, окончательный, не связанный условиями» [СОШ 2004: 59]. Появление прагматического оттенка иронической оценки вызвано использованием префиксального способа словообразования в его незуальной форме.

Возвращаясь к примеру с языковой личностью как «зеркалом», обратимся к системе «кривых зеркал» как мыслительной интерпретации аномалии и удобным, «прозрачным» средствам ее реализации – словообразовательным средствам и способам словообразовательной игры как яркого отражения игры языковой, выполняющих **прагматическую задачу** выражения оценочной интенции (иронической, сатирической, комплиментарной, критической и др.) для осуществления воздействующей функции по отношению к адресату – единичному или массовому: *SOSмав нового правительства Украины эПАТирует публику* (Коммерсант). *Вот это общее чувство безотцовщины, безрежиссерщины, неотцентрованности – что и составляет фирменную манеру Германики – в соединении с масштабами и ресурсами Первого канала произвело почти революционное воздействие на аудиторию* (Огонек). Игровой эффект «мерцающего значения», о котором упоминает Ю. М. Лотман [Лотман 1998: 77], реализуется через коммуникативную функцию текста, а двойной смысл сообщения создается в процессе коммуникации и интерпретации смыслов при активном участии читателя-слушателя в восприятии и осмыслении этого знания. Ограниченное число словообразовательных морфем, их повторяемость – помощники в разгадывании загадок «мерцающих смыслов», поэтому так продуктивно словообразование в языковой игре. Синтетическая структура русского языка предоставляет обширный инструментарий – богатейший набор словообразовательных средств, тогда как растущая тенденция к аналитизму позволяет

выделить, наряду с уже известными, относительно новые структурные приемы, основанные на речевой компрессии: слияние, междусловное наложение, контаминация и т.д. Активный рост аналитизма в языке был отмечен еще академиком В. В. Виноградовым: «В современном русском языке грамматическая структура многих слов и форм переживает переходную стадию от синтетического строя к смешанному, аналитико-синтетическому, и как в лексике слова перерастают в идиомы и фразы, так и в грамматике слово может обрастать сложными, аналитическими формами, своего рода грамматическими идиоматизмами» [Виноградов 1972: 15]. Это наблюдение подтверждается в исследованиях современных лингвистов.

Компрессивная деривация отвечает речевым потребностям современного общества, стремлению к лаконичности высказывания: «Стремительное развитие жизни, ускорение ее темпов, поддерживаемые законом экономии речевых усилий, приводят к активизации и актуализации компрессивных способов словообразования. Именно такие способы являются наиболее востребованными в современных средствах массовой информации, так как они помогают создать емкие по форме и содержанию номинации и в то же время привлечь внимание читателей и слушателей» [Тумакова 2007: 398].

Словообразовательный уровень оперативно и чутко реагирует на культурную и социополитическую динамику окружающей действительности в сознании носителей языка соответствующими изменениями, предоставляя в умственном акте оценки и его эмоциональном ореоле [Маркелова 2013: 35-36] возможности познавательного чувственного акта, в котором ощущение, восприятие и представление связывают воедино эмоции-оценки с помощью "мостика" – мышления. Творческое отношение к слову, интерпретирующему явление в языковой игре, основано на эмоциональной реакции как единственном первичном источнике знания о ценности, "чувства" ценности, которому аксиологическая деятельность сознания придает разную силу и величину: В примере СИ *Газпром гулял как наносверхдержава, справляя полукруглый юбилей* (Огонек) – имя *сверхдержава* уже содержит в себе значение исключительности, не требующее, а

точнее, не предполагающее дальнейшего усиления значимости. Злая ироническая интенция продуцента как семиотический знак антиценности реализуется в нарочито избыточном «нанизывании» префиксов, подчеркивает утрированность события, выражая скрытое возмущение, неодобрение, граничащее с издевкой.

Тенденция к использованию деривационных ресурсов для создания языковой игры отражена в новом термине – словообразовательная игра [Земская, Китайгородская, Розанова, Николина, Ильясова] как родовом по отношению к видовому, то есть словообразовательная игра – это языковая игра со средствами словообразования [Русская разговорная речь 1983: 189].

Термин впервые встречается у Н.А. Николиной в работе «Словообразовательная игра в художественном тексте» [Николина 2000], в его предыстории есть выражение «словопроизводственная игра» [Винокур 1943: 356] (об особенностях языка В. Маяковского). Словообразовательная игра – один из важных игровых приемов, потому что модели деривации дают широкие возможности для «конструирования» новых слов и обыгрывания морфемного состава уже существующих. Игровая стратегия на базе словообразования, таким образом, ориентирована на креативный подход не только к слову и высказыванию, но и к отдельной морфеме, наполненной языковой словообразовательной семантикой, изменяющейся в мире новых речевых смыслов, особенно в медийном пространстве между участниками коммуникативного речевого акта.

Словообразовательная игра всегда имплицитно содержит в себе семантику авторской позиции, которая реализуется в оценочной коммуникации игрового текста соответствующими средствами деривации. В тексте *Власть меняет концепцию отношений с олигархами: на смену «равноудалению» приходит их «равноприближение»* (Коммерсант) по ассоциации с «равноудалением» как термином, впервые использованным в политическом дискурсе В.В. Путиным, конструируется слово с двумя основами: *равноприближение*, реализующее иронические интенции автора, вызванные лояльностью власти по отношению к олигархам. Предполагаем, что здесь важен не только способ сложения слов по аналогии с индивидуально-авторской моде-

лью (*равноудаление* – «взаимная отстраненность»), но и мотивация второго компонента *равноприближение* производящим с лексической семантикой омонимом *приближенный* – «стоящий близко к высокопоставленному лицу, пользующийся его доверием» [СОШ 2004: 587]. Такая «двойная» мотивация увеличивает воздействующую силу языковой игры и ее эмоционально-оценочный потенциал.

Эмпирический материал демонстрирует, что как **узуальные** (*сложение, аффиксация, префиксация*), так и **окказиональные** способы (*контаминация, «словообразовательный куст», «междусловное наложение», псевдомотивация, аффикс как базовое слово* и др.) участвуют в выражении оценочной функции языковой игры: «*Русские утопии*», *развитие французистой «Футурологии»*, *алаверды молодых кураторов Юлии Аксеновой и Татьяны Волковой, – в общем, та же футурология, но в моде* *се долженствования* (Афиша); *Всепродажность и вседозволенность?* (Новая газета); *В переводе с единоросского* (Коммерсант); *Как будто авторы новых книг сами кричат с их страниц: у нас самые витиеватые тексты и самые хитрые заголовки* (Новая газета).

Одним из наиболее активных способов является *словосложение*, ср.: *волна крабостерии, русское небокоптительство*, а также в статье о незаконном экспорте черной икры: *икродилеры, икротрафик, икробароны, икрзависимость, икроборот* (Итоги) и т.д.

По такому же продуктивному принципу продуцент "играет" со сложными словами в текстах с разными оценочными знаками, см. статью о премьере «Самого лучшего фильма»: *Его можно назвать лучшим фильмоимитатором современности* (Огонек); статью об Олимпийской эстафете: *Огнеборчество* (Итоги). В первом автор выражает негативную оценку, ставя под сомнение статус фильма как произведения киноискусства с помощью оценочного ореола второй части сложного слова *имитатор* – «человек, который имитирует кого-что-нибудь» [СОШ 2004: 245]. Во втором – положительная оценка подчеркивает высокий уровень олимпийских соревнований, прогнозируется эмоциональная оценка «восхищение».

Стремление языка к аналитизму, а также эффектность слова, включающего в себя несколько основ, оправдывает широкое использование способа **сложения** в создании окказиональных лексем, формирующих текст языковой игры.

Активно включается в словообразовательную игру **суффиксальный способ**, особенно в образных наименованиях лиц для оценки процессуальных признаков: В тексте *Бутлегерские пёловские диски он покупал, сгорая от стыда: ведь коммуняки, подлые редиски, стальной сомкнули занавес тогда* (Огонек) ироническая оценка подчеркивается использованием несуществующего в русском языке корня: «пёлл» – транскрибированная часть названия музыкальной группы «DeerPurple»; ср. также: *Аватарское право* (Итоги); *Завирательский эффект* (Коммерсант). "Игра" с семантикой интенсификации смысла за счет суффикса иллюстрирует «тотальные» процессы в современном обществе: *горбостройка, гимнюк, гайдарасть, чубайсизация, мавродизация, гайдаризация; немцовизм, лебедизм, кагэбизм, алкоголизация, гангстеризм* и многое др.

Префиксальный способ образования имен для реализации оценочной функции базируется на использовании контекста, актуализирующего новое значение, ср.: *У русского сознания безрамочный объем* (Огонек); *Хаус слишком необычен – и как сериал, и как человек. Слишком безыллюзорен для телесериала и слишком негероичен и дискомфортен для героя* (Огонек).

Развитие заимствований увеличивает использование для "игры" оценочной семантики иноязычных полупривагов – префиксоидов, усиливающих прагматический потенциал лексем, участвующих в языковой игре, а также воздействие оценок на реципиента. **Анти-, ре-, мега-, супер-, пост-, теле-** и т.д. становятся сегодня признаком интеллектуальности и «реверансом» в сторону языковой моды: *Телезомби* (Огонек); *Мегажара* или *аномальное потепление* (КВ 2010, №42); *Кэмероновский «Аватар», как и предсказывали, совершил революцию. И не только кассовую. Весь кинематограф теперь принято делить на до- и поставатарский период* (Итоги).

В тексте *«Двоецарствие», а не двоевластие* (Известия) выражается авторская оценка специфики современной российской

системы управления государством. Компонент *царствие* обладает значительным воздействующим на реципиента прагматическим потенциалом, обусловленным стилистической пометой «высок.» [СОШ 2004: 871] – «то же, что царствие небесное», что в сочетании с количественным компонентом увеличивает манипуляционную функцию игры.

Коммуникативно востребованы в текстах СМИ и примеры словообразовательной игры, основанной на **смешанном типе словообразования (префиксация + суффиксация)**. В этой ситуации наиболее ярко проявляется авторский стиль, поскольку словообразовательная семантика синтезирует речевые смыслы под влиянием оценочной "игры" ума, слово приобретает сложные оценочные коннотации, иногда полностью изменяя свою семантику: *«завалютило»* (Итоги); *Кантовать и перекантовывать* – о возобновлении в «Табакерке» спектакля «Затоваренная бочкотара» (КВ 2007, №163); *И хотя впоследствии герои окажутся не настолько тупыми и внеморальными, как мы можем судить из первых серий, все равно: вот это общее чувство безотцовщины, безрежиссерщины, неотцентрованности – что и составляет фирменную манеру Германики – в соединении с масштабами и ресурсами Первого канала произвело почти революционное воздействие на аудиторию* (Огонек).

В тексте *По замыслу властей к 2020 году Московская область превратится в Ближнее Подъевропье* – образцовый европейский регион с густой сетью дорог и множеством приятней (Итоги) – пример словообразовательной игры «сконструирован» по аналогии со словосочетанием «ближнее зарубежье-е – «подъ-европье-е» префиксально-суффиксальным способом [Качалова 2008]. Ироническая коннотация возникает за счет репрезентации противоположной ассоциативному контексту семантики: даже если Московской области удастся создать регион, отвечающий европейским требованиям, он будет находиться за пределами Европы. Экспрессивность высказывания усиливает использованный префикс «под-», конкретизирующий местоположение планируемого региона.

Лингвистические наблюдения показывают, что одним из самых распространенных **окказиональных способов** создания

словообразовательной игры сегодня является форма речевой компрессии – **контаминация и «междусловное наложение»** [Земская 1992: 190]: *музыкайф*, *ширпотребность*, *олигархат* и др. Воздействующая сила оценки-возмущения в высказывании ***Цинизменные способы борьбы с действительностью*** реализуется автором за счет объединения – наложения двух прагмем с негативной оценкой, «встроенной» в структуру лексического значения: *цинизм* – «пренебрежение к нормам общественной морали, наглость, бесстыдство» [СОШ 2004: 875]; *низменный* в значении 2 и 3 семемы – «подлый, бесчестный»; «грубый, животный» [СОШ 2004: 417]. Пересекающиеся синонимичные семы, выражающие отрицательную оценку высокого накала, обеспечивают эмоциональный эффект языковой игры и реакцию – ее восприятие реципиентом. При контаминации двух слов часть слова «отсекается», но ассоциативно учитывается в целостной семантической структуре полученного слова, что создает особый сатирический эффект «по умолчанию».

«Междусловное наложение» и контаминация как лингвокреативные способы характеризуют участников игровой коммуникации как творцов слова в процессуальной стороне словообразовательного акта: ***Кремленальное чтиво*** (Огонек); ***Жемчужину Стрельны – Константиновский дворец – городские шутники уже не называют иначе, чем «президенция»*** (Новая газета); ***В результате идеальная русская сага, вобравшая в себя опыт Проскурина, Иванова, Арсеньевой, Килибаева, Вересова и Пиманова должна выглядеть вот как (автор не настаивает на своей интеллектуальной собственности, поскольку сам писать эту многологию не собираетя <...>*** (Огонек).

Прием **псевдомотивации** как основы языковой игры возник как попытка комически «переосмыслить» морфемную структуру слова и словообразовательные процессы для усиления экспрессивности высказывания. Пример «псевдовосстановления» мотивирующей основы: ***Циклопедия*** (Огонек) – заголовок статьи о том, что Россия вступает в новый цикл развития. Автор словообразовательной игры предлагает читателю лингвистический ребус: представить, что утерянная часть слова *энциклопедия* является префиксом, но депрефиксации здесь нет. В умственном

акте оценки избирается для репрезентации новый оттенок семантики от условно выделяемого корня *цикл*. Ироническая оценка синтезирует комплекс приемов: не только депрефиксация, но и наложение лексемы из древнегреческой мифологии с негативным зарядом, усиливающей прагматический потенциал языковой игры *циклон* – «мощный и злой великан с одним глазом во лбу» [СОШ 2004: 875]. Ассоциации креативного автора мотивируются отражением и оценкой постоянно меняющейся объективной действительности, не рождающей положительных эмоций.

Словообразовательная игра – продуктивная и перспективная область лингвокреативной деятельности автора в современном медиапространстве. Его оценки и эмоции дают возможность вступать в игровую коммуникацию с адресатом, используя многообразный арсенал словообразовательных способов и средств, среди которых особым творческим потенциалом обладают собственно окказиональные модели словообразования, которые отвечают новейшим тенденциям вербализованного осмысления стремительно меняющейся действительности, злободневных проблем общества, политики, природы и культуры, демонстрируя тем самым языковое сознание ее носителей, в котором действие ведет к появлению, развитию, динамике взаимодействия с другими смыслами в речевой деятельности, что, несомненно, детерминирует актуальность и перспективу дальнейших исследований

Литература

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблемам языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3 -20.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.

Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.

Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. М., 1943.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.

Земская Е.А. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983. С. 54-61.

Золотова Г.А. Говорящее лицо и структура текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: Сб. ст. Институт русского языка РАН. М., 1995. С. 120-133.

Качалова И.Н. Словообразовательная игра в современной публицистике // Вестник МГУП, №8. – 2008. С. 83-91.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство. СПб, 1998. С. 14-285.

Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. М.: МГУП имени Ивана Федорова, 2013. 300 с.

Николина Н.А., Агеева Е.А. Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; Отв. ред. Л.П. Крысин. Вып.1. М.: Азбуковник, 2000. С. 540-561.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Оникс, 2004.

Тумакова Е.В. Активные способы современного словопроизводства (на материале СМИ) // Язык и стиль современных СМИ. – М.: МГУП, 2007. с. 397-401

Шаховский В.И. Синергетика слова в семасиологической семиотике языка // Мир русского слова. 2015. № 2. С.5-11.

REFERENCES

Arutyunova N.D. Anomalii i yazyk (K problemam yazykovoy kartiny mira) // Voprosy yazykozvaniya. 1987. № 3. S. 3 -20.

Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. M.: Yazyki russkoy kul'tury, 1999.

Vinogradov V.V. Russkiy yazyk (grammaticheskoye ucheniye o slove). M., 1972.

Vinokur G.O. Mayakovskiy – novator yazyka. M., 1943.

Gridina T.A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: Monografiya. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1996.

Zemskaya YE.A. Slovoobrazovaniye kak deyatel'nost'. M., 1992.

Zemskaya YE.A. Yazykovaya igra // Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest. M., 1983. S. 54-61.

Zolotova G.A. Govoryashcheye litso i struktura teksta // Yazyk – sistema. Yazyk – tekst. Yazyk – sposobnost': Sb. st. Institut russkogo yazyka RAN. M., 1995. S. 120-133.

Kachalova I.N. Slovoobrazovatel'naya igra v sovremennoy publitsistike // Vestnik MGUP, №8. – 2008. – S. 83-91.

Lotman YU.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* // Lotman YU.M. *Ob iskusstve*. SPb.: Iskusstvo. SPB, 1998. S. 14-285.

Markelova T.V. *Pragmatika i semantika sredstv vyrazheniya otsenki v russkom yazyke: monografiya*. M.: MGUP imeni Ivana Fedorova, 2013. 300 s.

Nikolina N.A., Ageyeva YE.A. *Yazykovaya igra v structure sovremennogo prozaicheskogo teksta* // *Russkiy yazyk segodnya: Sb. statey / RAN. In-t rus.yaz. im. V.V. Vinogradova; Otv. red. L.P. Krysin. Vyp.1. M.: Azbukovnik, 2000. S. 540-561.*

Ozhegov S.I., Shvedova N.YU. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Oniks, 2004.

Tumakova YE.V. *Aktivnyye sposoby sovremennogo slovoпроизводства (na materiale SMI)* // *Yazyk i stil' sovremennykh SMI. – M.: MGUP, 2007. s. 397-401*

Shakhovskiy V.I. *Sinergetika slova v semasiologicheskoy semiotike yazyka* // *Mir russkogo slova. 2015. № 2. S.5-11.*

©Маркелова Т.В., 2021

©Петрушина М.В., 2021

Маркелова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций. Институт современного искусства (Москва, Россия).

Адрес: 109469, Россия, г. Москва, ул. Перервинский бульвар, 27, 123.

E-mail: tvmarkelova@mail.ru

Петрушина Мария Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций. Институт современного искусства (Москва, Россия).

Адрес: 109469, Россия, г. Москва, ул. Перервинский бульвар, 27, 123.

E-mail: mpetrushina@mail.ru

Markelova Tat'yana Viktorovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Mass Communications. Institute of Contemporary Art (Moscow, Russia).

Petrushina Mariya Vladimirovna – Candidate of Philology, Docent of the Department of Journalism and Mass Communications. Institute of Contemporary Art (Moscow, Russia).

М. Ю. МУХИН, Е. Р. ФИЛАТОВА

г. Екатеринбург, Россия

mikhail.mukhin@urfu.ru

feelatovakatya@yandex.ru

УДК 81'23:821.161.1-3
DOI:10.26170/2306-7462_2021_02_04

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ «ЧАСТНОСТИ» ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ XIX ВЕКА¹

Аннотация. В статье обсуждаются возможности формализованного выявления особенностей лексической сочетаемости в русской прозе XIX в., в том числе психолингвистические аспекты синтагматических связей слов. На материале лексических биграмм с существительными, обозначающими части тела (*голова, рука/руки, нога/ноги, глаз/глаза*, а также слова *лицо*) рассматриваются идиостилевые особенности прозы Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева и А. П. Чехова. Сделаны выводы о наиболее лексически оригинальном выражении психологического состояния через внешность героев, свойственном идиостилю А. П. Чехова. Функциональная нагрузка слов группы «Части тела», как правило, выходит за пределы физиологического описания человека (наиболее часто – в область эмотивной семантики), что еще раз ставит вопрос о разнице между поверхностной и глубокой (функционально-текстовой) семантической разметкой корпуса текстов.

Ключевые слова: статистический анализ; лексическая сочетаемость; синтагматика; идиостиль; стилометрия, психолингвистика; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры.

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта №19-012-00104, «Формализация индивидуальной лексической сочетаемости как средство описания идиостилей: корпусное сопоставительное исследование классической прозы XIX в.».

MUKHIN MIKHAIL YU., FILATOVA EKATERINA R.

PSYCHOLINGUISTIC “PARTICULARITIES” OF LEXICAL COMPATIBILITY IN RUSSIAN PROSE OF THE 19TH CENTURY

Abstract. The article discusses the possibilities of formalized detection of lexical compatibility in Russian prose of the 19th century, including psycholinguistic aspects of syntagmatic words connections. Based on the material of lexical bigrams with nouns denoting body parts (head, hand/hands, leg/legs, eyes/eyes, and face) the idiostyle peculiarities of the L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, I.A. Goncharov, I.S. Turgenev and A.P. Chekhov prose are examined. It was concluded about the most lexically original expression of the psychological state through the appearance of the characters, typical for A. P. Chekhov's idiostyle. As a rule, the functional weight of the “Body Parts” group words, goes beyond the physiological description of a person (most often into the field of emotive semantics), which once again raises the question of the difference between the surface and deep (functional-textual) semantic markup of the texts corpus.

Keywords: statistical analysis, lexical compatibility, syntagmatics, idiostyle, stylometry, psycholinguistics.

1. Лексическая сочетаемость в художественном тексте – тонкая и множественная материя. Отдельные авторские находки в этой области замечаются читателем в силу их неординарности, особой эстетики или, наоборот, эстетической спорности. Наверно, многие вспомнят это описание внешности у Льва Толстого: «Все было красиво в этой девушке: и большие белые руки, и волнистые остриженные волосы, и крепкие нос и губы; но главную прелесть ее лица составляли карие, бараньи, добрые, правдивые глаза» (Л. Н. Толстой, «Воскресение»). Особенно заметны здесь именно *бараньи глаза*. Кроме текстов Л. Н. Толстого, это сочетание встречается в произведениях А. И. Куприна, Ф. Сологуба, у Ф. М. Достоевского (последний вкладывал отрицательную эстетическую оценку в эпитет *бараньи*). Конечно, это пример нетипичного, запоминающегося сочетания слов; в то же время другой эпитет (*правдивые глаза*) был для Толстого не ме-

нее существенным, поскольку неоднократно встречается в разных произведениях. Насколько память автора может удержать все такие «частности»? Насколько они интенциональны или, наоборот, употребляются безотчетно? И насколько читатель может связывать тексты одного автора не только переключкой сюжетов, макрокатегориями, а такими «мелочами», которые между тем в совокупности могут считаться важной идиостилевой характеристикой?

Даже если автор безотчетно, но неоднократно возвращается к одной и той же конструкции на протяжении многих лет, это никак нельзя назвать случайностью. Вот три примера из прозы А. П. Чехова:

(1) Урбенин сел и поглядел на меня **благодарными глазами** («Драма на охоте», 1884);

(2) Художник, бледный от волнения, сел на скамью, посмотрел на Ольгу Ивановну обожающими, **благодарными глазами**... («Попрыгунья», 1891);

(3) Когда вошли в дом и Старцев увидел при вечернем освещении ее лицо и грустные, **благодарные**, испытующие **глаза**, обращенные на него, то почувствовал беспокойство... («Июньч», 1898).

Между этими контекстами по семь долгих творческих лет, большое количество других произведений. Конечно, и память автора, и память читателя не в состоянии хранить множество таких контекстов. Исходя из этого мы рассуждаем о корпусной филологической методике, которая позволяет составить их системный идиостилевой «каталог».

2. Идея, лежащая в основе нашего проекта, связана с формализованным изучением авторской лексической сочетаемости в сравнительном ключе. В качестве материала привлечены произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. П. Чехова. Проводится как межстилевое сопоставление, так и «внутреннее» сопоставление произведений, написанных одним автором. В качестве авторских маркеров сочетаемости рассматриваются лексические биграмммы (пары слов в одном фразовом контексте), включающие частотное слово, используемое всеми авторами (например, *глаз/глаза*), и некое

другое слово – контекстный партнер. Если биграмма употребляется неоднократно в разных произведениях одного писателя и не характерна для других авторов, она признается значимой для идиостиля. В дальнейшем проводится обобщение слов, которые наиболее интересно употребляет каждый автор (что подтверждается статистически), и делаются идиостилевые выводы – подробнее см.: [Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. 2020; Mukhin M. Yu. & Mukhin N. Yu. 2020].

Слов, принадлежащих к знаменательным частям речи и часто используемых в любом художественном тексте, около полутора сотен. Из них нас будет здесь интересовать лексика, обозначающая части тела. Она всегда занимает особое место в авторском повествовании, выполняет портретные, характеризующие функции и часто маркирует психологическое состояние персонажа. Эта мысль отмечена в большом количестве филологических работ – см., например: [Бабенко 1989: 90; Петрова 2007 и др.]. К наиболее частотным словам этой группы, используемым всеми авторами, относятся *голова, рука/руки, нога/ноги, глаз/глаза* (приводим формы единственного и множественного числа, так как и те и другие весьма употребительны); сюда же можно отнести и слово *лицо*.

3. В группе перечисленных писателей-классиков именно у А. П. Чехова наиболее очевидно реализованы оригинальные синтагматические связи слов, обозначающих части тела. Иначе говоря, в текстах Чехова рядом с ними оказывается значительно больше слов – контекстных партнеров, которые образуют оригинальные сочетания, не характерные для других авторов.

Ранее мы уже писали о лексико-статистических параметрах прозы А. П. Чехова [Мухин, Филатова 2016] и особенностях употребления им слова *лицо*. В частности, существительное *лицо* в его текстах определяется такими прилагательными, как *колючее, поношенное, насмешливое, капризное, негодующее, смеющееся, заплаканное, томное, умоляющее*, причем каждым из них – неоднократно. Лицо героя может *поморщиться*, на нем может выражаться *равнодушие*. При перемене настроения с лица может *сползть* улыбка или блаженство.

Гораздо меньше оригинальных контекстов с этим словом у других авторов. Лицо *перекосилось* от испуга, злобы и т. д. – это из романов Ф. М. Достоевского. Герои Гончарова *ворочают* лицом и *меняются* в лице от переживаемой эмоции. У Тургенева встречается *алая* краска, разливающаяся по лицу. Для Л. Н. Толстого характерны определения *правдивое*, *жалкое*, *изуродованное* лицо [Mukhin & Filatova 2020].

Теперь о контекстных связях других слов группы. *Глаза* у чеховских персонажей часто *благодарные* (см. примеры ранее), *золотые*, *искренние*, *ленивые*, *рачы*. Ими можно *заморгать*, *ворочать* ими, *кокетливо* (шурить) глаза, *заслонять* глаза (от солнца, света), а также выполнять совместные действия – например, глядя глазами на что-либо, *сопеть* и *бормотать*. Все это слова, несомненно, важные для выражения внутреннего состояния персонажей, их психологических особенностей.

Сравним этот материал с контекстами других авторов. Очевидно, что Ф. М. Достоевскому для характеристики персонажа не нужны какие-то особые характеристики глаз. Единственное сочетание, которое встречается именно у него, – *подымать глаза*. Больше такого материала в текстах И. А. Гончарова: глаза его героев могут *искряться*, в них можно увидеть *сноп* (лучей), ими можно глядеть или *ворочать вокруг* и с оттенком *задумчивости*. У И. С. Тургенева находим *погасающие* или *погасшие*, а также *съезженные глаза*. Л. Н. Толстой, кроме своеобразного эпитета *бараньи*, использует слова *испуганные*, *правдивые* (глаза).

Существительное *голова* связано с разными жестами, выражением интеллектуальной деятельности и психологического состояния. Герои Чехова *гонят* из головы мысли, головой можно *покрутить*, *приподнять* ее, *хватать* себя по голове, *крякнуть* (покрутив головой). Ну и, конечно, в голове находятся *мозги* – слово, неоднократно употребленное Чеховым вместе со словом *голова*.

Для Толстого характерны контексты *наклонение* (головы), *неодобрительно* (покачать головой), *спутанная* голова и очень любопытное сочетание *облокоотить* (голову). В текстах Гонча-

рова голова *клонится, покоится* на чем-то; несколько раз встречается *мантилья* на голове («Обрыв» и «Фрегат “Паллада”»).

Руки персонажей также часто отражают их внутреннее состояние. У А. П. Чехова ими активно *жестикулируют*; махая и всплескивая руками, герой может одновременно *замигать* (глазами), *ужасаться* и *вскричать*, а также *стремительно* протянуть руки, закрыться руками. Ряд других слов обозначают объекты, которые можно взять в руки (например, *хлыст*), ухватиться руками (за *косяк*) и т.д.

Рука в тексте Гончарова *дружеская, заботливая*; руки можно *доверчиво* протянуть, *повелительно* махнуть или указать на что-то руками, *ворочать* в них что-либо. У Л. Н. Толстого встречаются *быстрые* и *ловкие* (руки, движения рук), *закоченевшие* и, кроме того, *старческие руки*. Так же, как и со словом *голова*, употребляется глагол *облокотить* руки (или *облокотить* что-то на руки). Персонажи Тургенева *закидывают* (руки за голову) и *красиво* складывают руки.

Наконец, слово *нога/ноги* особым образом встречается только у Чехова и Толстого. У Чехова ногами *двигают* или *дрыгают*, *еле* стоят на ногах или держатся на ногах; характерно также сочетание *крикнуть, топнув ногой*.

У персонажей Толстого ноги и шаги ног *быстрые, вывернутые, усталые*; сами ноги часто *худые*. И не только в романе «Война и мир» рядом со словом *нога* встречается существительное *икра*.

4. На всех этапах данного исследования применялось статистическое сопоставление; в итоге статистика и синтагматические связи слов указывают на наиболее значимое и оригинальное выражение психологического состояния через внешность героев, свойственное именно идиостилю А. П. Чехова. Из этого не следует, что, например, Ф. М. Достоевский совсем не использует слова типа *глаза* или *руки* для выражения внутреннего состояния героя, — но он не использует их особым образом. Иначе говоря, они не характеризуются индивидуально-авторской сочетаемостью.

Биграмм как таковых далеко не всегда достаточно в контексте, чтобы судить о контекстной семантике и эмотивной специ-

фике; часто необходим расширенный контекст в пределах трех-, четырех-, *n*-словий (*неодобрительно* покачать головой, *кокетииво* щурить глаза, *крикнуть*, топнув ногой и т.п.).

Проведенный анализ подтверждает мысль о разнице между поверхностной и глубинной (функционально-текстовой) семантической разметкой корпуса текстов. Поверхностная разметка предполагает отнесение слов *голова*, *рука*, *нога* и др. только к физиологической группе «Части тела». Между тем функциональная нагрузка этих слов, как правило, выходит за пределы физиологического описания человека, и наиболее часто – в область эмотивной семантики.

В итоге авторская модель лексической сочетаемости предстает как систематизированный набор «частностей», в которых в то же время проявляются идиостилевые закономерности, в том числе и психолингвистического характера.

Литература

Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.

Мухин М. Ю., Мухин Н. Ю. Корпусная методология в синтагматическом исследовании прозы XIX (в печати). Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (41): Когнитивно-дискурсивная парадигма в лингвистике и смежных науках: современные проблемы и методология исследования. М.; Тамбов; Екатеринбург, 2020. С.850-853.

Мухин М. Ю., Филатова Е. Р. Лексическая статистика и идиостиль А. П. Чехова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. М., Екатеринбург, 2016. С. 507-517.

Петрова Л. И. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии // Вестник Псковского государственного университета. Сер. «Социально-гуманитарные науки». 2007. № 1. С. 133-144.

Mukhin M. Yu., Filatova E. R. Psychological Traits of Author's Style of Writing: Ways to Find New Meanings Proceedings of Science School: 2nd International Neuropsychological Summer School named after A. R. Luria "The World After the Pandemic: Challenges and Prospects for Neuroscience". Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2020. Pp. 59-62.

Mukhin M. Yu., Mukhin N. Yu. Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th-Century Prose: Ural Stylometric Project // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 13. № 12. С. 2027-2034.

REFERENCES

Babenko L. G. Leksicheskiye sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke. Sverdlovsk, 1989.

Mukhin M. YU., Mukhin N. YU. Korpusnaya metodologiya v sintagmicheskom issledovanii prozy XIX (v pechati). Kognitivnyye issledovaniya yazyka. Вып. № 2 (41): Kognitivno-diskursivnaya paradigma v lingvistike i smezhnykh naukakh: sovremennyye problemy i metodologiya issledovaniya. М.; Tambov; Yekaterinburg, 2020. S.850-853.

Mukhin M. YU., Filatova YE. R. Leksicheskaya statistika i idiostil' A. P. Chekhova // Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke. М., Yekaterinburg, 2016. S. 507-517.

Petrova L. I. Chelovecheskoye telo i emotsii v kontekste lingvo-kulturologii // Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. «Sotsial'no-gumanitarnyye nauki». 2007. № 1. S. 133-144.

Mukhin M. Yu., Filatova E. R. Psychological Traits of Author's Style of Writing: Ways to Find New Meanings Proceedings of Science School: 2nd International Neuropsychological Summer School named after A. R. Luria "The World After the Pandemic: Challenges and Prospects for Neuroscience". Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2020. Pp. 59-62.

Mukhin M. Yu., Mukhin N. Yu. Idiostyle Characteristics of Lexical Compatibility in the 19th-Century Prose: Ural Stylometric Project // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2020. T. 13. № 12. S. 2027-2034.

©Мухин М. Ю., 2021

©Филатова Е. Р., 2021

Мухин Михаил Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, 313.

E-mail: mikhail.mukhin@urfu.ru

Филатова Екатерина Руслановна – магистр фундаментальной и прикладной лингвистики, ведущий инженер кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина (Екатеринбург). Адрес: 6200083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51. E-mail: feelatovakatya@yandex.ru.

Muhin Mihail YUR'evich – Doctor of Philology, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Science. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Filatova Ekaterina Ruslanovna – Master of Fundamental and Applied Linguistics, Senior Engineer, Department of Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia.

А. М. ПЛОТНИКОВА
г. Екатеринбург, Россия
annamp@yandex.ru

УДК 811.161.1'42
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_05

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫК БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: ЛИНГВОКРЕАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ДИСКУРСЕ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются современные дискурсивные практики в сфере благотворительной деятельности. В центре внимания активные процессы в русском языке, связанные со становлением терминологии благотворительности, в том числе освоением заимствованных терминов и распространением фразеологических калек. В наименованиях благотворительных фондов и благотворительных мероприятий использованы креативные стратегии, эксплуатирующие потенциал реплик разговорного диалога, прецедентных высказываний и текстов. Для обозначения социально незащищенных групп лиц, особенно детей с особенностями развития, используются метафорические номинации. Отдельное внимание уделяется графическим и словообразовательным особенностям языковой игры в дискурсе благотворительных организаций. Лингвокреативные стратегии формируют неофициальный язык благотворительности, позволяющий решать риторические и эстетические задачи, направленные на эмоциональное воздействие на всех участников благотворительной деятельности и создание привлекательного социального имиджа благотворительной организации.

Ключевые слова: языковая игра; терминология; благотворительность; благотворительная деятельность; благотворительные организации; дискурсивные практики; дискурс; лингвокреативные стратегии; лингвокреативность.

PLOTNIKOVA ANNA M.

Ekaterinburg, Russia

UNOFFICIAL CHARITY LANGUAGE: LINGUISTIC CREATIVITY IN THE DISCOURSE OF CHARITY ORGANIZATIONS

Summary: The paper deals with new discursive practices in the field of charitable activities. The focus is on the active development of the terminology of charity in the modern Russian language including active lexical borrowings and the spread of phraseological calques. Names of charity foundations and charitable events use creative strategies of tapping the potential of conversational speech, precedent statements, and texts, while the socially unprotected groups of people (particularly children with special needs) are often referred to metaphorically. Special attention is paid to the graphic and word-formation features of language play in the discourse of charity organizations. These creative linguistic strategies shape the unofficial language of charity with its own pragmatics, aimed at making an emotional impact on everyone involved in charitable activities and forming a positive social image of a charity organization.

Keywords: language play; terminology; charity; discourse; discursive practices; linguistic creative strategies; linguistic creativity.

Изучение языка благотворительности погружено в социальный, экономический, психологический контекст, который необходимо учитывать при теоретическом осмыслении того, как мы говорим о благотворительности. Значимость и своевременность изучения этой подсистемы не подлежит сомнению и обусловлены социальными факторами: благотворительность – фактор развития гражданского общества. Активизация разнообразных благотворительных практик – от деятельности крупных благотворительных фондов до частных инициатив – определяет и языковые предпочтения, формирует язык благотворительной сферы.

Не остается незамеченным тот факт, что благотворительная сфера стала отдельным социальным институтом, важнейшим для всего «третьего сектора» современной экономики. Забота о социально незащищенных категориях граждан, требующих особого внимания, находится в ведении государства, и в то же вре-

мя сострадание, сопереживание, желание прийти на помощь тому, кто в этой помощи нуждается, связано с психологическими, эмоциональными причинами. Именно поэтому при изучении того, как формируется терминология благотворительности, стоит учитывать как официальные документы и тексты, так и речевую коммуникацию в различных инициативных благотворительных проектах.

Обзор сайтов крупных благотворительных фондов позволяет говорить о том, что лексика и фразеология благотворительности активно пополняется в последние десятилетия новыми устойчивыми словосочетаниями (*фонд целевого капитала, корпоративная благотворительность, академический фандрайзинг, эндаумент*), в неформальном общении в социальных сетях распространены жаргонные номинации (*донатить, донейшн*). Некоторые процессы в лексике благотворительности отмечались в работах М. А. Флат [Флат 2014], М. В. Терских [Терских 2017]. Жаргонному слову «донат» и его производным посвящена статья Е. Д. Бондаренко [Бондаренко 2020]. Существует слой узкоспециализированной лексики и фразеологии, употребляемой отдельными представителями сектора (*донорские приоритеты*), возникают фразеологические кальки (*лейка для пожертвований*). Терминология благотворительности, с одной стороны, формируется под влиянием довольно развитой терминосистемы английского языка. С другой стороны, использование заимствований оказывается не всегда оправданным, иногда вызывает общественную критику, так как многие заимствованные слова сложны для понимания. В результате для поддержания коммуникации с инвесторами и волонтерами, воздействия на целевую аудиторию используются различные лингвокреативные техники, которые будут рассматриваться в статье. В значительной степени использование лингвокреативных техник в дискурсе благотворительных организаций связано с популяризацией благотворительной деятельности, привлечением общественного внимания к этой сфере.

Интерпретация игровых приемов основана на предложенном Т. А. Гридиной понимании языковой игры как «особой формы лингвокреативного мышления, основанного на ассоциативных

механизмах актуализации и преднамеренного переключения стереотипов восприятия, порождения и употребления вербальных знаков» [Гридина 1996: 12].

В свете теории лингвокреативности, развиваемой Т. А. Гридиной, стоит обратить внимание на названия благотворительных организаций, образованные по различным моделям номинации. Конечно, в названиях чаще всего включаются слова, семантически связанные с помощью («Справедливая помощь Доктора Лизы», «Адреса милосердия», «Помоги спасти»), а также вообще с жизнью и её периодами («Жизнь как чудо», «Подари жизнь», «Река детства», «Домик детства»). В наименованиях используется широкий круг единиц, входящих в ассоциативное поле милосердия и связанных с идеями надежды, счастья, будущего: «Вера, Надежда, Любовь», «Дом друзей».

Наименование фонда может содержать прямое указание на адресата благотворительной помощи, однако по той причине, что адресатом помощи зачастую становятся больные люди и люди с ограниченными возможностями, в названиях используются различные эвфемистические конструкции со словом «особенный» («Каждый особенный», «Особенный город»), а также метафорические обозначения, указывающие на болезнь, её последствия: «Хрупкие люди» (больные остеогенезом), «Дети-бабочки» (дети с генными дерматозами). Метафоры в данном случае служат средством эвфемизации, а их распространение обусловлено как отсутствием в языке нейтральных обозначений адресата благотворительной помощи (см. подробнее: [Плотникова 2019]), так и социальными требованиями толерантного отношения к людям с ограниченными возможностями. В ряде случаев наименование мотивировано целью деятельности фонда, например: фонд «На одном дыхании» (фонд для больных муковисцидозом), проект «Услышать мир» благотворительного фонда Д. Маликова (проект для слепоглухонемых детей).

Одной из заметных тенденций в современных наименованиях становится использование конструкций разговорной речи, представляющие собой самостоятельные предложения: «Мама может», «Живи сейчас», «Найди семью», «Антон тут рядом» и др. Наименования, названные И. Т. Вепревой эргонимами-

репликами и представляющие лексикализацию коммуникативных структур, призваны удивлять неожиданной экспрессией [Вепова 2019]. Стоит заметить, что некоторые наименования связаны с прецедентными высказываниями и текстами, например: «Синяя птица», «Антон тут рядом» (название фильма о человеке-аутисте). Разговорная тавтологическая конструкция наименования фонда задает модель образования целого ряда мероприятий («Забег тут рядом», «Лекторий тут рядом», «Мастерские тут рядом»).

Единичные случаи названий связаны с использованием графических приемов, например, фонд «NeTerpi», который имеет и кириллический вариант написания «НеТерпи: психологи за отношения без насилия». Можно предположить, что невысокая частотность графических приемов обусловлена преобладанием устной коммуникации в благотворительной сфере над письменной. Тем не менее, в социальной рекламе или объявлениях о проведении каких-либо благотворительных акций такие приемы встречаются, например: рекламное сообщение со слоганом из трех букв: «Делай звоНКО», где прописными буквами выделена аббревиатура, обозначающая некоммерческие объединения, к которым относятся все благотворительные организации. Графические и словообразовательные приемы языковой игры реализованы в наименовании «Благосфера», где можно заметить паронимическую аттракцию, основанную на намеренном соединении двух сближаемых слов – «благо» и «блог».

Рифмованные конструкции, рассчитанные на слуховое восприятие, встречаются и в названиях фондов («Старость в радость»), и в наименованиях мероприятий («Печенье на лечение»).

При образовании наименования фонда «Дедморозим» используется ассоциативный потенциал производящего слова, именующего сказочного персонажа. Идея новогоднего чуда отражена в названии и миссии фонда: «Дедморозим» – это фонд чудес для детей-сирот и ребят со смертельно опасными заболеваниями, который создан обычными людьми» (<https://dedmorozim.ru/fond/>). Наименование состоит из глагольной формы 1 лица множественного числа, образованной от преце-

дентного имени, окказионализм реализует значение: 'дарим чудеса'. Глагол, безусловно, нетипичная часть речи для имени собственного. Кроме того, удачность такой номинации не вполне очевидна по той причине, что в разговорной речи у слова «дедморозить» существует другое значение, см., например: «Дедморозить», «снегурить» – эти глаголы означали подхалтурить (это тоже советояз) на Новый год. А сколько анекдотов про актерские елки! На летний отпуск точно можно было заработать...» (<http://old.rk.karelia.ru/blog/chto-takoe-dedmorozit-i-snegurit/>).

Разговорное слово «ночлежка», используемое в наименовании благотворительного фонда, современные словари не рассматривают как устаревшее слово, в отличие от словаря Д. Н. Ушакова [Толковый словарь русского языка]. Негативный оценочный фон этого слова, связанный со спецификой организации быта в ночлежных домах позапрошлого века, проявляется в иллюстрациях к словарям: *мрачная ночлежка, нары ночлежки*. В этот же ряд вписывается диалектный фразеологизм *бесова ночлежка* (о тюрьме) [Словарь русских поговорок]. В этом контексте выбор наименования для фонда помощи бездомным можно считать спорным, однако распространенность этой лексической единицы в неофициальном дискурсе представителей благотворительного сектора показывает его актуальность для современного коммуникативного пространства. Так называют не только конкретный фонд, но и в целом сферу благотворительной помощи бездомным. Любопытно, что хронотопное несогласование высказывания, когда рядом оказывается слово, называющее реалию, скорее относящуюся к прошлому, и современное слово, создает модернизирующий, по выражению Т. В. Шмелевой [Шмелева 2015: 157], контекст: «Ночлежка – это живое комьюнити, присоединяйтесь, будем знакомы!».

Игровой потенциал усиливается в номинациях, называющих отдельные благотворительные проекты, нацеленные на привлечение внимания журналистов, пишущих о благотворительности, и потенциальных жертвователей. Например, известная номинация ежегодного международного праздника благотворительности «Щедрый вторник» трансформируется во множество проектов, включающий слово «щедрый»: «Щедрый не только по

вторникам», «Щедрая история», при этом прилагательное получает новое значение: 'связанный с благотворительностью'. В проекте фонда «Ночлежка» с наименованием «Неравнодуш» (душевой пункт, где любой человек может бесплатно вымыться) словотворческая инновация образована путем окказионального членения слова с выделением мнимых морфем (душ), и вместе с тем происходит усечение производящей основы прилагательного (неравнодушный), что в результате создает двойную мотивацию слова.

По словам А. В. Петровой, исследующей благотворительность как социальный феномен, «фандрайзеру необходимо работать так, чтобы не было негативных последствий и душевного дискомфорта ни у одной из взаимодействующих в данном процессе сторон. Обе стороны взаимодействия в результате должны получить максимальное удовлетворение от сотрудничества, своеобразный партнерский вектор в будущее» [Петрова 2003: 20]. Лингвокреативные стратегии, применяемые в языке благотворительных организаций, направлены на выстраивание партнерских отношений между всеми участниками благотворительных акций. Прагматическая интенция благотворительности как вида деятельности определяет специфику дискурса благотворительных организаций. Этот дискурс формирует привлекательный для современных людей образ благотворительности, нацелен на вовлечение широкого круга лиц в благотворительную деятельность, которые осознают значимость благотворительности для формирования гражданского общества. Соответственно можно сделать вывод о имиджевой и эстетической функциях лингвокреативных приемов в дискурсе благотворительных организаций. Если первоначально благотворительность связывалась с морально-нравственным аспектом безвозмездной помощи, то сегодня она рассматривается как инструмент консолидированных гражданских действий. Лингвокреативные приемы активно формируют новые способы коммуникативного взаимодействия в обществе.

Литература

Большой словарь русских поговорок. М: Олма Медиа Групп. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. 2007.

Бондаренко Е. Д. К изучению неформального языка русской благотворительности. // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 3 (200). С. 211–228.

Вепрева И. Т. Современный эргонимикон: в поиске новых форм выражения // Вопросы ономастики, 2019. Т. 16. № 4. С. 169–179.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.

Петрова А. А. Благотворительность как социально-ролевое взаимодействие: Теория и история процесса. Автореф. дис. ... кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2003.

Плотникова А. М. Наименования социально незащищенных групп лиц в правовом пространстве и за его пределами // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2019. Т. 21, № 4 (193). С. 209–218.

Терских М. В. Ключевые концепты дискурса благотворительных организаций // Международный научно-исследовательский журнал, 2017. № 12 (66). С. 74–77.

Толковый словарь русского языка: В 4 т./ Под ред. Проф. Д. Ушакова. М.: ГЕРРА - Книжный клуб, 2007. 752 с.

Флат М. А. Концептосфера «Благотворительность» в русской языковой картине мира: динамический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Барнаул, 2014.

Шмелева Т. В. Анахронизм как погрешность и стилистический прием // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1. С. 146–159.

REFERENCES

Bol'shoy slovar' russkikh pogovorok. M: Olma Media Grupp. V. M. Mokiienko, T. G. Nikitina. 2007.

Bondarenko YE. D. K izucheniyu neformal'nogo yazyka russkoy blagotvoritel'nosti. // Izv. Ural. feder. un-ta. Ser. 2: Gumanitar. nauki. 2020. T. 22. № 3 (200). S. 211–228.

Vepreva I. T. Sovremennyy ergonimikon: v poiske novykh form vyrazheniya // Voprosy onomastiki, 2019. T. 16. № 4. S. 169–179.

Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo. Yekaterinburg, 1996.

Petrova A. A. Blagotvoritel'nost' kak sotsial'no-rolevoye vzaimodeystviye: Teoriya i istoriya protsesssa. Avtoref. dis. ... kandidata sotsiologicheskikh nauk. Yekaterinburg, 2003.

Plotnikova A. M. Naimenovaniya sotsial'no nezashchishchennykh grupp lits v pravovom prostranstve i za yego predelami // Izvestiya Ural'skogo

federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnyye nauki. — 2019. — Т. 21, № 4 (193). — S. 209–218.

Terskikh M. V. Klyuchevyye kontsepty diskursa blagotvoritel'nykh organizatsiy // Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal, 2017. № 12 (66). S. 74–77.

Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: V 4 t./ Pod red. Prof. D. Ushakova.- M.: TERRA - Knizhnyy klub, 2007. 752 s.

Flat M. A. Kontseptosfera «Blagotvoritel'nost'» v russkoy yazykovoy kartine mira : dinamicheskiy aspekt : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk : 10.02.01. Barnaul, 2014.

Shmeleva T. V. Anakhronizm kak pogreshnost' i stilisticheskiy priyem // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2015. № 1. S. 146–159.

©Плотникова А.М., 2021

Плотникова Анна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики и текстоведения. Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620083, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 51, 313.

E-mail: annaplotnikova@urfu.ru

Plotnikova Anna Mihajlovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Fundamental and Applied Linguistics and Text Science. Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia).

Т. В. УСТИНОВА

г. Москва, Россия

utanja@mail.ru

УДК 81'23

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_06

МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье представлена широкая трактовка лингвокреативности как сущностной характеристики речемыслительной деятельности. Автор продолжает исследовательскую традицию анализа факторов креативности речемышления, в русле научного направления «Лингвистика креатива», инициированного и активно развиваемого проф. Т.А. Гридиной; раскрывает значение ассоциативной теории лингвокреативности для теоретической и прикладной лингвистики. Опираясь на ассоциативную теорию лингвокреативности и на когнитивно-лингвистические теории, описывающие архитектуру отношений между языковой и концептуальной системами сознания, автор статьи раскрывает такие характеристики речемышления, как (1) гибкость в разрешении семантической лакунарности, заложенной в системе естественного языка; (2) продуктивность и новизна сочетания элементов языкового знания в разнообразных речевых условиях; (3) гибкость в оперировании вербальными ассоциациями при конструировании значения и эмерджентность смыслового вывода в актах речепорождения и речевосприятия.

Ключевые слова: смыслообразование; факторы креативности; лингвокреативность; лингвистическая продуктивность; речевые акты; коммуникативная компетентность; речемыслительная деятельность.

USTINOVA TATIANA V.

MULTIFUNCTIONALITY OF LINGUISTIC CREATIVITY IN SPEECH-THINKING ACTIVITY

Abstract. This article studies linguistic creativity from a broader research perspective and presents the phenomenon under study as the essential characteristic feature of speech-thinking activity. The author continues

the tradition of analyzing the factors of creativity laid down by T. A. Gridina, the founder of “linguistics of creativity” as a special branch of research. The article focuses on the scientific significance of T. A. Gridina’s associative theory of linguistic creativity. Based on the associative theory of linguistic creativity and cognitive-linguistic theories of meaning construction, the author of the article reveals such characteristics of speech thinking as (1) flexibility in resolving semantic lacunarity inherent in the natural language system; (2) productivity and novelty of the combination of linguistic knowledge elements in a variety of speech conditions; (3) flexibility in operating with verbal associations in meaning construction and the emergent character of semantic inference in the acts of speech production and speech perception.

Keywords: meaning construction, creativity factors, linguistic productivity, speech act, communicative competence

Изучение лингвокреативности с точки зрения взаимосвязи между языком, познанием и творчеством (the language-creativity-cognition nexus [Langlotz 2015]) является передовой областью исследования в когнитивно-ориентированных науках о языке – психолингвистике, когнитивной лингвистике, нейролингвистике. Последние достижения этих наук позволяют приблизиться к пониманию сущности многообразных проявлений речетворческого мышления Человека Говорящего – языковой продуктивности, ассоциативной гибкости, концептуальной инновационности, вербальной неординарности носителя языка. Специалисты по вопросам лингвистически опосредованного смыслообразования постоянно подчеркивают ценность анализа разнообразных проявлений речетворчества, обоснованно полагая, что изучение случаев намеренного преобразования языковой формы смысловыражения позволит выявить специфику конструирования значения в ситуации актуализированной смысловой неоднозначности и, в конечном счете, внесет вклад в научное описание взаимоотношений языковой и концептуальной систем человеческого сознания [Langlotz 2015].

В отечественной лингвистике традиция научного анализа речетворчества как формы лингвокреативного мышления языковой личности применительно к развитию ассоциативной теории языковой игры была заложена Т. А. Гридиной, явившейся также

инициатором выделения «Лингвистики креатива» как особого научного направления, призванного интегрировать усилия ученых в исследовании разных форм, дискурсивных практик и механизмов речевого творчества².

В этом году исполняется двадцать пять лет со дня публикации монографии «Языковая игра: стереотип и творчество» [Гридина 1996], в которой была представлена ассоциативная теория лингвокреативности и всесторонне описаны механизмы «деканонизированного речевого поведения говорящих» [Гридина 1996: 7]); введено в научный оборот понятие ассоциативного потенциала слова, ставшее основополагающим для описания того, как именно лингвокреативное мышление «эксплуатирует механизмы ассоциативного переключения узувального стереотипа восприятия, создания и употребления языковых единиц» [Гридина 1996: 12]. В данной монографии и в дальнейших трудах автора [Гридина 2013; Гридина 2014 и др.] представлена целостная прагматико-операциональная концепция анализа лингвокреативного мышления как особого типа словесного мышления, раскрыты способы ассоциативной обработки информации при использовании коммуникантами нестандартного языкового кода. Указанная монография во многом предвосхитила тенденции развития когнитивно-лингвистических исследований процессов языковой обработки информации и определила направ-

² В период с 2009 по 2020 гг. под общей редакцией и личном авторском участии Т.А. Гридиной вышло в свет 5 коллективных монографий «Лингвистика креатива», объединивших исследования крупных ученых, занимающихся разработкой данной проблематики в разных аспектах. В изданных монографиях приняли участие такие авторы, как Е. Л. Березович, И. Т. Вепрева, Н. Д. Голев, Г. Р. Доброва, Л. В. Зубова, О. С. Иссерс, Н. И. Коновалова, Н. А. Кузьмина, Н. А. Купина, Б. Ю. Норман, И. Г. Овчинникова, А. В. Павлова, Т. Б. Радбиль, Е. Н. Ремчукова, И. В. Ружицкий, М. Э. Рут, Т. В. Устинова, Н. А. Фатеева, В. К. Харченко, С. Н. Цейтлин, Т. В. Шмелева и др. [Лингвистика креатива 2009; 2013 (2-е изд.); Лингвистика креатива 2012; Лингвистика креатива-3 2014; Лингвистика креатива-4 2018; Лингвистика креатива-5 2020].

ления научного анализа деканонизированного речевого поведения говорящих на несколько десятилетий вперед.

В данной статье мы следуем заложенной Т. А. Гридиной традиции анализировать факторы креативности речемыслительной деятельности и считаем возможным представить широкую трактовку лингвокреативности как психолингвистического феномена, сделав акцент на ее всеобъемлемости и многофункциональности в обеспечении речемыслительной деятельности человека.

Начнем с того, что лингвокреативность может рассматриваться как выдающееся проявление индивидуальности неординарной языковой личности. Считается, что природная речетворческая одаренность свойственна особому типу носителей коммуникативной компетентности – элитарным языковым личностям, обладателям высокой речевой культуры (мастерам слова, поэтам, писателям, выдающимся ораторам, филологам). В таком случае под лингвокреативностью понимается выдающаяся речевая неординарность, оригинальность речевого самовыражения личности и самобытность идиостиля автора, речевые произведения которого имеют высокую этико-эстетическую ценность. Такие отрасли лингвистики, как когнитивная поэтика и психопоэтика, ставят перед собой задачу изучения процессов порождения и понимания таких речевых произведений как «квазиобъектов искусства» [Леонтьев 1997]), обладающих сложной содержательностью формы.

Однако выявление психолингвистической сущности лингвокреативности не должно ограничиваться анализом речетворческого мышления элитарных языковых личностей. Обращение к разговорной речи обычных носителей языка и привлечение разнообразного материала из детской речи [Гридина 1996; Гридина 2014 и др.] позволило выявить универсальные характеристики в реализации лингвокреативных стратегий говорящими с разными возрастными, социальными, психологическими особенностями. Более того, последние исследования в когнитивной психологии и когнитивной лингвистике свидетельствуют о том, что лингвокреативность является имманентным свойством человеческой речемыслительной деятельности как таковой [Langlotz 2015]. В работах данного направления показано, что

рассматриваемая в широком смысле понятия, лингвокреативность присуща самой природе опосредованного языком смыслообразования и вообще лежит в основе когнитивной обработки лингвистически выраженной информации любым носителем языка [Устинова 2019]. Проиллюстрируем такую трактовку лингвокреативности, опираясь на понимание общефункциональных механизмов речемыслительной деятельности.

Начнем с рассмотрения того, как принятие лингвистического и смыслового решения в акте речепорождения или речевосприятия связано с необходимостью преодоления семантической лакунарности языка как знаковой системы. Известно, что естественному человеческому языку свойственна системная «недоопределенность» (*underspecification*) [Raddenetal. 2007]. Это значит, что язык как система в целом и его отдельные единицы как компоненты системы сформированы таким образом, что их функционирование (использование в речи носителями языка) неизбежно сопровождается смысловой имплицитностью, неоднозначностью и подтекстом. При речепорождении и речевосприятии языковая личность находится в ситуации разрешения/снятия речезыковой недоопределенности и адаптирует подразумеваемое концептуальное содержание к системно заданным возможностям вербализации. Если рассматривать речемыслительную деятельность с такой точки зрения, лингвистическая креативность как ее свойство представляет собой способность языкового сознания преодолевать заданную любым естественным языком смысловую «недоопределенность» и принимать лингвистическое и смысловое решение в условиях неполноты информации. По сути, любой акт лингвистически опосредованного смыслообразования не может быть реализован без способности субъекта речемыслительной деятельности проявлять семантическую и образную адаптивную гибкость (подробнее об этих и других критериях креативности см. [Трик 1981; Гридина 1996]).

Еще одно сущностное проявление лингвокреативности как формы мышления заключается в поразительной лингвистической продуктивности языкового сознания. Понимание лингвокреативности как языковой продуктивности связано, прежде все-

го, с именем Н. Хомского и его психолингвистической концепцией генеративной грамматики [Chomsky 1965]. Н. Хомский трактует лингвокреативность как врожденную языковую способность человека, которая заключается в применении определенной «схемы» языкового познания, позволяющей производить и понимать бесконечное количество новых словосочетаний и предложений из конечного числа слов естественного языка [Chomsky 1965]. В таком широком понимании лингвокреативность проявляется как способность языкового сознания каждый раз по-новому компоновать, перераспределять и реструктурировать заданные системой языка возможности для объективации подразумеваемого концептуального содержания. Таким образом, лингвокреативность мышления любой языковой личности заключается в том, что она потенциально способна выразить и воспринять беспредельное множество новых смыслов, оперируя предельным количеством единиц языка.

Лингвокреативность как сущностное свойство проявляется в самом принципе обработки информации в речемыслительной деятельности как едином процессе порождения мысли и речи. В когнитивной лингвистике считается доказанным тот факт, что концептуализация действительности является лингвистически опосредованной: языковые формы (единицы системы языка) активируют в сознании человека языковые концепты (мультимодальные ментальные образования, репрезентирующие образную информацию) [Evans 2009]. Динамическая концептуализация, то есть «сборка» актуального «пакета» концептуального содержания для конкретных условий речепорождения и речевосприятия, является лингвокреативной по своей сути, поскольку всегда характеризуется (1) новизной сочетания элементов языкового знания в данных речевых условиях; (2) чрезвычайной гибкостью в установлении (и при необходимости в реорганизации) вербальных ассоциаций, определяющих конструирование значения; (3) опорой на эвристические когнитивные операции, необходимые для лингвистического конструирования значения – концептуальную интеграцию, аналогическое картирование, ассоциативное противопоставление и пр.; (4) эмерджентностью смыслового вывода: концептуальное содержание высказывания

как смыслового целого не сводится к сумме значений отдельных единиц, составляющих это высказывание [Устинова 2019].

Таким образом, чем больше мы узнаем о природе речемыслительной деятельности, чем лучше понимаем сложность отношений между языковой и концептуальной системами сознания человека, тем больше убеждаемся в том, что единый процесс порождения мысли и речи имеет подлинно креативную сущность – в том смысле, что задействует все когнитивные системы человека, разнообразно генерируя и развивая концептуальные структуры [Smith, Ward 2012]. Несомненно, следует различать лингвокреативность как сущностное свойство речемыслительной деятельности и актуализированное проявление лингвокреативности в речевом поведении коммуникантов. В случаях деканонизированного речевого поведения «реализуются прагматические задачи коммуникативного акта с категориальной установкой на творчество (творческое использование языковых ресурсов, новая речевая комбинация языковых средств)» [Гридина 1996: 7]. Однако, чтобы была реализована такая установка на творчество, субъект деятельности должен исходить из потенциально заданных возможностей конструирования значения. Прежде всего, он исходит из возможностей, заданных системой естественного языка, активно преобразуя их [Гридина 1996]. Но если рассматривать это в более широкой перспективе, в случае деканонизированного речевого поведения коммуникант преобразует и концептуальные возможности смыслообразования, заданные сложными взаимоотношениями языковой и концептуальной систем его сознания. По сути, деканонизированное речевое поведение – это «предельный случай» актуализации и ситуативного развития коммуникантом потенциала лингвокреативности как сущностного свойства речемышления.

Особо подчеркнем тот факт, что лингвокреативность проявляется как в процессе производства речи, так и в процессе ее восприятия. Традиционно, исследователи уделяют большое внимание анализу способов речетворческого выражения смыслов и механизмов порождения креатива, а лингвокреативность речевосприятия гораздо менее исследована. При этом смысловое восприятие неконвенциональных речезыковых единиц в

составе отдельных высказываний и более объемных речевых произведений является когнитивным вызовом для воспринимающего языкового сознания и требует не менее сложных семантико-концептуальных преобразований, чем производство таких единиц.

Итак, рассмотрение лингвокреативности в широком смысле понятия позволяет представить ее в качестве системной характеристики сложноорганизованного единства языкового сознания и речевой деятельности [Устинова 2019]. Отталкиваясь от понимания лингвокреативности как сущностного свойства речемышления, считаем возможным определить, что ее многофункциональность проявляется в виде (1) языковой продуктивности и коммуникативной спонтанности любой языковой личности; (2) уникальности ментального лексикона и индивидуального языкового знания каждой языковой личности; (3) оригинальности в организации сети вербальных ассоциаций, составляющих фон концептуализации для данной языковой личности в данных дискурсивных условиях; (4) семантической и концептуальной гибкости языкового сознания, конструирующего образ выражаемой/воспринимаемой предметной ситуации в данных дискурсивных условиях [Устинова 2019].

Таким образом, в основе способности личности к речевореческому мышлению лежит единство диалектических противоположностей. Во-первых, это единство между внешним (социально/биологически заданным) и внутренним. Внешние предпосылки лингвокреативности – это наличие естественного языка как социальной функциональной системы и лингвистическое опосредование процессов категоризации и концептуализации у человека как у биологического вида. Внутренняя предпосылка – структура личности коммуниканта, обладающего уникальным речевым опытом и уникальным набором коммуникативных компетенций. Человек интериоризирует язык как социальную символическую систему только в форме индивидуального языкового знания, что приводит к формированию уникальной когнитивной базы и ментального лексикона с уникальной архитектурой вербальных ассоциаций. Испытывая внутреннюю потребность в неконвенциональном смыслообразовании, коммуникант

опирается на индивидуальное языковое знание и творчески преобразует усвоенные нормы и каноны вербализации. Во-вторых, к диалектическим характеристикам лингвокреативности следует отнести единство универсального, сущностного (креативной сущности человеческого речемышления в принципе) и ситуативно-обусловленного, намеренно реализуемого в данных коммуникативных условиях (прагматической интенции отдельного коммуниканта на производство или смысловое восприятие креатива). Т. А. Гридина следующим образом обобщает диалектику лингвокреативности: «Проблема языкового творчества предстает как соотношение языкового стереотипа (стандарта) и намеренного (осознанного) отклонения от этого стандарта в речевом поведении личности, что обусловлено специальной прагматической установкой речевого акта и индивидуальными возможностями говорящих в реализации потенциала языковых единиц» [Гридина 1996: 3].

В заключение остановимся на практической значимости анализа факторов креативности речемыслительной деятельности человека. Сегодня остро стоит проблема подготовки человека к познавательной-коммуникативной деятельности в новой информационной реальности. Высокоразвитая коммуникативная компетентность, умения гибко адаптироваться к разнообразным дискурсивным условиям и принимать во внимание особенности разнообразных участников коммуникации являются залогом выживания в современном постинформационном обществе. Образовательные учреждения ставят перед собой задачу развития коммуникативной компетентности обучающихся как способности к смыслообразовательной деятельности на основе критического отбора, смыслового анализа и эффективного обмена информацией. Способы решения этой задачи должны моделироваться, исходя из понимания лингвокреативной сущности человеческого речемышления. Большую дидактическую ценность мы видим в авторских программах развития лингвокреативного мышления и тренингах вербальной креативности (например, [Гридина, Пипко 2014]). Такие программы закладывают концептуальную основу коммуникативной успешности обучающихся через формирование в них готовности проявлять вербальную

беглость, гибкость и оригинальность в различных коммуникативных ситуациях.

Литература

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество: монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996. 214 с.

Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 254 с.

Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. – 2014. № 5. С. 153–158.

Гридина Т. А., Пипко Е. И. Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности. Программа внеурочной деятельности (для учащихся основной общеобразовательной школы). Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 81 с.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.

Лингвистика креатива. Коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2013 (2-е издание). 369 с.

Лингвистика креатива-2. Коллективная монография / Под общей редакцией проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2012. 378 с.

Лингвистика креатива-3. Коллективная монография / Под общей редакцией Т. А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2014. 344 с.

Лингвистика креатива-4. Коллективная монография / Под ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2018. 367 с.

Лингвистика креатива-5. Коллективная монография / Под общей редакцией Т.А. Гридиной. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. 392 с.

Трик Х. Е. Основные направления экспериментального изучения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. М., 1982. С. 298–303.

Устинова Т. В. Лингвистическая креативность как сущностное свойство речемыслительной деятельности человека // Актуальные проблемы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: Материалы международной научно-практической конференции, Омск, 29 марта 2019 г. – Омск: ЧОУ ВО «Сибирский юридический университет», 2019. С. 10–14.

Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 261 p.

Evans V. How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning Construction. Oxford: Oxford University Press, 2009. 396 p.

Langlotz A. Language, creativity, and cognition // *The Routledge Handbook of Language and Creativity* / edited by R. H. Jones. London; New York : Routledge, 2015. P. 40–60.

Radden G. The construction of meaning in language / G. Radden, K. M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund // *Aspects of Meaning Construction* / edited by G. Radden, K-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 1–15.

Smith S. M., Ward T. B. Cognition and the creation of ideas // *The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning*. Edited by K. J. Holyoak; R. G. Morrison. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. P. 456–474.

REFERENCES

Gridina T. A. Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo: monografiya. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1996. 214 s.

Gridina T. A. Yazykovaya igra v khudozhestvennom tekste: monografiya. 3-e izd., ispr. i dop. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013. 254 s.

Gridina T. A. Lingvokreativnyye strategii semantizatsii slova i osvoyeniye operatsional'noy tekhniki yazykovoy igry v ontogeneze: eksperimental'nyye dannyye // *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii*. – 2014. № 5. S. 153–158.

Gridina T. A., Pipko YE. I. Stupen'ki slovesnogo tvorchestva: trening verbal'noy kreativnosti. Programma vneurochnoy deyatel'nosti (dlya uchashchikhsya osnovnoy obshcheobrazovatel'noy shkoly). Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014. 81 s.

Leont'yev A. A. Osnovy psikholingvistiki. M.: Smysl, 1997. 287 s.

Lingvistika kreativa. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T. A. Gridinoy. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2013 (2-e izdaniye). 369 s.

Lingvistika kreativa-2. Kollektivnaya monografiya / Pod obshchey redaktsiyey prof. T. A. Gridinoy. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2012. 378 s.

Lingvistika kreativa-3. Kollektivnaya monografiya / Pod obshchey redaktsiyey T. A. Gridinoy. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2014. 344 s.

Lingvistika kreativa-4. Kollektivnaya monografiya / Pod red. T. A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2018. 367 s.

Lingvistika kreativa-5. Kollektivnaya monografiya / Pod obshchey redaktsiyey T.A. Gridinoy. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2020. 392 s.

Trik KH. YE. Osnovn-yye napravleniya eksperimental'nogo izucheniya tvorchestva // Khrestomatiya po obshchey psikhologii. Psikhologiya myshleniya / Pod red. YU. B. Gippenreyter, V. V. Petukhova. M., 1982. S. 298–303.

Ustinova T. V. Lingvisticheskaya kreativnost' kak sushchnostnoye svoystvo rechemyslitel'noy deyatel'nosti cheloveka // Aktual'n-yye problemy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Omsk, 29 marta 2019 g. – Omsk: CHOU VO «Sibirskiy yuridicheskiy universitet», 2019. S. 10–14.

Chomsky N. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965. 261 p.

Evans V. How Words Mean: Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning Construction. Oxford: Oxford University Press, 2009. 396 p.

Langlotz A. Language, creativity, and cognition // The Routledge Handbook of Language and Creativity / edited by R. H. Jones. London; New York : Routledge, 2015. P. 40–60.

Radden G. The construction of meaning in language / G. Radden, K. M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund // Aspects of Meaning Construction / edited by G. Radden, K-M. Köpcke, T. Berg, P. Siemund. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. – P. 1–15.

Smith S. M., Ward T. B. Cognition and the creation of ideas // The Oxford Handbook of Thinking and Reasoning. Edited by K. J. Holyoak; R. G. Morrison. Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. P. 456–474.

©Устинова Т.В., 2021

Устинова Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес: 119330, Россия, г. Москва, ул. Университетский проспект, 23/4, 83.

E-mail: utanja@mail.ru

Ustinova Tat'yana Viktorovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication. Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

В. К. ХАРЧЕНКО

г. Белгород, Россия

УДК811.161.1'23:39

DOI10.26170/2306-7462_2021_02_07

ДОМ КАК ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: ПО СЛЕДАМ СЕМЕЙНЫХ РОДОСЛОВНЫХ

Аннотация. Статья посвящена одному из базовых феноменов традиционной народной культуры – дому. На материале семейных родословных показан дом как материально выраженное единство семьи, дом как контекст, необходимый для человеческого существа в настоящем, и дом как материально выраженное бессмертие. Автор подчеркивает, что огромную роль в становлении личности имел собственный дом, на строительство и поддержку которого уходили годы и силы, но дом одаривал своих жильцов единением семьи, чувством собственности, культом красоты и великим смыслом ежедневных забот. Дом требовал многодетности, стабильности, сада и огорода, но дом и одаривал чувством родины, красотой окружения человека, в конечном счете – бессмертием.

Ключевые слова: дом; родословные; семья; психоллингвистика; психоллингвистический феномен; народная культура; лингвокультурология.

KNARCHENKO VERA K.

Belgorod, Russia

HOUSE AS A PSYCHOLINGUISTIC PHENOMENON: IN THE FOOTSTEPS OF FAMILY PEDIGREES

Abstract. The article is devoted to one of the basic phenomena of traditional folk culture – home. Based on the material of family genealogies, the house is shown as a materially expressed unity of the family, the house as a context necessary for a human being in the present, and the house as a materially expressed immortality. His own house had a huge role in the formation of personality, the construction and maintenance of which took years and efforts, but the house endowed its residents with family unity, a sense of ownership, a cult of beauty and a great sense of daily worries. The house demanded large families, stability, a garden and a vegetable garden,

but the house also endowed with a sense of homeland, the beauty of a person's environment, ultimately immortality.

Keywords: home; clan; family; togetherness; cult of the house; psycholinguistics; psycholinguistic phenomenon; folk culture; cultural linguistics..

Собранный нами фонд семейных родословных [Харченко 2016] дает возможность проследить, как наличие своего дома психологически влияло на человека. «Человек становится страшным, если он лишен места, дома. Именно место продуцирует человека. Таким образом, в основе антропидеи лежит дом и место. Оно задает особенности телесности, в частности культивацию красоты, а также характер и поведение человека, его этос» [Марков 2008: 88]. А это цитата о связи дома и рода: «Пусть вся история рода будет закреплена в вашем доме ... Главное же мне хотелось бы, чтобы дом оставался долго в нашем роде, чтобы под крылом Преподобного Сергия вы ... имели крепость и твердую опору» [Флоренский 2004: 25]. Изменения в восприятии дома коснулись сейчас многих семей. Вот свидетельства из семейных родословных.

И виной тому изменения жизненных приоритетов. Если раньше все поколения семьи предпочитали жить в одном доме, то сегодня при первой же возможности дети покидают родительское гнездо и живут отдельно. Внукам уже совсем не интересно слушать рассказы о молодости своих бабушек и дедушек или прабабушек и прадедушек. Детей больше привлекает телевидение, новые компьютерные технологии. Постепенно духовная связь между поколениями прекращается (Л.Ш.).

Как жаль, что из российского быта ушло понятие «наследного дома». Если бы в России в результате социальных передряг остался бы или образовался хотя бы скромный институт наследного дома, то это было бы уже очень значимо для династий, для родовой культуры (П.И.).

Предлагая своим студентам и слушателям написать родословные, мы не предполагали, что в этих свободных сочинениях столько места будет отведено дому. Получается, что наличие своего дома исключительно значимо для личности. Множество

тёплых воспоминаний связано с домом. Конечно, были и сдержанные наблюдения.

Но в новом доме так и никто не пожил. Сразу через полгода после переезда умерла прабабушка 14 августа в 2001 году, а потом 12 августа в 2002 году умерла моя бабушка от рака. Мы сейчас живем в Вейделевке в маленьком доме со своим двором. К сожалению, у папы нет никаких способностей к строительству. Он всю жизнь на колесах. И все время работает в одной организации. Мама после школы работала в детсаде няней, а сейчас уборщицей в администрации района (Т.Г.).

Я рос в семье, где господствовал разумный аскетизм: посуда – это то, из чего едят и пьют, мебель – на чем сидят или спят, одежда – для тепла, а дом – чтобы в нем жить и ни для чего больше (С.Б.).

Таких скудных наблюдений, однако, немного. Гораздо больше признаний любви к дому, больше искренних проявлений тёплых чувств к нему. «Последним абзацем Розанов поставил там на редкость бодрящую максиму: «И помни: жизнь есть дом. А дом должен быть тёпел, удобен и кругл. Работай над круглым домом, и Бог не оставит тебя...» [Соколов 2018: 102]. Круг воспринимался как форма идеального места для человека и близких ему людей.

Это улица и дом моего детства, мой отчий дом. Мне повезло: я могу встретиться с ним не только в памяти, но и наяву. Я могу подойти к нему и потрогать его деревянные морщины (Е.В.).

А на месте сгоревшего дома стали строить хатенку из подручного материала: стволов слив, вишен, груш, глины. Хата представляла собой две небольшие комнаты с печкой и маленькими окнами. Покрыта была соломой с камышом (Н.Ч.).

Весь дом состоял из одной большой комнаты, в которой жили родители, сыновья с невестками да дети в люльках, подвешенных к потолку. Невестки поочередно оставались дома на хозяйстве, пока вся остальная семья работала в поле (И.Н.).

Дедушка с бабушкой построили новую хату. Домом не назовешь, это была хатка, крытая соломой. Пол земляной. Но ее построили на возвышенном месте, и она настолько была свет-

лой и уютной, что мы, внучата, и не представляли, что может быть где-то лучше (Ю.А.).

Как видим, размер дома не играл большой роли при выражении чувств к нему.

Они продолжали жить «по людям» и построили саманную хату. Я помню эту хату с земляным полом, который раз в месяц мазали коровяком (коровьи лепешки). Саман – это кирпичи, 50х50, сделанные из глины, соломы, коровяка и высушенные. Крышу покрыли снопами соломы. <...> Я помню идеальную чистоту, большую кровать, а посередине деревянный стол и две скамейки. На праздник его вычищали ножом и ставили большие миски с квасом и холодцом (Л.С.).

Но и сейчас, после периода адаптации, мы с семьей с облегчением вспоминаем тяжелые времена: как мы строили дом, привыкали к холодному климату при дровяном отоплении, как мы осваивались в белгородском обществе (Д.Ю.).

Дом невелик, а лежать не велит. Пословица говорит о том, что домашнее хозяйство требовало ежедневной работы, причем работы самой разной и работы руками. Для женщины это мастерство владения «и пилой, и иглой». А для мужчины строительство дома, постройка мебели. Здесь просматривается альтернатива современному виртуальному образованию, когда руки перестают работать, и альтернатива прокрастинации: откладывание дел на потом было в принципе невозможно. Тему прокрастинации развивает в своей статье Г. Тарасевич [Тарасевич 2014]. А. Иванов отмечает прекарный образ современной жизни: «Мы живем в мире, где большинство работ является работой к случаю». Например, так организованы самые интересные и современные явления в культуре. «Что такое бьеннале? Куратор набирает со всего света художников, делает выставку в одном пространстве, а затем все разбегаются, ничего не происходит» [Иванов 2018]. О современной скандализации пишет Людмила Улицкая [Улицкая *https*]. Дом выступал как альтернатива скандализации жизни: некогда было ссориться, забот хватало и без ссор. Наличие своего дома страховало от многих бед.

Дед хорошо знал плотницкое дело и своими руками выстроил дом в деревне, где и родился мой отец. У него были золотые ру-

ки, и работа всегда была его смыслом жизни. Он знал, что «труд есть закон жизни...» (С.Б.).

Руководство домашним хозяйством держала в руках Ефросинья Андреевна. Она вела учет муке, крупе, сену, соломе. Весь скот и вся домашняя живность, кроме лошади, находились под ее присмотром (Н.С.).

Кроме того, Кузьма Михайлович был известным в районе печником. По-видимому, он знал какой-то особый секрет, так как печи его стоят до сих пор (Д.П.).

Обращает на себя внимание тема сочинения, предложенная гимназистам младших классов в дореволюционной России: «История постройки дома и разведения при нем сада». Считалось (и справедливо!), что дети, пусть сначала только эмоционально, но участвовали в постройке дома для семьи, а со временем такое участие становилось все реальнее.

Взяли в чистом поле участок, построили красивый дом, обустроили усадьбу, воспитали двоих детей... (Г.П.).

Наверное, самое замечательное чувство, которое мы испытываем, – это радость от того, что в нашем доме порядок, чистота, все вещи на своих местах, готов обед, все здоровы и счастливы (А.А.).

Эти действия иногда находятся будто бы в тени описания: скотский двор – значит, кто-то смотрел за скотиной, кадушки с помидорами – значит, были руки, солившие эти помидоры.

Я помню этот дом: длинный какой-то, прямоугольный, деревянный, с высоким фундаментом. Он как бы состоял из двух этажей. На самом деле жилая часть дома была просто приподнята над землей и к ней вела скрипучая деревянная лестница. Внизу были многочисленные подвальные помещения. Чего там только не хранилось: и инвентарь, и кадушки (с квашеной капустой, с солеными помидорами и грибами, с мочеными яблоками), крынки с молоком (холодильников раньше не было). В доме было два выхода: один на улицу, другой на скотский двор. Скотины держали много, работы хватало всем (А.Л.).

Мой прадед, Иван Ефимович Пименов из уральских рабочих, работал в литейном цехе Верхне-Уфалейского завода. <...> Дом, в котором осталась тётя Маруся, Иван Ефимович вы-

строил своими руками. Это был добротный шестикомнатный дом на три половины, с отдельными входами по числу детей (трое), с пристройками, конюшней, крытым двором и высоким нарядным крыльцом. Перед фасадом в палисаднике он посадил рябину и сирень. В горнице окнами на улицу все комоды и сундуки были заставлены фигурками каслинского литья: подсвечники, Венеры, олени, кони, собаки, цветы, медведи, чертенята, шкатулки, часы и Дон Кихот – от маленьких до полутораметровых. Чёрное литьё и снежное кружево вышитых рюшелей салфеток и занавесей было на потемневшем дереве стен и мебели (А.Б.).

Дом требовал порядка, учёта всех деталей, но дом и укреплял семью. Опять же, постройка дома объединяла людей. Из афоризмов Эриха Ремарка: «Собственность создает стремление к порядку» [Фадеева 2000]. Дом укреплял чувство собственности, тем самым объединяя семью.

Стены и крыша нашего дома готовы. Теперь, пожалуй, понадобится еще столько же лет и такая же уйма денег, чтобы в нем можно было жить. Конечно, я люблю мужа и помогаю ему, чем могу. Ведь моя зарплата на комбинате сейчас не меньше, а порой даже и больше, чем у него. И я так же, как он, понимаю, что семья – это не только совместное веселье и забавы, но и совместный труд, плоды которого как наследство останутся детям и внукам (О.Ф.).

Вскоре они поженились, устроились в домике в «рабочем городке» города. Совместными усилиями превратили домик в огромный дом, с летней кухней, баней, прекрасными клумбами роз, пионов, астр перед домом. Домашние дела совмещали с рабочими буднями, и все казалось ладно в этой небольшой и дружной семье. Жизнь шла своим чередом, не хватало появления самого главного цветка жизни, ради которого живут все молодые пары, – ребенка (В.К.).

Поставили дом, правда полы в доме были земляные, их поливали водой и утрамбовывали, получалось очень ровно и крепко, не могу представить ходить по земляным полам – «каменный век» (И.П.).

Строительство дома предполагало и помощь соседей, родных, что спланивало общество.

И вот бабушка Маня рассказала, как в 1950 году ей «топтали хату». Собралось много людей: кумовья, соседи, родственники – ведь это была трудная работа. Заранее заготовили солому и глину. Месили конями. На месте постройки, пример забивали через 1,5 – 2 метра дубовые столбы, к ним прибивали с двух сторон тонкие доски или вербу, а между ними утаптывали замешанную глину с соломой. Эта хата была очень теплая. Крышу крыли тоже соломой. Снаружи хату оббивали клинышками или хворостом наискось и мазали. Отсюда и пошло название «мазанка». Полы в доме были земляные. К празднику пол мазали красной глиной и посыпали песком, а к троице украшали чабрецом и березовыми листьями (Т.У.).

В поселке Борисовка прадедушка стал строить новый дом. Было первое время тяжело, но стали постепенно привыкать на новом месте. Очень многим помогли соседи. Я помню, бабушка говорила, что вначале нужно выбрать соседа, а потом нужно строить дом, а вот их семье особенно выбирать не пришлось, но и с тем, и с другим очень повезло (Г.М.).

Дом радовал результатами, но и учил, звал осваивать другие, смежные профессии.

Совместно с родителями в течение десяти лет построили свой дом и сейчас в нем проживаем. Освоил профессии каменщика, штукатура, сварщика и другие. Вопрос посадки дерева решен уже давно и многократно. На земле тружусь много и с желанием, в предстоящем году надо освоить 60 соток приобретенного земельного участка. Много времени отнимает работа с пчелами, которых на сегодня 16 ульев, но эта работа привлекает своей необъяснимой силой (В.Ш.).

Иван и Григорий были плотниками, их приглашали в различные села строить дома. У Григория не было своих детей, у Ивана же было много детей, он всю свою жизнь мечтал построить своими руками дом, когда ему удалось скопить денег, произошла реформа, и деньги обесценились. Всю свою жизнь Григорий и Иван проживали в Харькове, приезжали родителям в гости и оказывали помощь в стройке (Э.М.).

Мечта о своём доме находила отклик в одном из стихотворений Иосифа Бродского.

Воспитывала меня троюродная тетя, особо не считая меня членом своей семьи. Большую часть своего детства я провел в интернате <...> всю жизнь я мечтал о жизни в частном доме рядом с большим озером или морем. Как-то будучи в командировке в Старом Осколе, я увидел место, где хотел бы жить. Я уговорил Зою переехать из Санкт-Петербурга в провинцию, хотя это было довольно трудно. Но зато теперь у нас чудесный дом в живописном месте <...> Пять лет назад у нас родился сын Андрей, а два года назад дочь Анна. Сыну давал имя я, а дочери – Зоя. А недавно встретил у И. Бродского стихотворение: «Мы будем жить с тобой на берегу, / Отгородившись высоченной дамбой, / Произведя на свет дитя, / Мы назовем Андреем или Анной». Строчки как о нашей семье (С.В.).

Недавно Георгий Давыдов задался вопросом: почему нам всем так нравится «Робинзон Крузо»? Авантюра, путешествие, приключения? А вот и нет. Главное как раз то, как человек строил свой дом, как мастерил мебель, изготавливал посуду, выращивал овощи к своему столу... Минуточку! Подробнее перечислим, как Даниэль Дефо «путешествует по Тунгусской области, проезжает Нерчинск, Енисейск, Тобольск, Тюмень, Соликамск, следует через реки Обь, Амур, Каму, Вишеру, Вычегду (это не туристический атлас), наконец, через сельцо Яренск попадает в Архангельск, где и садится на корабль, покидая Россию. ... За свою жизнь он выступил на множестве поприщ: был коммерсантом, виноделом, кирпичезаводчиком, религиозным полемистом, политическим советником, тайным агентом, поэтом, журналистом, автором романов...» [Давыдов 2019: 51]. Писатель многое видел и прикоснулся ко многим профессиям, но в памяти нашей запечатлен роман «Робинзон Крузо», как мастерил человек свой дом, и мы с упоением читаемся в эти страницы.

Брачную постель дедушка смастерил сам из четырех пеньков и старой двери. Потом они решили строить дом, дедушка купил лес и сам изготовил сруб. Он всегда занимался столярными работами, его работой пользуемся до сих пор мы – его внуки

и правнуки. Построив дом, он стал делать мебель из дерева: стол, стулья, деревянную кровать, лавки и даже ложки с блюдами. Позднее бабушка подсобирала денег и отправилась пешком в район на ярмарку, откуда тоже пешком принесла чугунки и железных ложек, сковороду и полотенца (Н.М.).

В филологии есть понятие «полиптотон». Это качество, обозначающее эффект от рядом расположенных падежных форм имени: дома, дом, дому. Прислушаемся, как органично вплетен этот прием в романе Евгения Водолазкина. «Сосредоточиться на трезвучиях Глебу было непросто – не только из-за снега. Дома многое отвлекало. Дома. Дому. Дом. Единственный, возможно, в его жизни. Потом домов было много – так много, что они потеряли своё домовое качество и стали местом жительства. А с этим связывала пуповина: Дом. Маленький, двухэтажный, стоял на бульваре Шевченко, бывшем Бибиновском. На втором этаже – балкон, скрытый в ветвях старого каштана» [Водолазкин 2019: 33]. И в родословных сердечно, тепло, трогательно описывается дом, где жила семья и откуда тянутся хорошие воспоминания.

В этом доме всегда царил мир, покой и уважение друг к другу. Здесь мы учились работать на земле, узнали, что такое пчелиное царство и домашнее хозяйство (Р.С.).

Дом требовал развития, расширения, полноценной семьи. Многодетность тогда была в почете, и старшим детям не приходилось испытывать скуку и тоску, так как на них ложились заботы о воспитании младших членов семьи. В современных условиях дети по-прежнему эмоционально обогащают родителей, однако для этого многим парам хватает и одного ребенка (Ю. Шишков). «В обычной семье, думал я, любая крупная ссора сразу ставит людей на грань развода – ведь живут нос к носу, некуда расползтись, отлежаться, успокоиться. А в большой семье даже большая ссора всего-навсего с одним из пятерых и семерых, и расходиться вовсе не обязательно» (Л. Жуховицкий). Дом предполагал поддержку трех поколенной, как минимум, семьи, был олицетворением связи дома и рода. Отсюда и то внимание, которое уделялось людям старшего поколения со стороны их внуков и внучек.

Дом, как дедушка говорил, был из двух половин. Посередине были сени, где зимой стояли коровы с маленькими телятами. В одной половине дома жили женатые сыновья, в другой – остальные члены семьи (О.А.).

Бабушка работала сначала почтальоном, потом на ферме дояркой. У моих дедушки с бабушкой один сын Глумов Анатолий Ефимович 1959 года рождения – мой папа. Окончил среднюю школу, потом в техникум поступил, но не окончил, ушел в армию. Служил в Германии. После армии сразу женился на Пятовой Вере Владимировне 1962 года рождения. После свадьбы родилась я. Сначала жили все вместе в одном большом дворе. Мои прадедушка Глумов Антон и прабабушка Маша жили во времянке, если можно так сказать. Это, скорее всего, дом. А бабушка, дедушка, мама, папа и я в новом доме. Всё прадедушка построил сам. Я еще застала в живых свою прапрабабушку, которая тоже жила там, но она умерла в марте 1980 г., когда мне было три месяца. То есть все мы раньше жили на своей земле (Т.Г.).

Его детям всегда было интересно узнать, как он воевал, где воевал. Но дедушка, да и они сами, всегда был занят. То на работе, а дома он не сидел без дела. А когда дедушка вышел на пенсию, дети были заняты. Дедушка не рассказывал своим детям военные истории, по большей части он рассказывал эти истории внукам и племянникам. У дедушки осталось шесть детей, девять внуков и десять правнуков (М.С.).

Дом как материально выраженное единство семьи, дом как контекст, необходимый для человеческого существа в настоящем, и дом как материально выраженное бессмертие – о многом, причем в настоящее время исключительно важным, могут рассказать семейные родословные.

Литература

Водолазкин Евгений. Брисбен: Роман. – М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019.

Давыдов Георгий. Лоция в море чернил. Тетрадь вторая // Новый мир, 2019, № 9.

Иванов А. Новая газета во Владивостоке. 2018. № 467. 15 ноября.

Марков Борис. Образ современности в зеркале философии // Нева, 2008, № 8.

Соколов Ярослав. Василий Розанов: возле русской идеи // Знание – сила, 2018, № 6.

Тарасевич Г. Прокрастинация: симптом века. Как устроена психология современного человека и почему он склонен откладывать жизнь на потом // Русский репортер. 2014. № 14. 10–17 апреля.

Улицкая Л. Священный мусор [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rulit.me/books/svyashchennyj-musor-sbornik-read-266757-1.html>

Фадеева О. В. Афоризмы Э. М. Ремарка (опыт сопоставительного словаря немецко-русских вариантов). Магадан: Изд-во «Кордис», 2000.

Флоренский П. А. Все думы – о вас. Письма семье из лагерей и тюрем, 1933–1937 гг. СПб.: Сатисъ, Держава, 2004.

Харченко В. К. Личный архив семейных родословных: в 30 томах. Белгород, 2016.

REFERENCES

Vodolazkin Yevgeniy. Brisben: Roman. – M.: Izd-vo AST: Redaktsiya Yeleny Shubinoj, 2019.

Davydov Georgiy. Lotsiya v more chernil. Tetrad' vtoraya // Novyy mir, 2019, № 9.

Ivanov A. Novaya gazeta vo Vladivostoke. 2018. № 467. 15 noyabrya.

Markov Boris. Obraz sovremennosti v zerkale filosofii // Neva, 2008, № 8.

Sokolov Yaroslav. Vasilij Rozanov: vozle russkoj idei // Znaniye – sila, 2018, № 6.

Tarasevich G. Prokrastinatsiya: symptom veka. Kak ustroyena psikhologiya sovremennogo cheloveka i pochemu on sklonen otkladyvat' zhizn' na potom // Russkiy reporter. 2014. № 14. 10-17 aprelya.

Ulitskaya L. Svyashchenny musor [Elektronnyy resurs]. – URL: <http://www.rulit.me/books/svyashchennyj-musor-sbornik-read-266757-1.html>

Fadeyeva O.V. Aforizmy E.M. Remarka (opyt sopostavitel'nogo slovarya nemetsko-russkikh variantov). Magadan: Izd-vo «KordiS», 2000.

Florenskiy P.A. Vse dumy – o vas. Pis'ma sem'ye iz lagerej i tyurem, 1933–1937 gg. SPb.: Satis", Derzhava, 2004.

Kharchenko V.K. Lichnyy arkhiv semeynykh rodoslovnykh: v 30 tomakh. Belgorod, 2016.

©Харченко В.К., 2021

Харченко Вера Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и русской литературы. Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород, Россия). Адрес: 308007, Россия, г. Белгород, ул. Студенческая, 14/4, 601.
E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Kharchenko Vera Konstantinovna – Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Literature. Belgorod State University (Belgorod, Russia).

Раздел II. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОКРЕАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Е. Н. БЕКАСОВА
г. Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru

УДК 811.161.1'42(091)
DOI10.26170/2306-7462_2021_02_08

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ ЦАРСКОГО ЧЕЛОБИТЧИКА ПАТРИАРХА НИКОНА: МЕЖДУ ВОЗГОРЖЕНИЕМ И СМИРЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности презентации устремлений ссыльного патриарха Никона на материале его челобитных из Ферапонтова монастыря царю Алексею Михайловичу (1667-1676 гг.). Личностный аспект челобитных бывшего «собинного» друга царя достаточно отчётливо показывает Никона в его бытийной ипостаси – прежде всего как человека во что бы то ни стало желающего вернуть прежние отношения с Алексеем Михайловичем и найти в его лице «спомогающего ми», что обуславливает структурные характеристики текста – от обращений к религиозным «аргументам» своей правоты до мелочного и скрупулёзного, свойственного различного типа деловым документам того времени перечня претензий по поводу своего содержания. Челобитные «смирненного богомольца» позволяют наблюдать смену его дискурсивных практик, которые направлены сначала на утверждение собственной правоты и значимости, затем признание собственных ошибок, а в дальнейшем утверждение вины царя и необходимости её искупления перед сосланным, но по-прежнему считающим себя патриархом Никоном.

Ключевые слова: деловые документы; челобитные; дискурсивные практики; патриархи; протопопы; русские цари; русский язык; история русского языка.

Bekasova Elena N.
Orenburg, Russia

DISCURSIVE PRACTICES OF THE ROYAL PETITIONER OF PATRIARCH NIKON: BETWEEN BURNING AND HUMILITY

Abstract. The article considers the features of the presentation of the aspirations of the exiled patriarch Nikon on the material of his petitions from the Ferapontov Monastery to Tsar Alexei Mikhailovich (1667-1676). The personal aspect of the petitions of the former "dog" friend of the tsar clearly shows Nikon in his former hypostasis – first of all, as a person at all costs who wants to return his former relationship with Alexei Mikhailovich and find in his face a "helping one", which determines the structural characteristics of the text: from appeals to religious "arguments" of their rightness to petty and meticulous. The list of claims for its content characteristic of various types of business documents of that time. The petitions of the "humble pilgrim" allow us to observe the change of his discursive practices, which are aimed first at asserting his own rightness and significance, then acknowledging his own mistakes, and later asserting the guilt of the king and the need for her redemption before the exiled, but still considering himself Patriarch Nikon.

Keywords: business documents; petitions; discursive practices; patriarchs; Protopop Avvakum; Russian tsars; Russian language; history of the Russian language.

Челобитные не имели строгого формуляра и представляли различные документы, которые объединяло одно – обращение низшего по положению лица к высшему с просьбой, жалобой, доносом или заявлением, обязательно оформленными как униженное прошение, обрамленное трафаретными зачином и концовкой. Несмотря на то, что «все челобитные имели более или менее одинаковую структуру» [Бородина 2019: 30; Grominová 2016: 123] и каркасная жёсткость формул начального и конечно-го протоколов поддерживала их деловой статус, изложение сути дела и просительная часть характеризовались индивидуально-

стью, нередкоходящей до сокровенности, что позволяло автору проявлять значительную креативность [Бекасова 2018].

Преломление жизненной парадигмы челобитчика в его конкретном личном восприятии обуславливало разнообразие авторского исполнения – от неповторимо-страстных челобитных огненпального протопопа Аввакума до пародийного челобитья о нарушении «безпечального житья» монахов Калязинского монастыря. Известный историк Н. Н. Оглоблин справедливо утверждал, что «челобитные народа представляют единственный в своем роде материал и более ценный, чем в келейных произведениях так называемой «литературы» этого времени» [Оглоблин 1900: 87].

В связи с этим особый интерес представляют челобитные периода церковных реформ и раскола русской православной церкви, когда авторитетные иерархи русской церкви вместо спокойной уверенности и достоинства риторически украшенной церковной проповеди избирают лично заинтересованные диалоги «в ответ» духовному чаду, колеблющемуся в вере, идеологическому «супротивнику», еретику, «акаянному, злобесному» вероотступнику и, пользуясь ещё возможностью обращения к царю, пишут челобитные, где важность затрагиваемых тем, усиленная неразрешимой реформаторской «прёй», требовала не столько религиозно-философской эстетики, сколько обращения к живому разговору, по «грубости словес» граничащему с «лаем», прорывающему ограждения многочисленных ссылок на Святое писание [Бекасова, Миронова 2016; Bekasova 2020].

Показательны в этом плане челобитные Аввакума и Никона, рожденных в «нижегородских пределах», в своё время приближенных к царю для решения «исправления» богослужебных текстов, в итоге ставших непримиримыми противниками и по разным причинам осуждённых и сосланных царём Алексеем Михайловичем, который тем не менее до последних своих дней сохранял жизнь Аввакуму и заботился о ссыльном Никоне.

Аввакум и Никон – важные и во многом символические фигуры русской истории, определяющие религиозно-общественную жизнь второй половины XVII в., что не позволяет рассматривать их как простых жалобщиков. Они бьют челом

царю по важному для них, государственному, делу, которое они понимают по-разному, ср.: **Аввакум:** *мы твои богомольцы: некому нам возвещать, како строится во твоей державе.* **Никон:** *Тем же и аз, оного подражая, зову: “Помяни мя, господи царю, во царствии своем, да и тебе Господь Бог помянет во Царствии Своем Небесном”.*

Для Аввакума главным является общественная значимость его челобитья, где личные жалобы становятся фоном, иллюстрациями главной идеи – места церкви в выстраиваемом царями самодержавном государстве: *свое ли смертоносное житие возвещу тебе, свету, или о церковном раздоре реку тебе, свету?* [Житие 1934: 279]. Никакие испытания не могут заставить его молчать о разорении истинной веры и «смущении» церкви в наступившей «еретической зиме» – до последнего своего вздоха он стучится в сердца вероотступников с призывом *«сие злое корение исторгнем тогда нам будет вся благая»* [Житие 1934: 286].

Челобитные «извергнутого из патриаршества» Никона не обладают общественно-религиозным пафосом посланий протопопа: они, с одной стороны, сугубо личные, а с другой – следуют типичному формуляру изветных, сыскных, расспросных, явочных и повинных челобитных. Впечатление о персональной «деловитости» усиливается наличием в части пагатио подробнейших описаний трудностей ссыльного жития, досконального перечисления полученных или недошедших съестных запасов и кормов; обстоятельных запросов на меха, скобяной товар, книги и пр.; детального изложения жалоб на притеснителей с представлением пространных диалогов, что практически полностью совпадает с практикой делового документооборота XVII в., свойственного в том числе и монастырской жизни.

Ср.: Никон: *Да он же, попъ, в те же поры говорил: «Был, де, я на походе на Кириловском подворье у Чернова попа Иоуля, а он, де, тут сидит под началом, скован. И стал, де, меня спрашивать: „Где, де, ты живешь ныне? И я, де, ему сказал: жил в Воскресенском монастыре, а ныне, де, думаю, опять в Феропонтовъ монастырь х патриарху итти. И он, Иоуль, почал говорить: „Меня, де, он не любит, а называет, де, меня колдуном*

и чернокнижником ... меня, де, и в Верхъ государь ималь, как болела государыня царевна Анна, и я, де, сказал, что ей не встать, да так, де, и сталоь (здесь и далее в скобках (457) указываются страницы по: [Севастьянова 2007]; в целях упрощения графики в тестах «ять» последовательно заменяется на е). – Извет подъячего А. Мотякина: *он мне сказал навещат де прихдило же де мне здес сидет недолго все де мои дни урочные прошли ине де последнеи день а будет поболши посижу ино де поменши поживет а толко де поменше посижу ино де поболше поживет кабы де гсдрь мене поставил перед собою так бы де ему было лутче и я Афонка ему молвил как ты старец так смееш говорит и он почал говорить я де земного цря боюсь де небесног слуга де я нбсног цря и не земного а се де не от премова црског корени...* [Московская письменность 1968: 233].

Никон: *Да вы же, великие государи, пожаловали прислали с ним же, Кузьмою Лопухиным, родильных овощей, две ковришки пряных пшенишных, да две же ковришки сахарных, да тысячу двести яблокъ, да дватцать два арбуза белогороцких и тамбовских* (497) – Память сельского целовальника Покровского монастыря Агафона Михайлова: *старицам куплено огурцов на 7 де; старицам же куплено рыбы по гривну; свечей, муку и малины старицам купил, дано б де* [Акты монастыря 2019: 376] и под.

Безусловно, патриарх Никон владел всеми тонкостями дело-производства своего времени. Об этом достаточно убедительно свидетельствует единственное из 38 сохранившихся посланий из Ферапонтовского монастыря к царю, где Никон затрагивает причины, обстоятельства и следствия его «извержения» из патриаршества (подробнее см.: [Севастьянова 2007: 59-65]), ссылаясь на то, что на «написание злостраданий» его понудило «не свое, но апостольское слово» (497). Именно здесь Никон, единственный раз не подписавшись, по своему обычаю, патриархом, высказывает все накопившиеся к царю претензии: «*Что я тебе, великому царю государю, сотворил? И ныне се ли мне твое воздаяние вместо моя работы? Яко пса состаревшаяся отрину и заключи, и подобныя пищи лиши*» (441). Отвергая по пунктам предъявленные обвинения, «окованный нищетою и железы смиренный» Никон делает вывод: «*вин моих прямых не обралоь*

достойно извержению» и «все уже у них было до суда изготовлено» (439). Отсюда не столько нарушения в процедуре его свержения, сколько незаконность суда: «У тебя, великого царя государя, и подьячие лутче то разсудят. Егда судят, пишут обоих речи — исца и ответчика, и прочитают обоим: так ли истец и ответчик говорил, и потом всяк свои речи рукою закрепляет, и потомъ разсуждают речи их, и выписывают из законов ваших царских. А тут все не по закону заповеди было» (439). Сам Никон в большинстве своих посланий тщательно выписывает диалоги со своими обидчиками – по лекалам изветных, сыскных и распросных документов (450, 452, 455 и под.).

В этом же обращении к царю наблюдается и другая отчётливая метаязыковая рефлексия Никона – по поводу жанра своего послания, поскольку он не только отмечает свои «вины», но и убедительно перекладывает их на других, не исключая Алексея Михайловича, который сначала был *«благочестив вельми и милостив»*, а затем *«нача помалу гордети и выситя»* (443-444). Тому, кто еще недавно «пренебрег царское величество и писал себя Великим Государем» [Карташев 1992: 145], неприемлем жанр челобитья: *«Говорил я тебе, великому царю государю, что мучишь нас ради многих напрасно. И то и всяк бедный человек тебе, великому царю государю, пишут и в челобитных, которые сидят по твоему указу в тюрьмах и за приставы, и во иных нуждах: бьет челом тот имярек, мучу я живот свой тут и тут, а от ково, и то тебе, великому царю государю, мочно знать и самому, что се глаголемое. <...> А я, хотя такъ <и говорил> тебе, великому царю государю, правду, только у патриархов и правила такова не подведено, потому что такова правила нет»* (438).

Великое «возгоржение» обусловило не только сохранение Никоном в нерушимости своего патриаршего сана и отторжения самой возможности бить челом царю, но и осмысление своего «борения» и последовавшего заточения в ореоле новомученика, с радостью примеряющего новые ризы – от библейских святых, Лазаря убогаго, Иова многострадальнаго, апостола Павла, отцов церкви до распятого Христа – *«вся сия на мне збышась»* (438). Достаточно выразительна в этом плане ярко прописанная сцена

срывания с Никона клобука с жемчугами при его «извержении»: *«иной дали, ничтоже мне о жемчюге том попечение – поминую Владыки Христа тернов венец и радуюсь»* (440).

Именно отсюда идут призывы к царю: *«Зри!»*, и утверждение своей правоты – *«по «божественной заповеди, паче Содома и Гомора»* – в троекратном отказе благословить и простить царя и его семью за то, что *«до Ферапонтова засудил и заточил»*, и откровенные угрозы – *«суд Его со тщиением грядет. <Аще> и великий царь еси, не рцы: кто мя преможет? Господь бо, мстя, отмстит»* (442).

Пафос по-прежнему ощущающего себя всевластным патриархом, но невинно сидящего «во тьме и сени смертной» утверждается многочисленными примерами терзаемых святых. Но в конце послание как-то неожиданно сбивается на деловито-неразборчивую ноту: *«Слышал аз в приговоре на изгнание мое у патриархе, да буду в Ферапонтове во вся дни живота моего <...> во всяком покои, и несть здесь тако, но zelo люто. И паче всякого убийцы и душегубца пристав zelo зелопрелют... что емлет з городов и из монастырей <для> нас, то саме себе емлет и в дом свой отсылает всякие запасы. А сааме безпрестани со псами за заецы. Келарь все совершен ворь. ... Конец, а терпению нашему святыи Богьдасть венец. Аминь. Агей Шепелев, что взял запасу с Москвы, то все себе побрал, я не имал ничово, ей, тако. О бумаге и о чернилах, Господа ради, никово не истяжи – своя с Москвы. А инова никакова дела не писано никуда, яко тако истина есть»* (442). Всё смешалось в заключении данного исторически значимого и высоко оцененного исследователями источника [Севастьянова 2007: 57] – келарь, пристав, зайцы, псы, бумага и чернила, идущий вразрез с идеологическим, политическим и личным конфликтом между главными властителями Руси.

Несмотря на то, что отзвуки этого идеологически выдержанного и концептуально значимого для оценки отношений Алексея Михайловича и Никона анализа будут ещё слышны – *«и возрасте меж нами великая смута, великая»* (462), – главным станет та тема челобитных, которую Никон презрел и высмеял в начале своего заточения в Ферапонтовом монастыре в июле

1667 г. («мучу я живот свой тут»). Теперь все усилия определяющего себя в каждом послании «милостью Божиею патриарха» направлены на изложение злодейств приставов, их распутной жизни, неповиновений великому государю, своей голодной и тяжёлой жизни.

Лютость жития усиливается, и Никон понимает её причину – «*твоя, государева, милость удалилась от мене, зане прогневах ярость твою*» (450, 455). Это требовало смены дискурсивной тактики, что обозначилось на третий год заточения Никона. В Послании 25 декабря 1971 г. Никон вновь вспоминает свое принятие патриаршества и отход в Воскресенский монастырь, где государя «*милость с презорством принимал, а все то делал, чтоб мне от твоей милости забвену быти*» (462), и на суде «*я поневоле против своих писаных слов говорил тебе, государю, прекословно и досадно, и в том прощения же прошу*» (463).

Но, прося прощение за то, что ранее осудил и с радостью отряс, Никон откровенно признаётся в своих первоначальных намерениях воздействовать на царя: «*И от спервах всяко хотел поискуситись, по писаному: прелюто бо есть и воистину бедно, иже кому гнев царьский понести*» (463). Но данная тактика не имела успеха, тем более, что у «смирненного» патриарха не было той несгибаемости и веры, какой был преисполнен Аввакум: «богатырский напор и увлечение, буйный темперамент и неумеренная властность» Никона [Карташев 1992: 141], хотя и были направлены на возвышение церкви над царством, но в итоге над церковью он мыслил исключительно себя. В этой вертикали власти Никон не ожидал видеть себя на другом конце: он был готов «*по писанному*» примерить мученический венец, но не готов был его принять. Чтобы окончательно не ввергнуть себя в пучину испытаний, Никону необходимо было выстраивать новые отношения с царём, тем более, что он уже имел опыт «развития любви царя» к себе [Карташев 1992: 136].

И если во втором своём послании из Ферапонтова монастыря Никон настойчиво повторяет, что его не «смущают» неправедность судилища над ним, «*нищета и железы*», «*лишение слуг, пития, и прочих*», то через 6 лет желание «*скорее к надеемым благим пристроюсь*», уступает стремлению выжить в «*больниши*

ной смрадной келье, окна закованы, клопами и блохами умножена без числа» (440). Утрачена и испытанная Никоном эйфория нового мученика, когда веселился, трижды отрясая прах, *«прилипший нас от града вашего»* (441). Пыл боренья и обличений проходит под натиском реальных трудностей мирской жизни, экстаз святого мученика уступает желанию есть и пить, и в целом жить, *«подобно ми»* – как привык раньше.

Наступает, на первый взгляд, *«покаянный»* период, когда все послания наполнены *«муками живота»*: полностью отброшена христианская символика немощи и сострадания – *«зной и чады келейные»* становятся более значимы, нежели ранее с радостью принимаемые *«геена и огонь»*. И остаётся одно – уповать на милость царя, которой он когда-то был обласкан, поэтому Никон, пытаясь объяснить с царем, пишет о том, что только для него он теперь делает исключение: *«Но аз никоторова зла от тебя, государя, ни видель, разве милости, ни слышал, и все со благодарением терпел; все злое видель от приставов, яко же от первых, тако и ныне»* (463). Теперь Никон полностью отрекается от прошлых своих убеждений, которые мог себе позволить всевластный патриарх, не принимая, например, царских подарков: *«я у вас, государей, не наймить был»* (464). Но *«смиранный богомолец»* увидел в этих отказах причину гнева царя и готов каяться во всех своих *«винах»* перед царём и принять любую не то что милость, но и милостыню.

Важным в челобитных становится нагнетение ужасов ссылки с надеждой вызвать у покровителя жалость: *«И есмь ныне болен и нагъ, и бос, обжогся и обносился до нага, и креста на мне нете третьей год; стыдно и во другую келью выйти, идеже хлебы пеку и варю, понеже многие части зазорные непокровены. И со всякия нужды келейныя и недостатков оцынжел, руки больны, левая не подымается, очи чадом и дымом выело, и есть на них белма, из зубове кровь идет смердящая, и есть не терпят ни горячева, ни студенова, ни кислова, ноги пухнуть ... и милостыни попросить не у ково»* (463).

Все устремления Никона направлены теперь к одному – ожиданию, что его, не выдавшего *«от юности такие бедности»* (525), государь *«пожалует по-старому»* (484). Значительно

усиливается практика использования разнообразных формул, указывающих на «возможность физической гибели» челобитчика [Токарев, Леонова 2011: 52-53]. В связи с этим тщательно прописываются все «муки живота», связанные с хлебными и рыбными припасами, постройкой амбаров; комарами, мухами, клопами и блохами; подсчётами яблок, арбузов, хлеба и муки; размерами осетров «от глаза до завитошной кости»; досконально определяется, что не дошло из-за притеснений местных властей, а если и дошло, то в каком негодном виде – и всё с конкретным указанием каждого из обидчиков, количества штук, аршин, саженей, вершков, пучков, пудов, бочек, оловяничков, стягов и полотей и пр. Типичным в этом случае выступает тщательная опись присланных, как и положено, 20 возов сена для корма лошадей и коров, но так как царь *«меры возамъ не написалъ»*, то досадители бывшему патриарху нагрузили возы малою мерою: *«привозять вместо мерные копны по острамку не по большому, а мерою, государь, в длину острамокъ по сажени мерной, а в вышину и в ширину по полу сажени. ...И теми четырьмя копнами лошади, тремя копнами коровы в год не прокормить»* (540).

Практика стимулирования «милующего ми» усиливается на фоне сгущающейся тяжести жития «одряхлевшего» челобитчика – «убогого старца»: *«я, богомолецъ твой, занемоцевал, и огорода копать, и овощей садить, и строить не могъ, и наимовал три челоуька, а давал рубля по четыре на лето и по три, а платить тем наймитом нечемъ»* (558) и под. Создаётся ощущение, что Никон, описывая день за днём, час за часом своё страдничество, приобщает к этому Алексея Михайловича, чтобы он прочувствовал и глубину его физической немощи (*«ходил я, богомолецъ твой, на поварню есть сварить про себя, и назад и ис поварни идучи в келью, запятыя по их же подмосткамъ за тесницу и пал на лесницу, а с лесницы выше сажени летель, и розбился весь, ходить и делать ничево не могу ... помираю голодною смертию»* – 522), и одинаковую ответственность за реформы (*«Александре Борков ... правленные книги называет еретическими, а меня, богомольца твоего, называет антихристом. А я несть антихристъ... А тебя, великого государя, называет онъ,*

Александр, изумившись и прельстившись» – 525) и др. Более того, он заставляет царя проживать с ним его жизнь денно и ночно: «И в нынешнем же, государь, во 183-м году июля в де[нь] вышел я Кирилова монастыря в строение в верхнюю келью ночью спать от многих мух, и клопов, и блох. И того вечера птица, неведомо откуда взявшись, яко врань черна, пролетела сквозь кельи во все двери и исчезла, неведомо куды. И той ночи демоны не дали мне уснуть, и одеялишко с меня дважды сволокли долой, и беды всякие неподобные многие творили» (558) и под.

Никон не скрывает своего желания подобными челобитными добиться милости от царя – жалобя, выпрашивая, вымаливая: *«и не престану, яко червь от древоточения, понеже утробою стесняем от Кирилова монастыря» (561).*

На широком фоне десятилетних страданий Аввакума, смертей его детей и соратников жалобы Никона на *«горкое да гнилое; такожде, и рыбу присылал лежалую и не колотую» (464) и просьбы «ослаби ми мало, да почию прежде, да же не отойду, и к тому не отойду, и к тому не буду» (466) и «не перешли далее ФерAPONтова и теснее» (465) воспринимаются как чисто личное прошение человека, пытающегося воспользоваться своими прежними связями с великим государем уже не только для улучшения своего быта, но и спасения жизни [Bekasova 2020: 298-299].*

Однако глубокая убежденность о несправедном «извержении», истинности своего священного сана и несправедливом отлучении от царской милости, достойной его, Патриарха, прорывается сквозь бытийно-жалобный челобитный фон сознательного позиционирования себя как убогого и болящего, смиренного и одряхлевшего, вымаливающего милостыню. Отрекаясь от некогда взятой на себя роли «пристроиться к благим», не выдерживая заточение, принижающее его достоинство, памятуя о «подобной» его жизни, Никон, видимо, по старой привычке требует собольков на варешки, яблочек, икорки, сливочек... Но при этом его благодарность за удовлетворение просьб весьма своеобразна: погруженный в убогий быт ссыльного затворника, он в благодарность обязательно вплетает попреки и воспоминания о

некогда окружающей его достойной роскоши. Благодарность становится укоряющей, а подарки – недостойными ни великого государя, ни смиренного, но милостью Божию Патриарха. Показателен фрагмент вымаливания часишков: *«Да у меня же, богомольца твоего, часишков келейных неть, а монастырских не слышать»* (505). Стоит отметить, что для Никона уменьшительный суффикс – яркий показатель ничтожности, негодности, низкого качества и мелкого достоинства, будь то *людюшки, крестьянишки, поваришко* или *рыбешки, окунишки, сижки, икорка, малинка, вишенка* и пр. Но просьба о такой малости, как келейные часишки, тут же сопровождается подробнейшими – как в росписях, памяти или духовной – воспоминаниями Никона: *«Да в келье же, государь, моей остались часы: столовые большие серебряные, другие часы медные позолочены, башнею, третьи часы медные башенкою же, позолочены, поменьше тех, часы золотые столовые и зепные с камнемъ, четверы часы серебряные зепные, двои часы медные позолочены зепные же, двои же часы в хрустали, оправлены серебром. А было, государь, и большы того, только не припамячю, и каменья, и жемчюгу, и золотых, и платья осталось немало, а где оно нынеча – не знаю»*. В разных челобитных перечень утраченного пополняется, и каждый раз подчёркивается, например, ветхость имеющихся у «смиренного богомольца» церковных книг и роскошь рукописных фолиантов греческого, польского, немецкого, киевского и русского письма в белых кожах, атласе, «в лицах», а массу других – «не припамячю» (505).

Практика укорителя идёт рядом с жалобами и прошениями, отравляя благодарность и усиливая ущербность милости царя и его семьи, например: *«Да вы же, государи, прислали ко мне ковришку сахарную да ковришку белую, да хлебець черной для ради рождения вашей государской дщери <...> А я было ождадал к себе вашише государские милости и овощей, винограду в патоке, и яблочекъ, и слив, и вишенокъ, только вам Господь Богъ о том не известил ... пришлите, Господа ради, убогому старцу»* (531). Аналогична уловка Никона с собольими мехами, которые он получил от новорождённого Петра Алексеевича – благодарность сопровождается выговором и за преды-

дущие «подарки»: *«А мех государя цареви́ча и великого князя Петра Алексеевича в нашу меру: из него платна не будете – длины надобе два вершка в прибавку, а в подоле мех ево, государева, жалованья с четвертью три аршина, а нам шьетца платно в полпята аршина, а пооскуду с четвертью в четыре аршина, а здесь на дополнку прикупить к нему негде, и кровли, подобные ему, добыть негде же. ... А прежнее твое ... жалованье соболей мех и государыни царицы ... жалованье лисей черевей мех лежать не деланы за темь, что в нашу меру полных платен не будет, а здесь под ту статью прикупить негде. Сотворите, Господа ради, милость, велите то свое жалованье исполнить»* (476). Благодарность творится, как сам Никон определяет, «с великими брюзнами» (497).

Жалобы на невыносимую жизнь перемежаются с претензиями и все чаще с прямыми указаниями *вели, учини*, которые практически венчают челобитные, иногда без привычного для такого рода документов – *милости прошу, милостив будь*. С «изнеможествованием» Никон всё глубже погружается в описание своих жизненных неурядиц, тем более, что челобитные уже не могут писаться им лично и тот настрой личностно-интимных притязаний из-за постороннего писца постепенно утрачивается, как и теряются клишированные концовки челобитных с указанием милости и благодарности: видимо, нет сил продиктовать даже долженствующиися стандартные формулы.

Горжение Никона, резко контрастирующее с вынужденно избранной практикой убогого просителя, подчеркивается его основной и главной линией ссыльной жизни – вернуть расположение Алексея Михайловича укорением, стыдом и жалостью, во что бы то ни стало найти в его лице «спомогающего», что обусловливает структурные характеристики текста – от обращений к религиозным «аргументам» своей правоты до мелочного и скрупулёзного, свойственного исключительно росписям, памятям и судным спискам перечня граничащих с повелениями требований по своему содержанию. При этом им предана забвению вся его реальная деятельность в качестве патриарха, имевшего практически неограниченные возможности церковного и даже светского владыки, почти реализовавшего свою мечту – «свя-

щенство выше царства». Сознательность ориентации на убогого, покорного, покаявшегося и благодарного подтверждается тем фактом, что, узнав от царя Федора о высказанной в завещании просьбе Алексея Михайловича простить его, «Никон прослезился, но прощения на письме не дал» [Карташев 1992: 219]. Мирское оказалось выше священства.

Мирская сущность некогда всевластного владыки особенно контрастирует с идеологически и теологически выдержанными челобитными протопопа Аввакума, для которого собственные нечеловеческие муки становятся отправной точкой донести до царя мысль о гибельности его реформ и необходимости отмены античеловечной и антиправославной политики – «*ты попустил*». Для некогда могущественного духовного владыки главным становится послабление его становящейся с годами невыносимой ссыльной жизни. Некогда отвергаемая – в запале борьбы и настроя на житие новомученика – челобитная для «милостию Божиею патриарха» становится удобной формой эксплуатации чувства вины царя.

Литература

Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI-XVII в. /сост. А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М., 2019. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архива России XIII-XVII вв. Т. III).

Бекасова Е. Н., Миронова Е. А. Фрагмент русской языковой картины мира XVII века в условиях идеологического противостояния // Определение картины мира в русском языке, культуре и литературе: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štátnej národnej výskumnej university. Brno: Tribun EU, 2016.

Бекасова Е. Н. Креативный челобитчик // Уральский филологический вестник. – Вып. 2: Материалы Международной конференции «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы нового научного направления» 27-28 апреля 2018 г. / гл. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург, 2018. (Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2 (27)).

Бородина Е. В. Челобитная как источник для изучения истории российского общества XVII-XVIII вв.: структура и эволюция формулы // Манускрипт. 2019. Том 12. Выпуск 12.

Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М.: Academia, 1934.

Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви: в 2-х т. Т. 2. М., 1992.

Московская деловая и бытовая письменность XVII века / изд-е подг. Котков С.И., А. С. Орешников, И. С. Филиппова М., 1968.

Оглоблин Н. Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592-1768 гг.). Ч. 3. Документы по сношениям местного управления с центральным / Сост. Н.Н. Оглоблин. М., 1900. (Из «Чтений в О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те»).

Севастьянова С. К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.

Токарев Г. В., Леонова Ю. Ю. Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 2 (14).

Bekasova Elena N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. (DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32).

Grominová A. Обзор русских литературных памятников XI-XVII веков. Brno: Tribun EU, 2016.

REFERENCES

Akty Pokrovskogo suzdal'skogo devich'yego monastyrya XVI-XVII v. /sost. A. V. Antonov, A. V. Mashtafarov. М., 2019. (Akty Rossiyskogo gosudarstva. Gosudarstvennyye i korporativnyye arkhiva Rossii XIII-XVII vv. Т. III).

Bekasova YE. N, Mironova YE. A. Fragment russkoy yazykovoy kartiny mira XVII veka v usloviyakh ideologicheskogo protivostoyaniya // Opredeleniye kartiny mira v russkom yazyke, kul'ture i literature: Zborník štúdií z conference Katedry rusistiky Filozofický fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave a Katedry ruského jazyka a ruskej literatúry Historicko-filologickej fakulty Belgorodskej štatnej národnej výskumnej university. Brno: Tribun EU, 2016.

Bekasova YE. N. Kreativnyy chelobitchik // Ural'skiy filologicheskij vestnik / Ural. gos. ped. un-t. – Vyp. 2: Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii «Lingvistika kreativa: tendentsii i perspektivy novogo nauchnogo napravleniya» 27-28 aprelya 2018 g. / gl. red. T.A. Gridina. Ye-

katerinburg, 2018. (Seriya «Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa». Vyp. 2 (27)).

Borodina YE. V. Chelobitnaya kak istochnik dlya izucheniya istorii rossiyskogo obshchestva XVII-XVIII vv.: struktura I evolyutsiya formulyara // Manuscript. 2019. Tom 12. Vypusk 12.

Zhitiye protopopa Avvakuma im samim napisannoye i drugiye yego sochineniya. M.: Academia, 1934.

Kartashev A. V. Ocherki po istorii russkoy tserkvi: v 2-kh t. T. 2. M., 1992.

Moskovskaya delovaya i bytovaya pis'mennost' XVII veka / izd-e podg. Kotkov S.I., A. S. Oreshnikov, I. S. Filippova M., 1968.

Ogloblin N. N. Obozreniye stolbtsov i knig Sibirskogo prikaza (1592-1768 gg.). CH. 3. Dokumenty po cnosheniyam mestnogo upravleniya s tsentral'nym / Sost. N.N. Ogloblin. M., 1900. (Iz «Chteniy v O-ve istorii i drevnostey ros. Pri Mosk. un-te»).

Sevast'yanova S. K. Epistolyarnoye naslediyе patriarkha Nikona. Perepiska s sovremennikami: issledovaniye i teksty. M., 2007.

Tokarev G. V., Leonova YU. YU. Leksiko-frazeologicheskiye sredstva vyrazheniya pros'by v chelobitnykh XVII veka // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2, Yazykozna. 2011. № 2 (14).

Bekasova Elena N. Genetically correlative reflexes of proto-slavic combinations in Avvakum and Nikon's Petitions // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. Philological Readings. (DOI: 10.15405/epsbs.2020.04.02.32).

Grominová A. Obzor russkikh literaturnykh pamyatnikov XI-XVII vekov. Brno: Tribun EU, 2016.

©Бекасова Е.Н., 2021

Бекасова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка. Оренбургский государственный педагогический институт им. В.П. Чкалова (Оренбург, Россия)

Адрес: 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19. E-mail: bekasova@mail.ru

Bekasova Elena Nikolaevna – Doctor of Philology, Professor of the Russian Language Department. Orenburg State Pedagogical Institute. V.P. Chkalova (Orenburg, Russia)

И. А. ВАУЛИНА, В. А. КУРЧАНИНА

г. Екатеринбург, Россия

phonosemant@mail.ru

vikakurcha@yandex.ru

УДК 81'23:821.161.1-32(Сапгир Г. В.)

DOI10.26170/2306-7462_2021_02_09

ФОНОСЕМАНТЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: МЕТОДИКА ЗАПОЛНЕНИЯ ТЕКСТОВЫХ ЛАКУН

Аннотация. Статья посвящена психолингвистическому исследованию фоносемантов (звукоподражаний) в творчестве Г. Сапгира. В качестве материала для анализа привлекается миниатюра «Египетские ночи», представляющая интерес с точки зрения художественной организации. Звукоподражания в произведении играют ведущую, сюжетообразующую роль. Эксперимент проводился по методу вероятностного прогнозирования, с использованием методики заполнения текстовых лакун, которая позволяет верифицировать считывание смысловой нагрузки звукоподражательных лексем в тексте. Проведенный эксперимент позволил выявить ведущие стратегии заполнения текстовых лакун респондентами, в том числе пошаговую и гештальтную, и зависимость успешности восстановления текста от выбранной стратегии. Установлено, что при восстановлении текста испытуемые опирались на следующие факторы: ближайший контекст, смысл текста в целом, личностное, эмоциональное восприятие информации. Результаты исследования могут быть использованы в школьной и вузовской практике преподавания русского языка и литературы.

Ключевые слова: языковое сознание; психолингвистические эксперименты; психолингвистика; художественный дискурс; художественные тексты; русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; миниатюры; методика заполнения; текстовые лакуны.

VAULINA IRINA A.

KURCHANINA VERONIKA A.

Ekaterinburg, Russia

PHONOSEMANTS IN ARTISTIC TEXT: TECHNIQUE OF FILLING TEXT LACONES

Abstract. The article is devoted to the psycholinguistic research of phonosemants (onomatopoeia) in the works of G. Sapgir. As a material for the analysis, the miniature "Egyptian Nights" is used, which is of interest from the point of view of artistic organization. Onomatopoeia in a work plays a leading, plot-forming role. The experiment was carried out by the method of probabilistic forecasting, using the method of filling text gaps, which allows you to verify the reading of the semantic load of onomatopoeic lexemes in the text. The experiment made it possible to identify the leading strategies for filling text gaps by respondents, including step-by-step and gestalt, and the dependence of the success of text recovery on the chosen strategy. It was found that when restoring the text, the subjects relied on the following factors: the immediate context, the meaning of the text as a whole, personal, emotional perception of information. The research results can be used in school and university practice of teaching Russian language and literature.

Keywords: linguistic consciousness; psycholinguistic experiments; psycholinguistics; artistic discourse; literary texts; Russian writers; literary creativity; literary genres; miniatures; filling technique; text gaps.

Г. Сапгир, как и многие современные поэты, активно обращается в своем творчестве к ресурсам звукоизобразительности. Особый интерес в данном ключе представляет один из излюбленных художественных приемов поэта, когда звуки и звукокомплексы в произведениях не только приобретают самостоятельную значимость, но и играют смыслообразующую роль.

В качестве яркой, специфической особенности функционирования звукоподражаний в творчестве Г. Сапгира считаем возможным отметить их использование не только и не столько для обозначения звука, сколько в качестве неких «знаков» определенных событий, ситуаций или эмоциональных состояний. Вся ткань художественного текста строится на звукоподражаниях.

Данный прием часто встречается в стихотворениях и в драматических произведениях (авторских ремарках) Г. Сапгира. Примером может быть миниатюра «Египетские ночи»:

Шуршание роскошных одежд пирующих. Чавканье пожирающих яства. Хруст жаренной фазаньей ножки, легкий шелест сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг звяканье римского меча. Навстречу – презрительный шепот царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который царапает по горлу. Хо-

роший шмяк – и покатилося по ступеням мертвое тело. Шелестят волны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова – шум пира на мраморной террасе, открытой к морю.

Происходящее описывается в тексте исключительно через звукообразы: читатель не видит происходящего и о смене событий «догадывается», вслушиваясь в звуки, которые детализированы до мельчайших подробностей: *хруст жаренной фазаньей ножки, легкий шелест сдираемой кожуры апельсина и банана, презрительный шепот, хороший шмяк*. Использование звукоподражаний способствует наполнению картины чувственной конкретикой. Текст состоит преимущественно из номинативных предложений, в основе которых – звукоподражательные существительные. Такая композиция способствует имитации динамики сменяющихся друг друга «звуковых событий». Распространяется предложение второстепенными членами – конкретизаторами, указывающими на источник звука, или определениями, описывающими его оттенки. Ономатопы участвуют в построении аллитераций и ассонансов, «притягивают» к себе определенный звуковой ряд: шуршание роскошных одежд пирующих. «Шум» и «шуршание» в данном случае должны не только имитировать звуки, но и передавать эмоции, характер героев. Звукоподражания, таким образом, не просто имитируют акустические явления, но и выступают знаками происходящих событий и маркерами эмоциональных состояний героев.

В свете сказанного представляет интерес выявление «считываемости» данного приема читателями.

С этой целью нами был проведен психолингвистический эксперимент по методу вероятностного прогнозирования, с использованием методики заполнения текстовых лакун, которая «выявляет глубину (уровень) понимания адресатом авторской интенции (считывания заданных аспектов текстовой информации)» [Гридина, Коновалова 2020: 104].

Экспериментальная процедура заключалась в следующем. Из представленного на экране текста были исключены звукоподражательные лексемы. Респондентам предлагалось заполнить лакуны, которые были обозначены чертой на месте пропусков.

В исследовании приняли участие студенты УрГПУ (всего 52 человека, девушки и юноши в возрасте от 19 до 25 лет).

Гипотеза состояла в том, что в процессе заполнения текстовых лакун испытуемые могут опираться на ближайший контекст (который подразумевает типовую синтагматику, стилистическую и эмоционально-оценочную маркированность ближайшего лексического окружения и др.) или на общую идею, общий смысл текста. Вслед за Т.А. Гридиной здесь и далее обозначенные стратегии будем называть *пошаговой* и *гештальтной* [Gridina 2020: 103-107]. При этом именно гештальтная стратегия, на наш взгляд, будет способствовать наиболее точному восстановлению текста.

В соответствии с задачей исследования и поставленной гипотезой обработка экспериментальных данных строилась по следующему принципу. Ответы респондентов делились на группы: 1) точные совпадения с исходным словом, 2) синонимы и семантические парафазии (к данной группе были отнесены синонимы со звуковым денотатом и звукоподражательные лексемы, что соответствует художественному замыслу автора); 3) неадекватные по смыслу замены (к данной группе нами были отнесены лексемы, не являющиеся звукоподражательными и не содержащие в своей смысловой структуре семы «звук»).

Обработка экспериментальных данных включала в себя количественный и качественный анализ. На этапе количественного анализа осуществлялся подсчет, во-первых, реакций всех трех групп, во-вторых, процентного соотношения испытуемых, считавших и не считавших авторскую интенцию.

Качественный анализ предполагал выявление ведущих стратегий заполнения текстовых лакун, а также факторов, оказывающих воздействие на испытуемых в процессе выполнения задания.

Проиллюстрируем указанные этапы анализа. Цифрой обозначено общее количество реакций по каждому пункту.

Шуршание роскошных одежд пирующих:

– совпадение с исходным словом текста – 1;

– синоним (семантические парафазии) – 7, в т.ч. *шелест* (4), *шорох* (2), *звуки*;

– неадекватные по смыслу замены – 44, в т.ч. *много (5), десять (4), красота (3), множество (3), вид (2), несколько (2), пять, восемь, куча, обилие, шарм, блеск, торжество, многообразие, магазин, зал и др.*

В числе наиболее частотных парафазий – существительные шелест и шорох, что обусловлено, вероятно, фоносемантическим контекстом предложения, построенного на аллитерации шипящих согласных. Среди неадекватных реакций преобладает группа количественных слов, что некоторым образом противоречит грамматической норме русского языка.

Чавканье пожирателей яства:

– совпадение с исходным словом текста – 8;
 – синоним (семантические парафазии) – 1, *крики*;
 – неадекватные по смыслу замены – 40, в т.ч. *жадно (6), людей (2), увлеченно, неумолимо, спешно, дико, яро, тайком, со вкусом, жертв, существ, стервятников, старцев, насекомых, свиней, множество, сотни, куча, тысячи, иногда, речи и др.*

В данном случае точных совпадений больше, поскольку стимул в контексте поддерживается стилистически сниженной, тематически связанной с ним лексемой *пожирателей*. Большинство испытуемых предложение было воспринято как парцелированная конструкция.

Хруст жареной фазаньей ножки:

– совпадение с исходным словом текста – 3;
 – синоним (семантические парафазии) – 1, *треск*;
 – неадекватные по смыслу замены – 46, в т.ч. *запах (12), аромат (6), вкус (6), сочной (2), цвет, кусок, кусочки, кусочек, куски, остатки, не хватает, сочность, словно, долго, тарелка, отрывают, жир.*

Легкий шелест сдираемой кожуры апельсина и банана:

– совпадение с исходным словом текста – 5;
 – синоним (семантические парафазии) – 14, в т.ч. *треск (4), шорох (3), звук (2), хруст (2), звучок, шум, скрип*. Среди парафазий представлены звукоподражательные лексемы, конкретизирующие характер обозначаемого звука.

– неадекватные по смыслу замены – 30, в т.ч. *аромат (10), запах (7), брызг (2), душок, привкус, слой, жест, шлейф*.

Вдруг звяканье римского меча:

- совпадение с исходным словом текста – 0;
- синоним (семантические парафазии) – 26, в т.ч. *звон (16), лязг (4), звук (2), скрежет (2), звон и визг, треск;*
- неадекватные по смыслу замены – 26, в т.ч. *блеск (7), удар (2), образ (2), взмах (2), движение, отблеск, огромного, исполнилась, кончик.*

Навстречу – презрительный шепот царицы:

- совпадение с исходным словом текста – 0;
- синоним (семантические парафазии) – 10, в т.ч. *крик (2), окрик (2), смех (2), возглас, плач, хохот, вздох;*
- неадекватные по смыслу замены – 33, в т.ч. *взгляд (28), раб (2), легкомысленной, хмурой, лик.*

Решающую роль при заполнении лакуны сыграла типовая синтагматика: презрительный взгляд.

Звук, который царапает по горлу:

- совпадение с исходным словом текста – 0;
- синоним (семантические парафазии) – 5, в т.ч. *скребет (3), скрежещет, хрустит;*
- неадекватные по смыслу замены – 45, в т.ч. *режет (7), бьет (4), прошелся (2), стекает (2), скользит (2), дерёт, пробежал, лился, разливается, скользнул, острием прокатился, скатился, ползет, ножом щекочет, пронёсся, дрожит, отражается, бил, ударил, ударяет.*

Хороший шмяк – и покатило по ступеням мертвое тело:

- совпадение с исходным словом текста – 0;
- синоним (семантические парафазии) – 3, в т.ч. *звук (2), грохот;*
- неадекватные по смыслу замены – 38, в т.ч. *удар (24), выстрел (2), взмах (2), меч (2), ответ, рисунок, нож, выпад, плохой.*

Отсутствие точных совпадений обусловлено, вероятно, экспрессивно-стилистической окраской междометия *шмяк* (в словаре дано с пометой *просторечное*, имеет шутливый, иронический оттенок), с которой связана его некоторая неуместность относительно источника звучания – падения мертвого тела.

Шелестят волны, набегая на песок, где простерт старый воин:

- совпадение с исходным словом текста – 0;

– синоним (семантические парафазии) – 9, в т.ч. *шумят* (5), *плещут* (2), *плещутся*, *шумели*;

– неадекватные по смыслу замены – 41, в т.ч. *плеск* (3), *шум* (3), *морские* (2), *шумные* (2), *кровавые* (2), *бьют* (2), *бушуют* (2), *унылые*, *кудрявые*, *кровавые*, *журчащие*, *багровые*, *голубые*, *огромные*, *мчатся*, *ласкают*, *пенятся*, *плачут*, *катились*, *разливаются*, *сила*, *прибой*.

Снова – **шум** *пира на мраморной террасе, открытой к морю*:

– совпадение с исходным словом текста – 4;

– синоним (семантические парафазии) – 10, в т.ч. *звуки* (4), *гомон* (2), *отзвук*, *музыка*, *возгласы*, *гул*;

– неадекватные по смыслу замены – 35, в т.ч. *картина* (2), *буйство* (2), *атмосфера*, *вид*, *зарисовка*, *сцена*, *роскошь*, *продолжение*, *гулянье*, *обыденность*, *ожидание*, *обычай*, *час*, *время*, *вечер*, *ждёт*, *куча*, *много*, *обилие*, *накатывает*, *разлив*.

Таким образом, во всех случаях наблюдается абсолютное преобладание не адекватных замыслу автора замен. Предполагаем, что это может быть обусловлено следующими причинами: 1) сложность для восприятия самого текста, рассчитанного, главным образом, на элитарного читателя; 2) ведущая стратегия заполнения текстовых лакун – пошаговая – предполагает учет ближайшего контекста и невидение текста целиком, в его смысловой и художественной целостности.

При заполнении лакун испытуемые опирались на следующие факторы: ближайший контекст, смысл текста в целом (при этом использование гештальтной стратегии способствовало более успешному восстановлению текста с точки зрения считывания авторского замысла), личностное, эмоциональное восприятие информации (*не хватает жареной фазаньей ножки, хочется пира на мраморной террасе*).

Отсутствие точных попаданий зафиксировано в предложениях: *Воруж **звяканье** римского меча*; *Навстречу – презрительный **шепот** царицы* (ср. влияние устойчивой синтагматики презрительный взгляд); ***Шелестят** волны, набегая на песок, где простерт старый воин* (как свидетельствуют словари, сочетание *шелестят волны* не является типичным); *Звук, который **цара-***

падет по горлу; Хороший шмяк – и покатилося по ступеням мертвое тело.

Самая широкая вариативность отмечается при заполнении лакун, например, *легкий шелест сдираемой кожуры апельсина и банана*, респондентами предложена богатая парадигма оттенков звучаний: *треск (4), шорох (3), хруст (2), скрип* и др.

Следует отметить такое явление, как неучет грамматической нормы, когда вставленные лексемы нарушают структуру предложения, лишая его смысла. В частности, в текстах встречаются предложения следующего типа: *Слегка жаренной фазаньей ножки, легкий шелест сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг огромного римского меча. Навстречу – презрительный легкомысленной царицы.* Такие сбои, обусловлены, вероятно, опорой только на ближайшую сочетаемость. Частотны и случаи нарушений лексической сочетаемости: *Снова – куча пира на мраморной террасе, открытой к морю.*

В целом 20% (10 из 52 человек) респондентов успешно считали художественный прием, являющийся структурообразующим в данном фрагменте текста. К ситуациям «считывания» авторской интенции мы относили не только точные совпадения с авторским вариантом, но и использование близких по смыслу звукоподражаний или слов с семантикой звучания.

Приведем примеры таких текстов.

1. *Шелест роскошных одежд пирующих. Чавканье пожирающих яства. Хруст жаренной фазаньей ножки, легкий шум сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг лягз римского меча. Навстречу – презрительный вздох царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который режет по горлу. Хороший грохот – и покатилося по ступеням мертвое тело. Плещут волны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова – гул пира на мраморной террасе, открытой к морю. И так до трех раз.*

2. *Шорох роскошных одежд пирующих. Чавканье пожирающих яства. Треск жаренной фазаньей ножки, легкий хруст сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг звон римского меча. Навстречу – презрительный хохот царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который скрежещет по горлу. Хороший удар – и покатилося по ступеням мертвое тело. Шумят вол-*

ны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова **звуки** пира на мраморной террасе, открытой к морю. И так до трех раз.

Пример текста, иллюстрирующего несчитывание авторской интенции

Парад роскошных одежд пирующих. **Веселье** пожирающих яства. **Вкус** жаренной фазаньей ножки, легкий **аромат** сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг **острие** римского меча. Навстречу – презрительный **взгляд** царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который **растекается** по горлу. Хороший **удар** – и покатилося по ступеням мертвое тело. **Мчатся** волны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова – **картина** пира на мраморной террасе, открытой к морю. И так до трех раз.

Кроме того, на заполнение текстовых лакун оказывают влияние такие особенности личности респондентов, как доминирующее полушарие и ведущая модальность восприятия (подробнее см. [Коновалова 2015]). Мы предполагаем, что испытуемые, наиболее успешно восстановившие текст, являются правополушарниками, поскольку использовали гештальтную стратегию заполнения лакун и воспринимали текст как единое художественное целое.

Текст, восстановленный визуалом:

Красота роскошных одежд пирующих. **Очертания** пожирающих яства. **Блеск** жаренной фазаньей ножки, легкий **аромат** сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг **мелькание** римского меча. Навстречу – презрительный **взгляд** царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который **растекается** по горлу. Хороший **взмах** – и покатилося по ступеням мертвое тело. **Пенятся** волны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова – **картина** пира на мраморной террасе, открытой к морю. И так до трех раз.

Текст, восстановленный кинестетом:

Шарм роскошных одежд пирующих. **Дикость** пожирающих яства. **Запах** жаренной фазаньей ножки, легкий **аромат** сдираемой кожуры апельсина и банана. Вдруг **взмах** римского меча. Навстречу – презрительный **жест** царицы. Общее молчание. Пауза. Звук, который **бьёт** по горлу. Хороший **удар** – и по-

катилось по ступеням мертвое тело. Мчатся волны, набегая на песок, где простерт старый воин. Снова – атмосфера пира на мраморной террасе, открытой к морю. И так до трех раз.

На наш взгляд, заслуживает внимания комментарий одного из респондентов после выполнения экспериментального задания: *P.S.: А вообще, конечно, очень «звучащая» картина. Сейчас только поняла, что вместо аромата мог быть хруст, вместо взгляда – крик, вместо катились – шелест или что-то такое. Но написала первые слова, на ум пришедшие.* Ход мысли автора указывает на то, что лакуны заполнялись по мере прочтения текста, и, после того, как текст был прочитан целиком, изображаемая в нем картина открылась перед читателем в новом свете.

Литература

- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. СПб., 1982.
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И.* Методы психолингвистических исследований: теория, практикум, тренинги. Учебное пособие. Екатеринбург, 2020.
- Зубова Л. В.* Языки современной поэзии. М., 2010.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 2008.
- Коновалова Н. И.* Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург, 2015. 121 с.
- Пробштейн Я.* Московские мифы // Великий Генрих. Сапгир о Сапгире. М., 2003.
- Сапгир Кира.* Звездная карусель Генриха Сапгира [Электронный ресурс], 2008. Режим доступа: <http://booknik.ru/today/all/zvezdnaaya-karusel-genriha-sapgira/>.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой.* М., 1999.
- Шляхова С. С.* Типы и функции оноματοпов в русской речи: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. Л., 1991.
- Шраер М. Д., Шраер-Петров Д. П.* Генрих Сапгир. Классик авангарда. – СПб., 2004.
- Gridina T. A.* Text generation strategies for the future of digitalization of experimental data // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). 2020. P. 103-107.

REFERENCES

- Voronin S.V. Osnovy fonosemantiki. – SPb., 1982.

Gridina T.A., Konovalova N.I. *Metody psikholingvистических issledovaniy: teoriya, praktikum, treningi. Uchebnoye posobiye.* Yekaterinburg, 2020.

Zubova L.V. *Yazyki sovremennoy poezii.* M., 2010.

Kozhina M.N. *Stilistika russkogo yazyka.* M., 2008.

Konovalova N.I. *Psikhodiagnostika rechevoy sposobnosti.* Yekaterinburg, 2015. 121 s.

Probshteyn YA. *Moskovskiye mify // Velikiy Genrikh. Sapgir o Sapgire.* M., 2003.

Sapgir Kira. *Zvezdnaya karusel' Genrikha Sapgira [Elektronnyy resurs], 2008. Rezhim dostupa: <http://booknik.ru/today/all/zvezdnaya-karusel-genriha-sapgira/>.*

Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. / Pod red. A. P. Yevgen'yevoy. M., 1999.

Shlyakhova S.S. *Tipy i funktsii onomatopov v russkoy rechi: dis. kand. filol. nauk: 10.02.01. L., 1991.*

Shrayer M.D., Shrayer-Petrov D.P. *Genrikh Sapgir. Klassik avangarda.* SPb., 2004.

Gridina T.A. *Text generation strategies for the future of digitalization of experimental data // Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Proceedings of the International Scientific Conference "Digitalization of Education: History, Trends and Prospects" (DETP 2020).* 2020. P. 103-107.

©Ваулина И.А., 2021

©Курчанина В.А., 2021

Ваулина Ирина Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: phonosemant@mail.ru

Vaulina Irina Aleksandrovna – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Курчанина Вероника Александровна – студент. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: vikakurcha@yandex.ru

Kurchanina Veronika Aleksandrovna – Student. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

А. Я. ДУДИНА

г. Екатеринбург, Россия

dudina-99@mail.ru

УДК 81'23

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_10

ТРЕНИНГ ВЕРБАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ «МЕТАФОРА»: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье рассматривается психолингвистический тренинг вербальной креативности: комплексные задания, направленные на изучение механизма метафоризации и на отработку умений продуцирования респондентами собственных метафор. Представлены итоги апробации данного тренинга с учащимися старшего школьного звена и студентами-филологами. Экспериментально диагностируется рефлексия над ассоциативным наполнением метафор, извлеченных из бардовской поэзии О. Митяева. С помощью специальной технологии стимулируется способность к созданию обучаемыми собственных метафор, стимулирующих развитие таких параметров вербальной креативности, как гибкость и оригинальность.

Ключевые слова: метафоры; психолингвистика; психолингвистические тренинги; тренинги вербальной креативности; вербальная креативность; экспериментальные технологии.

DUDINA ANASTASIYA YA.

Ekaterinburg, Russia

Training of verbal creativity "Metaphor": experimental data

Abstract. The article deals with the psycholinguistic training of verbal creativity: complex tasks aimed at studying the mechanism of metaphorization and at developing the skills of producing respondents' own metaphors. The results of testing this training with high school students and students of the Faculty of Philology are presented. We experimentally diagnose the reflection on the associative content of metaphors extracted from the bard poetry of O. Mityaev. With the help of a special technology, the ability of students to create their own metaphors is stimulated, which contributes to the development of such parameters of verbal creativity as flexibility and originality.

Keywords: metaphors; psycholinguistics; psycholinguistic trainings; verbal creativity trainings; verbal creativity; experimental technologies.

В современном языковом образовании целью обучения ставится выработка нестандартного, творческого мышления. Основопологающим при этом является постулат о том, что формирование языковой личности, способной к успешной самореализации в разных коммуникативных практиках, не ограничивается только формальным знанием «языкового канона» [Гридина, Коновалова 2017: 80]. Соответственно встает вопрос о внедрении в школьное и вузовское образование специальных методов, позволяющих развивать разные виды вербальной креативности, в частности, ее рецептивную и продуктивную составляющие. В психолингвистической парадигме, обращенной к исследованию процессов языкового сознания, явление креативности рассматривается прежде всего как «способность ... носителей языка к обновлению и расширению номинативного и коммуникативного регистров речевой деятельности» [Гридина 2018: 14], выступая в виде компенсаторной («восполнение языкового дефицита») и / или осознанной интенции к «ломке ассоциативных стереотипов употребления или порождения языковых знаков в регистре языковой игры» [Гридина 2014]. См. также психологические и лингвистические работы, посвященные исследованию природы и диагностике разных видов креативности и критериев их выделения (классические тесты Е. Торренса [Тоугансе 1963; 1972] и Дж. Гилфорда [Гилфорд 1965], Х. К.Трика [Трик 1981] и современные подходы к анализу феномена креативности и особенностей лингвокреативного мышления [Богоявленская 1983, 2004; Дорфман 2002, 2005; Серебренников 1988] и др.

Исследователи детской речи отмечают, что проявления спонтанной (в основном компенсаторной) вербальной креативности, характерные для ребенка-дошкольника, резко снижаются в школьном онтогенезе. Наблюдается снижение показателей креативности и в старшем школьном возрасте, когда, казалось бы, уже сформированы разные виды лингвистической компетенции учащихся. Основной причиной такого «регресса» креативности является «диктат» нормы (см. [Гридина 2018 (а): 64-69]), нару-

шение которой воспринимается как недопустимое в практике применения освоенных правил. Осознанное нарушение нормы как способность «... к ломке и переключению ассоциативных стереотипов, созданию нового речевого продукта» посредством переосмысления предыдущего языкового опыта [Гридина 2014: 30; Gridina 2015] проявляется в условиях креативной среды, когда возникающая у говорящего номинативная или коммуникативная задача не может быть решена обычными (традиционными) лингвистическими средствами.

Проблема развития лингвокреативности требует внедрения в практику школьного образования специальных тренингов, стимулирующих творческую активность учащихся в соответствии с такими параметрами креативности, как беглость, гибкость и оригинальность. Первый критерий характеризует скорость речемыслительных процессов, второй критерий – способность к выдвижению разнообразных идей, третий – способность к выдвижению и воплощению нестандартной идеи.

Учитывая тот факт, что лингвокреативное мышление основано на ассоциативных механизмах, в том числе на установлении образных аналогий, считаем актуальным для организации таких тренингов обращение к процессам восприятия и продуцирования метафоры.

Метафора, являясь транслятором образного восприятия, предполагает декодирование лежащей в ее основе ассоциативной связи между сближаемыми явлениями, что требует от адресата «...известных лингвокреативных усилий» [Гридина, Душина 2014: 36].

Методом, способствующим повышению уровня вербальной креативности учащихся, может стать тренинг, направленный как на декодирование авторских поэтических метафор, так и на продуцирование «...образных аналогий с помощью технологии метафорического конструирования» [Гридина 2018 (6): 21]. Иначе говоря, тренинг предполагает, с одной стороны, процедуру считывания ассоциативного контекста метафоры, с другой стороны, создание метафор определенного тематического регистра.

В данной статье предлагается вариант такого тренинга для старшеклассников и студентов в виде системы заданий, нацеленных на раскрытие сущности метафоры, анализ ее образной структуры и ассоциативного наполнения в художественном тексте, отработку способности к порождению участниками тренинга собственных метафор.

В тренинге приняли участие ученики 11 класса МАОУ СОШ №32 и студенты 4-го курса филологического факультета УрГПУ. Такой состав респондентов должен был продемонстрировать различия в осознании ассоциативного контекста и владении техникой метафорической номинации разновозрастными группами (с учетом влияния профессиональной ориентации второй группы на уровень сформированности лингвокреативных способностей). Предполагалось при этом, что процесс считывания и продуцирования метафор должен проявлять осознание глубины образных авторских аналогий в свете ментальных доминант языкового сознания респондентов (см. об этом [Гридина, Коновалова 2019; Гридина, Коновалова 2020]).

В качестве стимульного материала на первом этапе тренинга, связанного с продуцированием метафор, были взяты слова, часто подвергаемые образному осмыслению в поэзии; на втором этапе тренинга, связанном с восприятием, считыванием метафорических смыслов были взяты образные номинации, представленные в бардовской поэзии Олега Митяева. Предварительный анализ показал, что его метафоры характеризуются полимодальным (кинестетическим, визуальным, аудиальным) ассоциативным наполнением, задающим потенциальную перспективу разнонаправленной интерпретации – как в русле авторского замысла, так и в аспекте собственной лингвокреативной проекции респондентов.

Рассмотрим задания тренинга с приведением наиболее репрезентативных ответов каждой группы реципиентов в заданиях на продуцирование и восприятие метафоры (с учетом наиболее частотных объектов метафоризации, встречающихся в поэтических текстах, в том числе в творчестве О. Митяева).

1 задание «Поэтическая метафора» было нацелено на понимание выразительной функции метафоры в тексте, в котором

расширение смыслового объема слова происходит за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств.

Инструкция для респондентов обеих групп формулировалась следующим образом: «Представьте, что вы поэты, задумавшие написать стихотворение о природе; придумайте метафоры для образной характеристики таких явлений, как *дождь*, *небо*, *звезда*».

Выполнение этого задания проявило опору респондентов как на стереотипизированные, так и на оригинальные метафорические образы.

Ср. приведенные респондентами ассоциативные аналогии:

дождь – слёзы неба/ природы/ облаков – ожидаемое (типовое) антропоморфное сравнение дождя с плачем человека (в основном данные метафорические аналогии использованы старшеклассниками). Студенты на данный стимул, помимо подобных названным (*небесные слёзы*, *слезинки облаков*, *слёзы природы*), предложили артефактные визуально-кинестетические метафоры: *небесные нити*, *серебряные нити* – воспринята семантика «связанности» неба и земли, тонкие струи дождя уподоблены нитям, пронизывающим землю и напитывающим ее небесной влагой. Не исключено, что данная метафора – трансляция строки «...И дождей грибных серебряные нити...» из известной песни, исполнявшейся Аллой Пугачевой. Но сам факт использования прецедента, предполагая актуализацию культурного фона, уже есть проявление креативности;

небо воспринято старшеклассниками как *покрывало земли*, *голубое полотно/ одеяло* – актуализирована кинестетическая семантика окутывания небом земли; *купол земли*, *крыша мира*, *бесконечный потолок*. Приведенные визуально-кинестетические метафоры строятся на основе аналогии «мир – дом (земля – пол, небо – потолок)». Студенты-филологи, кроме частотной аналогии неба с потолком, покрывалом, предложили следующие варианты: *голубая скатерть*, *забытая в белизне при стирке* – визуальная аналогия между небом с белыми неровными облаками и голубой скатертью с белыми выцветшими пятнами; *воздушный океан* – визуально-кинестетическое восприятие образа, *кла-*

доява солнца – филологическая аллюзия на одноименное произведение М. М. Пришвина;

звезда большинством респондентов-школьников была названа *небесным фонарем, космической лампочкой* – артефактная ассоциация по сходству точечного свечения в полной темноте; единичный зооморфный визуальный образ – *космический светлячок*. Студенты использовали антропоморфную аналогию с глазами человека – *глаза неба*. Ср. неординарную образную аналогию: звезда – *дырочка в шали матушки Вселенной*, где актуализирован тот же мотив, что и в метафоре небо – покрывало, конкретизированный при помощи более «теплого», антропоморфного образа шали, укутывающей Вселенную на ночь, а звезда – дырочка – нечто, несущее свет, прорывающийся сквозь тьму.

2 задание «Создаем метафору» направлено на развитие способности к образной номинации в контексте (переключение восприятия смысла слова на основе нестандартной сочетаемости и образной перекодировки: диагностика креативности по критерию «семантической гибкости»). Предлагаемая инструкция: «Придумайте такой контекст, чтобы существительные в прямом значении (молоко, шепот, кудри) превратились в метафоры».

Полученные от школьников контексты проявляют стереотипы создания натуроморфных метафор на базе заданных слов-стимулов:

шепот природы/ леса/ ветра/ воды/ ночи – аудиальная характеристика прямого значения фоносеманта (звукоподражательного слова) приписывается явлениям природы;

кудри деревьев/ берез – самый частотный ответ, метафорический образ на основе визуальной антропоморфной аналогии. Ср. *кудри волн/ ветра* – по сходству формы волны, завихрений воды и воздуха с завитками волос. Ср. единичные контексты: *молоко тумана, молоко пелены* – нестандартная сочетаемость слов порождает визуально-кинестетические метафоры – по сходству непрозрачности густого, белого, как молоко, воздуха. Студенты к вышеназванным метафорам добавили следующие варианты: *кудри мыслей, шепот сердца* – метафорически харак-

теризуется ментальный (особенности изощенного ума) и чувственный внутренний мир человека.

В целом можно констатировать, что способность к порождению метафор проявляется на этом этапе тренинга как ассоциативный механизм сближения слов разных тематических сфер, большое влияние на установление аналогий оказывают образные стереотипы, хотя есть и оригинальные «находки» (ср. *кудри мыслей*, *шаль матушки Вселенной* и др.). Прецедентные метафоры, спорадически используемые в основном филологами, несут в себе потенциальный заряд оригинальности – при нарушении автоматизма их восприятия (что на данном этапе тренинга не было проявлено).

По завершении данного этапа проводилось сопоставление полученных от респондентов образных номинаций с метафорой из песен О. Митяева: «С ложбин **тумана молоко** / Спокойно выпьет утро» (1); «...А плыть под **шепот дождика**» (2); «Самолет ... **кудри туч аэродрому**» (3). Респонденты должны были почувствовать, как расширение контекста дополняет глубины и оригинальности метафорическому образу. Это свойственное О. Митяеву объединение в одном ряду натуроморфных и антропоморфных метафор (пример 1), передача эмоционального состояния, растворение в звуках природы (пример 2), передача интенсивности движения в визуальном образе (пример 3).

3 задание «Метафора и сравнение» предполагало стимулирование респондентов к развертыванию номинативной метафоры в образное сравнение: с учетом имеющихся (полученных из школьного курса) теоретических сведений респондентам предлагалось определить разницу между сравнением и метафорой. Отрабатывалось умение выявлять признак, положенный в основу сравнения, и скрытую образную аналогию, лежащую в основе метафоры.

1 блок предполагал «развертывание» контекста трех метафор из поэзии барда О. Митяева в сравнение (определение, сопоставление каких объектов скрыто, выявление признака сравнения).

Стимул (1): «...Сквозь немую ярмарку сорвавшейся листвы». Все участники выделили объекты сравнения – *ярмарка* и *листо-*

над, но большинство школьников отметило только визуальную основу аналогии – яркость, красочность осенних листьев и товаров на ярмарке. Студенты же показали более высокий уровень восприятия ассоциативного контекста данной метафоры, отметив визуально-аудиально-кинестетическое сходство в кружении, шуме, яркости листопада и ярмарки, в одной реакции был считан важный компонент «немая»: *«ярмарка немая из-за того, что люди начали ее покидать, так же, как осенью все уходят в спячку»*. Заметим, что интерпретация символики словосочетания *немая ярмарка сорвавшейся листвы* раскрывается только в более широком контексте: *И скользят артерии рябин по холоду сквозь немую ярмарку сорвавшейся листвы* – вид из окна поезда, мелькающие красные гроздья рябин на оголенных ветвях на фоне «немой ярмарки» разноцветной листвы, подхватываемой порывами ветра, еще кружащейся в воздухе, но обреченной упасть на землю (мотив уходящей красоты природы и бренности человеческой жизни).

Стимул (2): *«Поплывет из серой тишины / Пеной на пожарище травы, / Запорошит отраженья рек / Снег»*. Данный стимул был считан в рамках образной аналогии большинством респондентов: сравнение пожара и травы по сходству ярких красно-желтых цветов. Некоторые студенты опирались не только на обозначенную метафору, но и на предложенный контекст: как оранжевый пожар тушат водой, так и оранжевую осеннюю листву «тушит» снег (момент смены времён года); воспринята семантика «выгорания»: остатки разных цветов, что-то уже отжившее своё (облетевшая листва и пожелтевшая трава напоминают пожарище).

Стимул (3): *«С ложбин тумана молоко / Спокойно выьет утро»*. Старшеклассники интерпретировали данную метафору как аналогию между туманом и молоком из-за их сходства по белому цвету и густой консистенции. Старшая группа отметила важный кинестетический компонент «рассеивания» обволакивающего тумана и молока: молоко часто пьют утром на завтрак, туман – предутреннее явление; так, утро как бы завтракает туманом; туман рассеивается постепенно, будто убывает с каждым глотком из стакана белый напиток – считана

антропоморфная ассоциация.

2 блок данного этапа тренинга представляет собой обратный механизм создания респондентами собственных метафор на основе преобразования в них предложенных сравнений. Это задание потребовало от школьников гораздо больших временных затрат, чем предыдущие.

Стимул (1): *Акварельные краски красные, с переливами, как и восход.* Большинство старшеклассников при выполнении задания были представлены визуальные метафоры, например: *акварель восхода, краски утра*; тремя респондентами, вдобавок к визуальной, была актуализирована и кинестетическая семантика: акварелью **написанный** восход, алый свет **течет по небу**, краски **разлиты** по небу – считана аналогия с процессом рисования на небе, как на холсте. Студенты использовали антропоморфную аналогию природного явления с художником: **восход нарисовал** прекрасную картину, **небесный солнечный художник** рисует восход.

Стимул (2): *Звон острый, режущий, как осколок.* Самый частотный аудиальный образ на основе этого описания у школьников – *осколок звона*. Филологи предложили развернутые метафоры: *острый и режущий звон осколка по сердцу; звон режет душу* – акцент сделан на кинестетическом компоненте: ассоциативной аналогии физического (акустического ощущения) и душевной раны.

Стимул (3): *Ход времени постепенный, равномерный, как игра на шарманке.*

Старшеклассники в своих метафорах реализовали аудиально-кинестетические ассоциации: *игра / мелодия времени*. Филологи предложили следующие реакции: *жизнь крутит рукоять шарманки; шаманит шарманка над жизнью людской; шарманка жизни, ты играй подольше* – воспринята визуально-кинестетическая антропоморфная аналогия цикличности жизни, считана ассоциация с временем, руководящим судьбами людей.

После выполнения заданий второго блока полученные метафоры сравнивались с образами из бардовской поэзии О. Г. Митяева: *«Акварелью восхода в цвет крови» (1), «Струна осколком эха пронзит тугую высь» (2), «А время крутит*

старую шарманку» (3).

4 задание «Метафорические равенства» раскрывает суть механизма метафоризации. Инструкция для респондентов: «Перед вами поэтическая «формула». Метафора основана на сопоставлении объектов (слагаемых) по общему признаку (множителю), но нужно добавить ассоциативный контекст, чтобы создать метафору, соответствующую авторскому замыслу». Предлагалось составить равенство с метафорой О. Митяева *«И зашагаю я без надежд, / В лужах ломаю хрусталь. / И ничего не поделаешь, / Как бы мне не было жаль»*.

Школьная группа точно определила общий признак, сравниваемые объекты: ломкость/ хрупкость/ тонкий X (лед на луже + хрусталь). Ассоциативное наполнение данной метафоры было определено следующим образом: ощущение безнадежности поэта/ опустошенность/ разбитые надежды/ хрупкие чувства человека разбиты, их не вернуть, как не склеить расколовшийся хрусталь. Вторая группа респондентов представила более развернутый глубокий ассоциативный контекст: *разбитое сердце так же сложно восстановить, как хрусталь; стихотворение пронизано грустью об ушедшем, которое рассыпалось, как хрусталь, и восстановлению не подлежит; стихотворение наполнено переживаниями поэта, который, не зная, что ждет его впереди, идет по грани, по хрупкому льду, оставив все надежды и сожаления позади, боясь оступиться, но он все равно продолжает идти, потому что знает, что здесь ему больше нет места, а там, в будущем, его обязательно что-то ждет.*

Задание 5 «Увидеть звук» развивает ассоциативное мышление. Перед выполнением задания был просмотрен м/ф «Морожены песни» [<https://www.youtube.com/watch?v=bWrxWnlYAk8>], где показаны морозные узоры, в которые превращаются песни девушек. Респондентам в качестве стимула для создания метафоры была предложена картинка с поющей на морозе птицей, пение которой «застывает» в воздухе [<https://sciencetoday.ru/gallery/izumitelnye-fotografii-ptits-s-konkur-sa-audubon-photography-awards-2019-goda>].

Участники заполняли таблицу из 4-х колонок: «что

изображено на картинке», «ассоциация», «признак сходства», «метафора». Приведем наиболее оригинальные образы, предложенные школьниками: *дуэт птицы и мороза, пение вьюги / мороза; узоры песни* – реализуется визуально-аудиальная аналогия, застывшее на холоде пение ассоциативно сходно с морозными узорами на стекле. Метафоры студентов: *кружева песни, узоры музыки* – визуально-аудиальная образная аналогия между застывающими на морозе звуками песни и кружевными узорами; *пение тлеющей спички (от птицы идет пар, а от спички дымок, но внешне это выглядит одинаково, а также птица черная, с красно-желтым пятнышком, как и тлеющая спичка)* – респондент создает оригинальный визуальный образ и дает его развернутое обоснование.

На завершающем этапе тренинга группе студентов было дано дополнительное задание с применением методики заполнения текстовых лагун; выполнение этого задания требовало достаточно высокого уровня лингвокреативных способностей. Инструкция: «Перед вами стихотворение «Фрагмент» барда О. Митяева, необходимо заполнить пропуски на месте звездочек»:

*Тронется, еще чуть-чуть, и поезд тронется. И с печальным (1) *** тихо дверь закроется. (2) *** ночь, сирень ее становится прозрачною, И среди чужих твое теряется лицо.*

Толкования: (1) печальный * двери – особый звук закрывающейся двери. Аналогия между скрипом двери при ее закрытии и * человека, когда он печален. Все вокруг поэта олицетворено, поэтому дверь издает звук, подобный человеческому, меланхолическое настроение автора передается окружающему миру; (2) ** ночь. Ночь **, как цветок, становится не такой насыщенной и темной, тускнеет.

Более половины респондентов восстановили слово «вздохом», многие участники предложили близкий по семантике вариант – *всхлипом*, а единичные варианты (*воем, плачем, криком*) не соответствуют контексту тихого закрывания двери. Во втором случае большая часть опрошенных предложила слово «увядает», что по семантике близко к оригинальному варианту «вянет», но разрушает ритмический рисунок поэтического текста. Таким образом, контекст, с одной стороны, помогает раскрыть

метафорический смысл поэтической строки, но, с другой стороны, ограничивает круг возможных реакций.

В данной статье представлен наиболее репрезентативный для иллюстрации хода тренинга в его динамике материал, который позволяет говорить о продуктивности тренинга как метода диагностики и развития вербальной креативности старшеклассников и студентов. Респонденты-школьники продемонстрировали достаточно высокую степень оригинальности и беглости; показатели гибкости в этой группе оказались значительно ниже. Самым проблемным этапом тренинга стало задание, направленное на превращение сравнения в метафору и наоборот. Это подтверждает тот факт, что метафоризация – сложный процесс, где буквализм и рациональная стратегия ассоциирования препятствуют выходу на символический уровень восприятия поэтического контекста. Школьники не знакомы со сложными полимодальными образами О. Митяева, и это также является препятствием к считыванию его метафорических аналогий. Студенты показали более высокий уровень вербальной креативности в силу их филологического опыта. Соответственно можно сделать вывод о том, что широкая лингвистическая база коррелирует с проявлениями креативности в условиях решения нестереотипной задачи.

Литература

Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. — Ростов-на-Дону, 1983. 172 с.

Богоявленская Д. Б. Проблемы диагностики креативности // Психологическая диагностика. 2004. № 3.

Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта: Психология мышления. М., 1965. 525 с.

Гридина Т. А. Экспериментальный ресурс диагностики и тренинга вербальной креативности // Филологический класс. 2014. №2 (36). С. 30-35.

Гридина Т. А. «Через язык открывается дитяти сознание...»: соотношение вербального и предметного кодов в детской картине мира // Филологический класс. 2018 (а). № 2 (52).

Гридина Т. А. Метафоры детской речи как феномен лингвокреативного мышления и поэтической одаренности // Лингвистика креатива-4: коллект. монография / Под ред. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2018 (б). С. 11-39.

Гридина Т. А., Душина Е. В. Поэтический текст в свете читательской рецепции: экспериментальные данные // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2014. №12. С. 35-65.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. 2017. С. 79-84.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Зооморфизмы как основа моделирования фразеологической семантики: русско-польские соответствия // Русин. 2019. № 56. С.198-212

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Метафора в свете национальной ментальности: монография. Екатеринбург, 2020. 226 с.

Гридина Т. А., Е. И. Пипко. Ступеньки словесного творчества: тренинг вербальной креативности: программа внеурочной деятельности (для учащихся основной общеобразовательной школы). Екатеринбург, 2014. 81 с.

Дорфман Л. Я. Дивергентное мышление и дивергентная индивидуальность: ресурсы креативности // Личность, креативность, искусство / Отв. ред. Е. А. Малянов, Н. Н.Захаров, Е. М. Березина, Л. Я. Дорфман, В. М. Петров, К. Мартиндейл. Пермь, 2002. С. 89-120.

Дорфман Л. Я. Человек креативный: особенности мышления и личности // Во времени истории и в пространстве культуры: к 30-летию института / Отв. ред. Е. А. Малянов. Пермь, 2005. С. 86-119.

Коновалова Н.И. Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург, 2015. 121 с.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М., 1988. 109 с.

Туник Е. Е. Психодиагностика творческого мышления. Креативные тесты. СПб., 1997. 34 с.

Трик Х. Е. Основные направления экспериментального измерения творчества // Хрестоматия по общей психологии. Психология мышления / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. СПб., 1981. 476 с.

Gridina T. A. The associative potential of words as the basis of linguistic and creative activity: experimental data, questions of // Психолінгвістика: Науково-теоретичний збірник. 2015. Т. 25. С. 148.

Torrance E. P. Education and the Creative Potential. Minneapolis, 1963.

Torrance E. P. Predictive validity of the Torrance Tests of Creative Thinking // Journal of Creative Behavior. 1972. 6 (4). 236-252.

REFERENCES

Bogoyavlenskaya D.V. Intellektual'naya aktivnost' kak problema tvorchestva. — Rostov-na-Donu, 1983. 172 s.

Bogoyavlenskaya D.B. Problemy diagnostiki kreativnosti // Psikhologicheskaya diagnostika. 2004. № 3.

Gilford Dzh. Tri storony intellekta: Psikhologiya myshleniya. M., 1965. 525 s.

Gridina T.A. Eksperimental'nyy resurs diagnostiki i treninga verbal'noy kreativnosti // Filologicheskii klass. 2014. №2 (36). S. 30-35.

Gridina T.A. «Cherez yazyk otkryvayetsya dityati soznaniYE...»: sootnosheniye verbal'nogo i predmetnogo kodov v detskoj kartine mira // Filologicheskii klass. 2018a. № 2 (52).

Gridina T. A. Metafory detskoj rechi kak fenomen lingvokreativnogo myshleniya i poeticheskoy odarennosti // Lingvistika kreativa -4: kollekt. monografiya /Podred. T.A. Gridinoy. – Yekaterinburg, 2018b. S. 11-39.

Gridina T.A., Dushina YE.V. Poeticheskii tekst v svete chitatel'skoj retseptsii: eksperimental'n-yye dann-yye // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2014. №12. S. 35-65.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Tekhniki yazykovoy igry v protsesse obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2017. S. 79 – 84.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Zoomorfizmy kak osnova modelirovaniya frazeologicheskoy semantiki: russko-pol'skiye sootvetstviya // Rusin. 2019. № 56. S.198-212

Gridina T.A., Konovalova N.I. Metafora v svete natsional'noy mental'nosti: monografiya. – Yekaterinburg, 2020. 226 s.

Gridina T. A., YE.I. Pipko. Stupen'ki slovesnogo tvorchestva: trening verbal'noy kreativnosti: programma vneurochnoy deyatel'nosti (dlya uchashchikhsya osnovnoy obshcheobrazovatel'noy shkoly). – Yekaterinburg, 2014. 81 s.

Dorfman L. YA. Divergentnoye myshleniye i divergentnaya individual'nost': resursy kreativnosti // Lichnost', kreativnost', iskusstvo / Otv. red. YE. A. Malyanov, N. N.Zakharov, YE. M. Berezina, L. YA. Dorfman, V. M. Petrov, K. Martindeyl. – Perm', 2002. S. 89–120.

Dorfman L.YA. Chelovek kreativnyy: osobnosti myshleniya i lichnosti // Vo vremeni istorii i v prostranstve kul'tury: k 30-letiyu instituta / Otv. red. YE. A. Malyanov. – Perm', 2005. S. 86–119.

Konovalova N.I. Psikhodiagnostika rechevoy sposobnosti. Yekaterinburg, 2015. 121 s.

Serebrennikov B.A. Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira. – M., 1988. 109 s.

Tunik YE.E. Psikhodiagnostika tvorcheskogo myshleniya. Kreativn-yye testy. – Spb., 1997. 34 c.

Trik КН.Е. Osnovnyye napravleniya eksperimental'nogo izmereniya tvorchestva/ КН.Е. Трик // Khrestomatiya po obshchey psikhologii. Psikhologiya myshleniya / Pod red. YU.B. Gippenreyter, V.V. Petukhova. – SPb., 1981. – 476 s.

Gridina T.A. The assotiative potential of words as the basis of linguisticand creativeactivity: experimental data, questions of // Psikholingvistika: Naukovo-teoretichnyy zbirnik. 2015. T. 25. S. 148.

Torrance E. P. Education and the Creative Potential. – Minneapolis, 1963.

Torrance E. P. Predictive validity of the Torrance Tests of Creative Thinking // Journal of Creative Behavior. 1972. 6 (4). 236 – 252.

©Дудина А.Я., 2021

Дудина Анастасия Яковлевна – студент.
Уральский государственный педагогический
университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр.
Космонавтов, 26, 281.

E-mail: dudina-99@mail.ru

Dudina Anastasiya Yakovlevna –
Student. Ural State Pedagogical Univer-
sity (Yekaterinburg, Russia).

А. С. КАТАЕВА, Е. Г. СОБОЛЕВА

г. Екатеринбург, Россия

koneva_nastya35@mail.ru

egsobol@yandex.ru

УДК 81'42

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_11

СПОСОБЫ ЯЗЫКОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ТЕКСТАХ ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЗАВИСИМОГО ПОВЕДЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

Аннотация. В статье определяется понятие профилактического дискурса, его цели и основные характеристики. Обосновывается актуальность проведения профилактической работы с детьми и подростками, направленной на профилактику зависимостей и пропаганду здорового образа жизни. Анализируется специфика целевой аудитории – детей и подростков – на основании возрастных и психологических особенностей. Выявляется зависимость применяемых в текстах способов языкового воздействия от адресата. Тексты профилактической направленности для детей отличаются косвенным характером императивности, созданием эффекта диалога с собеседником и геймифицированностью. Профилактические тексты для подростковой аудитории имеют развернутую рациональную аргументацию, скрытый характер интенции и обращаются к подростковым ценностям.

Ключевые слова: профилактический дискурс; дети; подростки; профилактика зависимостей; пропаганда здорового образа жизни; здоровый образ жизни; здоровье детей; девиантное поведение; языковое воздействие; профилактическая работа.

KATAEVA ANASTASIYA S., SOBOLEVA ELENA G.

Ekaterinburg, Russia

METHODS OF LANGUAGE INFLUENCE IN TEXTS ON THE PREVENTION OF DEPENDENT BEHAVIOR FOR CHILDREN AND TEENAGERS

Abstract. The article defines the concept of preventive discourse, its goals and main characteristics. The article substantiates the relevance of preventive work with children and adolescents aimed at preventing addictions and promoting a healthy lifestyle. The specifics of the target audience are analyzed on the basis of age and psychological characteristics. The dependence of the methods of language influence used in the texts on the addressee is revealed. Preventive texts for children are characterized by the implicit nature of the intention, the creation of the effect of dialogue with the interlocutor and gamification. Preventive texts for the adolescent audience have a detailed rational argumentation, a hidden nature of intention, and appeal to adolescent values.

Keywords: preventive discourse, children and adolescents, prevention of addictions, promotion of a healthy lifestyle.

Охрана здоровья детей и подростков является одним из ключевых направлений медицинской деятельности в Российской Федерации. При этом большую роль играет профилактика или предупреждение заболеваний и иных жизнеугрожающих состояний. «Профилактика – комплекс мероприятий, направленных на сохранение и укрепление здоровья и включающих в себя формирование здорового образа жизни, предупреждение возникновения и (или) распространения заболеваний, их раннее выявление, выявление причин и условий их возникновения и развития, а также направленных на устранение вредного влияния на здоровье человека факторов среды его обитания» [Федеральный закон №323-ФЗ].

Рассматривая медицинскую сферу как коммуникативное пространство, необходимо выделить институциональный медицинский дискурс, который «представляет собой многомерное коммуникативное образование, системообразующими признаками которого являются его цель, типовые участники (врач и

пациент) и социокультурные обстоятельства общения [Шуравина 2013: 67].

Многомерность профессионального медицинского дискурса позволяет говорить как о смежных с ним дискурсах, так и о входящих в него различных субдискурсах. Одним из таких субдискурсов является профилактический дискурс, обладающий рядом отличительных признаков. Если коммуникация в медицинском дискурсе осуществляется контактно между участниками «врач–пациент» в ходе личного приема или осмотра и имеет целью вылечить заболевание, то коммуникация в профилактическом дискурсе происходит опосредованно: в ней нет четко определенных участников (персонализированных коммуникантов), целевая аудитория (адресат) достаточно широкая, а главная цель коммуникации – предупреждение заболевания. Иными словами, профилактический дискурс призван сформировать такое поведение адресата, при котором возможность заболеть и, как следствие, необходимость лечения, существенно уменьшается.

Тематико-денотативное пространство профилактического дискурса формируется различными инфекционными и неинфекционными заболеваниями, имеющими социальную значимость: онкология, ВИЧ, ОРВИ и др. Этих болезней можно избежать, если выполнять соответствующие профилактические рекомендации. При этом необходимо воздействовать на широкие слои населения, которые обычно разделяются на основании возрастных (реже – половозрастных) и социально-статусных характеристик. К одной из таких целевых аудиторий относятся дети и подростки (приблизительно 6–10 лет и 11–16 лет).

Наиболее актуальной темой для данных аудиторий в анализируемом дискурсе является профилактика зависимого (аддиктивного) поведения, поскольку это «является важнейшим условием сохранения и укрепления физического и психического здоровья, от которого зависит здоровье будущих поколений» [Купцова 2019: 91].

Для того чтобы коммуникация с целевой аудиторией достигала поставленной цели, необходимо учитывать особенности адресата. В данном случае ключевой особенностью является возраст и соответствующее ему восприятие информации.

Руководствуясь теорией интеллектуального и когнитивного развития Ж. Пиаже, можно сказать, что в мышлении детей в возрасте 7–11 лет «появляется определенная логика и последовательность. При этом оно остается достаточно ригидным, то есть недостаточно гибким. Ребенок еще не может продумать сразу несколько путей решения проблемы, не понимает абстрактных понятий и гипотетических предложений» [Аникеева. Электронный ресурс]. Для ребенка такие понятия, как «профилактика», «здоровье», «здоровый образ жизни», «зависимость», являются абстрактными, поэтому необходимо с помощью особых приемов опредметить эти представления, адаптировать их к уровню развития ребенка.

Поскольку дети обладают конкретно-предметным мышлением, нужно представить абстрактные понятия через конкретные явления или ситуации. Чаще всего с этой целью в текст вводится некий образ – персонаж, который обращается непосредственно к адресату и выступает носителем тех знаний, которые нужно передать ребенку: *Привет, друг! Я – ЗОЖ-мен, борец против вредных привычек! Привет! Хочешь узнать, почему #ЗОЖ набирает много лайков?* Номинация персонажа строится по активной словообразовательной модели с использованием «модного» форманта «мен».

Вовлечение в диалог адресата-ребенка происходит с помощью использования вопросительных конструкций, что предполагает ответную реакцию: *Но что если эти новые ощущения могут быть потенциально опасными и повлекут за собой реальную ответственность? / Кто же может предложить тебе это? Посторонний человек, одноклассник, старшие ребята. Кто бы это ни был, помни о непредсказуемых последствиях.*

Для приближения понятий «зависимости», «профилактика» и др. к детскому пониманию профилактические тексты содержат игровые, интерактивные элементы. «Дети, особенно младшие, намного лучше воспринимают любой текст, сопровождающийся различными невербальными средствами» [Казанцева 2014: 42]. Как правило, профилактические тексты для детей носят ярко выраженный креолизированный характер. Интерактивные элементы носят форму различных заданий, содержащих зашифрован-

ные прескрипции, которые, благодаря обыгрыванию конкретных бытовых ситуаций, проще усваиваются детьми: *Ты уверен, что нашел все отличия? Кое-что можно было и не заметить. Так может произойти и в жизни: знакомый предложил яркую конфету, и ты ее съел, не задумываясь и не замечая возможной опасности; Это Ваня. Он любит спорт, играет в футбол и ходит в походы. Ваня не курит, но ему часто предлагают попробовать. Как быть? Всегда отстаивать свои убеждения и не поддаваться чужим слабостям! Помогите Ване выйти из лабиринта так, чтобы не встретиться с курящим человеком; Когда твои легкие не отравлены сигаретами, ты можешь бегать, прыгать, играть, заниматься спортом. Давай угадаем, какие активности здесь забыли вписать! / Это секретный шифр. Точно так же в табачном дыме «шифруются» опасные для человека вещества. Попробуем разгадать этот шифр, чтобы знать «врага в лицо»?*

Именно игра является одним из ключевых способов взаимодействия с детьми с целью донесения нужной информации. В-первых, игра – это абсолютно естественный для детей процесс, часть жизни, а во-вторых, во время игры любые прескрипции или советы воспринимаются проще, скорее, на интуитивном уровне, за счет того, что зачастую не носят явный, открытый, категоричный характер.

Таким образом, тексты профилактического характера для детей 7–11 лет характеризуются косвенной интенцией; использованием смысловых конструкций, рассчитанных на воображаемый диалог с визуализированным или невизуализированным собеседником – персонажем, близким детской аудитории; а также геймифицированностью – активным использованием игровых элементов.

Профилактические тексты для подростковой аудитории строятся иначе. Проблема профилактики зависимого поведения и пропаганды здорового образа жизни в подростковом возрасте особенно актуальна: «по данным ВОЗ 2/3 случаев преждевременной смерти от хронических неинфекционных заболеваний являются результатом сформированных форм поведения в от-

ношении здоровья, ставших привычными в школьном и подростковом возрасте» [Ануфриева 2020: 3].

Для того чтобы выстроить коммуникацию с данной целевой аудиторией, также необходимо учитывать ее психологические возрастные особенности. «Конкретное, образное мышление, характерное для детей, в подростковом возрасте все больше уступает место абстрактному, становится более самостоятельным, активным, творческим» [Астахова. Электронный ресурс]. Подросток стремится стать членом взрослого мира, стать отдельной независимой личностью, но в то же время боится быть отвергнутым сверстниками. Так называемые «эмоциональные качели», конфликтность, внутренние противоречия могут вызывать девиантное поведение, способное спровоцировать зависимость от вредных привычек.

С учетом большей осознанности поведения в профилактические тексты для подростков вводится рациональная аргументация, которая дает возможность реципиентам ознакомиться с реальным фактическим материалом и принять (или же не принять) его, сформировать собственное отношение к этой теме.

К рациональным аргументам в текстах профилактики зависимостей для подростков относятся разнообразные факты: *Если смочить никотином конец стеклянной палочки и прикоснуться ею к клюву воробья, птица погибает; нет никаких фактов, доказывающих эффективность применения электронных сигарет как средства лечения табачной зависимости; Употребление пива провоцирует гормональные изменения в женском организме: появление усов, лишний вес, нарушение менструального цикла. А также приводит к бесплодию; статистические данные: А у подростков алкоголизм формируется в 3-4 раза быстрее, чем у взрослых, и имеет более злокачественное течение; Табак является причиной около 90% случаев рака легких; Не стоит недооценивать вред пассивного курения – у членов семьи курильщика рак легких возникает в 1,5-2 раза чаще, чем в некурящих семьях; ссылки на законы и нормативные документы: Курить электронные сигареты в местах, запрещенных для курения, нельзя, так как потребление всего, что имитирует курение, в общественных местах запрещено Федеральным законом №15-ФЗ «Об*

охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака».

Аргументация часто строится с помощью использования приема «Развенчание мифов»: *Миф 1: электронные сигареты безвредны, и их можно курить вместо обычных сигарет / Электронные сигареты не безопасны – их аэрозоли содержат высокотоксичный никотин и другие химические токсины и канцерогены; Существует миф, что сигарета снимает стресс. Но никакого физиологического «релакса» она не несет. Просто человек концентрируется на процессе курения, и его внимание переключается с острой проблемы.*

Как правило, профилактические тексты для подростков не содержат прямого предписания. Это обусловлено пониманием психологических особенностей поведения данной группы: желание подростков принимать решения самостоятельно, быть независимыми от мнения взрослых, склонность проявлять упрямство в ответ на замечания или требования, звучащие в открытой категоричной форме.

Какие приемы убеждения используются в профилактическом дискурсе? Вместо однозначного и категоричного запрета на употребление вредных веществ приводится альтернатива: *Альтернативные способы получения удовольствия и поднятия настроения: занятия спортом, танцы, общение с друзьями...; Займись любимым видом спорта. От этого двойная польза: польза для здоровья, тебе будет чем занять свободное время.*

В текстах даны «уроки обучения» приемлемым для адресата вариантам отказов на предложения попробовать вредные вещества: *Как отказаться, если тебе предлагают выпить? «Нет, спасибо, это не для меня» / «Не хочу. Мне и так хорошо» и пр.; Как сказать «нет»: спокойным и уверенным голосом выбери свою фразу: «Нет, я не курю». Это ответ, который не требует объяснения и может звучать вслед за предложением любого психоактивного вещества / «Курение меня не интересует» / Если предложения повторяются, предупреди: «Если ты еще раз предложишь мне закурить, я перестану с тобой общаться» и пр.*

В профилактических текстах для подростков большое внимание уделяется ценностям, характерным для этого возраста: свобода, выбор, независимость. Именно эти ценности в текстах играют роль главного противовеса зависимому поведению: *Я сделал свой выбор. Я не курю! И мне это нравится! / Сделай правильный выбор! / Самое главное – быть верным себе! / Будь в центре внимания! Привлекай здоровыми привычками; Парить – не безобидное увлечение. Будь свободен и независим! / Будь свободен от давления – не поддавайся вредным привычкам! / Помни! Говоря «нет», ты приобретаешь здоровье, независимость и уважение! / Смотреть на жизнь трезво – это значит быть сильным!*

Особый акцент на подростковых ценностях эмоционально сближает адресанта и адресата, создает ощущение взаимопонимания, доверия и, следовательно, большей открытости и готовности принять информацию, исключая ощущение запрета или непонимания.

Таким образом, тексты профилактической направленности для подростковой аудитории учитывают особенности ее сознания и поведения, воздействуют на поведение через рациональную аргументацию, обладают «мягкой», скрытой императивностью, раскрывают систему подростковых ценностей с точки зрения здорового образа жизни.

Сопоставляя тексты, рассчитанные на детей и подростков, можно отметить важную особенность профилактического курса: императивность носит увещательный характер. В текстах, обращенных к детям, преобладают игровые формы подачи информации. В текстах, ориентированных на подростков, доминируют рациональная аргументация, апелляция к ключевым ценностям, формирующим аксиологию подростков. Особая роль отводится материалам инструктивного характера, обучающим подростка речевому поведению в ситуации отказа от вредных зависимостей.

Цель коммуникации профилактического характера будет достигнута в том случае, если коммуникация будет происходить с учетом возрастных и психологических особенностей целевой аудитории. Поэтому адресат занимает в профилактическом дис-

курсе доминирующее место, именно его специфические признаки являются определяющими при построении воздействующего текста.

Литература

Аникеева А. Теория интеллектуального и когнитивного развития Пиаже / А. Аникеева // Мотивация к жизни. [Электронный ресурс]. URL: https://lifemotivation.online/psychology/child-psy/teoriya-piazhe#_12 (дата обращения 15.04.2021).

Ануфриева Е. В. Закономерности формирования, прогнозирования здоровья детей школьного возраста и совершенствование системы медицинского обеспечения в образовательных организациях. Автореф. дис. ... доктор мед. наук: 14.01.08. Уральский государственный медицинский университет, 2020. 50 с.

Астахова Л. Г., Буслаева Е. Н. Особенности развития личности современных подростков. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-lichnosti-sovremennyh-podrostkov/viewer> (дата обращения 14.04.2021).

Гридина Т. А. Языковая «реальность» как факт детского сознания // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. №3. С.6-21.

Казанцева А. М. Особенности формы языковых единиц в рекламе для детей и подростков // Филология и культура, 2014. №1 (35). С. 41-45.

Купцова С. А. Профилактика аддиктивного поведения учащихся в условиях образовательных учреждений // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2019. №2. С. 90-99. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-addiktivnogopovedeniya-uchaschihsya-v-usloviyah-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy/viewer> (дата обращения 13.04.2021).

Медицинский дискурс: специфика профессиональной коммуникации врача / Т. В. Кочеткова, М. И. Барсукова, Е. А. Ремпель, А. Я. Рамазанова // Мир науки, культуры, образования, 2018. №3 (70). С. 466-468.

Стернин И. А. Фактор адресата в речевом воздействии. Воронеж: «Истоки», 2012. 51 с.

Федеральный закон от 21.11.2011 №323-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/zakonrf.info/s/zakon-o-zdorovyе-grazhdan/> (дата обращения 13.04.2021).

Шуравина Л. С. Медицинский дискурс как тип институционального дискурса // Вестник Челябинского государственного университета, 2013. №37 (328). С. 65-67.

REFERENCES

Anikeyeva A. Teoriya intellektual'nogo i kognitivnogo razvitiya Piazhe / A. Anikeyeva // Motivatsiya k zhizni. [Elektronnyy resurs]. URL: https://lifemotivation.online/psychology/child-psy/teoriya-piazhe#__12 (data obrashcheniya 15.04.2021).

Anufriyeva YE.V. Zakonomernosti formirovaniya, prognozirovaniya zdorov'ya detey shkol'nogo vozrasta i sovershenstvovaniye sistemy meditsinskogo obespecheniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh. Avtoref.dis. ... doktor med. nauk: 14.01.08. Ural'skiy gosudarstvennyy meditsinskiy universitet, 2020. 50 s.

Astakhova L.G., Buslayeva YE.N. Osobennosti razvitiya lichnosti sovmennykh podrostkov. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-razvitiya-lichnosti-sovmennykh-podrostkov/viewer> (data obrashcheniya 14.04.2021).

Gridina T. A. Yazykovaya «real'nost'» kak fakt detskogo soznaniya // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2012. №3. S.6-21.

Kazantseva A.M. Osobennosti formy yazykovykh yedinit v reklame dlya detey i podrostkov // Filologiya i kul'tura, 2014. №1 (35). S. 41-45.

Kuptsova S.A. Profilaktika addiktivnogo povedeniya uchashchikhsya v usloviyakh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy // Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept», 2019. №2. S. 90-99. [Elektronnyy resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-addiktivnogo-povedeniya-uchashchikhsya-v-usloviyakh-obrazovatelnyh-uchrezhdeniy/viewer> (data obrashcheniya 13.04.2021).

Meditsinskiy diskurs: spetsifika professional'noy kommunikatsii vracha / T.V. Kochetkova, M.I. Barsukova, YE.A. Rempel', A.YA. Ramazanova // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 2018. №3 (70). S. 466-468.

Sternin I.A. Faktor adresata v rechevom vozdeystvii. Voronezh: «IstokI», 2012. 51 s.

Federal'nyy zakon ot 21.11.2011 №323-FZ (red. ot 22.12.2020) «Ob osnovakh okhrany zdorov'ya grazhdan v RF» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2021).[Elektronnyy resurs]. URL: <https://yandex.ru/turbo/zakonrf.info/s/zakon-o-zdorovye-grazhdan/> (data obrashcheniya 13.04.2021).

Shuravina L.S. Meditsinskiy diskurs kak tip institutsio-nal'nogo diskursa
// Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, 2013. №37
(328). S. 65-67.

©Катаева А.С., 2021

©Соболева Е.Г., 2021

Катаева Анастасия Сергеевна – началь-
ник редакционно-издательского отдела. Го-
родской центр медицинской профилактики
(Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620027, Россия, г. Екатеринбург, ул.
Мамина-Сибиряка, 51, 41.

E-mail: koneva_nastya35@mail.ru

Kataeva Anastasiya Sergeevna –
Head of the Editorial and Publishing De-
partment. City Center for Medical Preven-
tion (Yekaterinburg, Russia).

Соболева Елена Григорьевна – кандидат
филологических наук, доцент кафедры рус-
ского языка для иностранных учащихся.
Уральский федеральный университет им.
первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620072, Россия, г. Екатеринбург, ул.
Сиреневый бульвар, 14, 98.

E-mail: egsobol@yandex.ru

Soboleva Elena Grigor'evna – Candi-
date of Philology, Docent of the Depart-
ment of Russian Language for Foreign
Students. Ural Federal University (Yekate-
rinburg, Russia).

Н.И. КОНОВАЛОВА
г. Екатеринбург, Россия
sakralist@mail.ru

УДК 81'42:39
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_12

ГАДАНИЕ КАК ТЕКСТ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ

Аннотация. В статье анализируется обряд гадания, в этнолингвистическом аспекте понимаемый как многокодовый культурный текст: демонстрируются, в частности, вербальный и акциональный коды гадания. Особое внимание уделяется хронотопу обряда, поскольку гадания, как правило, имеют временную и локальную приуроченность. Выявляются факторы, определяющие суггестивный эффект гадания: синкретизм реального и воображаемого в сознании участников обряда, мифосимволизм атрибутов обряда, стереотипные представления о магической функции предметов и ритуальных действий, опора на этнокультурных пресуппозиции, связанные с элементами гадания, форма используемых вербальных знаков и т.д. Представлены результаты психолингвистического эксперимента по заполнению лакун в тексте, смоделированном по материалам этнолингвистического словаря «Славянские древности». В тексте были пропущены слова и словосочетания, фиксирующие базовые для гаданий этнокультурные стереотипы: названия нереальных персонажей (потусторонней силы), элементов хронотопа, символических атрибутов гадательных практик и ритуальных действий. Выявлена тенденция к десакрализации мифоритуальных практик традиционной народной культуры, их осмыслению в профанно-прагматической плоскости.

Ключевые слова: этнолингвистика; этносы; этнокультурные стереотипы; психолингвистические эксперименты; культурные тексты, гадание.

KONOVALOVA NADEZHDA I.

Ekaterinburg, Russia

FORTUNE-TELLING AS TEXT: AN EXPERIMENTAL STUDY OF ETHNOCULTURAL STEREOTYPES

Abstract. The article analyzes the rite of fortune-telling, in the ethnolinguistic aspect, understood as a multi-code cultural text: it demonstrates, in particular, the verbal and actional codes of fortune-telling. Particular attention is paid to the chronotope of the rite, since fortune-telling, as a rule, has a temporary and local association. The factors that determine the suggestive effect of fortune-telling are revealed: syncretism of the real and the imaginary in the minds of the participants in the rite, the mythological-symbolism of the attributes of the ceremony, stereotypical ideas about the magical function of objects and ritual actions, reliance on ethno-cultural presuppositions associated with elements of fortune-telling, the form of verbal signs used, etc. etc. The article presents the results of a psycholinguistic experiment to fill in the gaps in the text modeled on the materials of the ethnolinguistic dictionary "Slavic antiquities". In the text, words and phrases were omitted that fix the ethnic-cultural stereotypes that are basic for fortune-telling: the names of unreal characters (otherworldly power), chronotope elements, symbolic attributes of fortune-telling practices and ritual actions. The tendency to desacralization of mythological practices of traditional folk culture, their comprehension in the profane and pragmatic plane, is revealed.

Keywords: ethnolinguistics; ethnic groups; ethnocultural stereotypes; psycholinguistic experiments; cultural texts, fortune telling.

Современной лингвокультурологией, этно- и социолингвистикой и рядом других междисциплинарных областей научного знания, непосредственно связанных с исследованиями текста, соединяющего пространства языка и культуры, востребованной является идея многокодовости культурного текста, в котором в качестве механизма смыслообразования выступает диалогическое взаимоотношение кодов [Барт 2001, Лотман 2002]. Снятие с текста ограничений вербальными рамками характерно, в частности, для этнолингвистических исследований в русле школы Н. И. Толстого, объясняющего такой подход следующими образом: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого

слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае <...> под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность» [Толстой 1995: 15-16].

К такого рода культурным текстам относится обряд гадания, который включает в себя:

а) **вербальный код** (например, подблюдные песни, сопровождавшие гадания, обращения к потусторонним силам, ритуальные диалоги или ритуальное молчание, иносказания, метафоры – своеобразные символические «намекы», которые использовались для интерпретации будущих событий и т.п. При этом используются типовые формулы призыва (*ряженный-суженый, приходи со мной ужинать*); толкования-прогнозы (*к добру – к худу, к богатству – к бедности, к замужеству – к девичеству, к выздоровлению – к смерти, к удаче – к неудаче*)

б) **акциональный код**, в частности, игру, сопровождающую ритуал. В этом смысле условность и социальная ритуализованность фольклорного текста гадания вполне коррелирует с прагматикой набора сценариев, которые использует ребенок в своей игровой деятельности [Гридина 2012 (а): 6-12]. Акциональная составляющая обряда гадания часто выполняет функцию своеобразного «аккомпанемента» вербальной: *Кольса кладут в миску, закрываются платком и нацинаются петь песни, имея эти кольса и ворожить... Щищас вот и пуговки кладут. Она закрывает платком и нацинат так вот метать их. А скрозь платката она ловит. Вот ще она там поймат, песню-то споют и смотрят: щья там пуговка или щьё кольцо и тому и песня эта выпала* [Востриков 2000, 3: 70]. Песня без сопровождаемого ею действия, равно как и действие без исполняемой песни не выполняют самостоятельных функций.

в) **хронотоп** (понятие, введенное А. А. Ухтомским для объяснения характера поведения, которое «с точки зрения хронотопа <определяется тем, что в сознании человека> существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события» [Ухтомский 2002: 342]. Гадания, как правило, имеют

временную и локальную приуроченность: считалось, что наиболее «правильный» прогноз можно получить на святки (переломное время перехода от одного года к другому) – от кануна Рождества до крещенского водосвятия. Лучше всего гадать в так называемых «сакрально негарантированных» локусах: на перекрестке, в бане, у колодца, за оградой, у чужой поленницы и т.п. Приведем примеры различных гадательных практик, сохранившихся до сих пор на Урале:

Молодым деушкам всегда когда-то хотелось выйти замуж за богатого, и потому гаданья были многи связаны с тем, что бедный или богатый будет у ей будущий муж. Перед Крещеньем Святки называются, святы вечера. Накануне Рождества деушки брали мутовку, это така лопатка, которой замешивали тесто, квашню называли её, и шли к колодцу. Если на стенках колодца был большой куржак, это уже была хороша примета, этой мутовкой они проводили по стенкам колодца и слушали, как куржак падат в воду, если с шумом, то жених будет богатый, а если куржака мало и шума нет или маленько шумит, то бедный (Смолино, 2018)

В сферу прогностической обработки вовлекаются традиционные представления о семейном благополучии, судьбе, удаче. При этом наиболее устойчивыми являются следующие мотивы: гадание на суженого, верность / измена супруга, счастливая / несчастливая семейная жизнь, успех / неудача предстоящего дела, исполнение желания и т.п. **Синкретизм реального и воображаемого** в народном сознании (см.: [Коновалова 1993]) – феномен, объяснимый психологическими механизмами воображения, которое, как известно, «... порождает что-то новое, изменяет, преобразует то, что нам дано в восприятии. Это изменение <...> может выразиться, во-первых, в том, что человек, исходя из знаний и опираясь на опыт, вообразит <...> картину того, чего в действительности сам никогда не видел. <...> Воображение может, далее, предвосхищая будущее, создать образ, картину того, чего вообще не было. <...> Воображение может, наконец, совершить и такой отлет от действительности, который создает фантастическую картину, ярко отклоняющуюся от действительности. Но и в этом случае оно в какой-то мере отражает эту дей-

ствительность... и в этой форме, отклоняющейся от действительности вплоть до фантастики, воображение не порывает во все с действительностью» [Рубинштейн 1999: 297].

Интерпретация полученной информации осуществляется на основе существенных для адресата сообщения социальных, этнопсихологических, лингвокультурных и т.п. пресуппозиций: «девушка надеется выйти замуж», «слабый ждет помощи от сильного», «богатый боится потерять накопленное» и т.п. Типичным является гадание, основанное на принципе имитативной магии:

Девки на женихов гадали, ходили бросать камень в воду, в колодец ли, в стоячу болотину: коли забурчит, то мужик будет воркотун. А мне кажется чё там, если в болотину, дак всегда забурчит, да еще пузыри пойдут, страшно так: уф-уф! А в колодец бросать дак, можот, и правде чё есь, кто дак и верит (Богданович, 2007).

Суггестивный эффект данного прогностического текста основан на звукоподражательных сближениях *бурчать* (о воде) – *ворчать* (о человеке), что соответствует традиционным гадательным тактикам.

Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является и форма языкового знака, и семантический потенциал ритуала, в который включен вербальный текст. Каждый знак в нем имеет множественную интерпретацию, которая зависит от адресата сообщения (его «запроса», состояния, жизненных обстоятельств, воображения и т.п.), от исполнителя (его мотивов, компетенции, творческой фантазии и т.п.), от соотношения с другими знаками и т.д. (см.: [Бекасова 2020]). Ср. также возможность использования «широкозначных» глаголов, способных «обозначать как конкретные наблюдаемые физические действия, так и неконкретные, ненаблюдаемые эмоциональные, речевые или социальные процессы» [Плотникова 2009: 24].

Еще гадали на бобы. Есь така пословица: в бобы не ворожи. Это значит, все ясно с этим человеком. На бобы это как значит: раскладывали на столе бобы и просто задавали вопросы, ково каки интересовали. И деушка берет значит горсь бобов в

руку, если четно число, то значит ответ верный, да, а если нечетно число бобов, значит нет, не сбудется. И всяки присказки еще говорят на бобы-те, на каждый боб, чё в голову придет, ну там в деревне все знают друг друга, дак и ну там в деревне все знают друг друга скажут как есь. А не сойдется, дак на бобах значит остался (Смолино 2021).

Другой пример – гадание, основанное на принципе партициптивной магии, согласно которой принципиально различные связи предметов и явлений представляются в едином семантическом комплексе условной магической сопричастности:

Он там ложится, чтобы она с его сапоги сняла, а она сняла, дак чёрт его знает, в какой сапоге деньги-то. Если они не выпадут из сапога, то они хорошо будут жить. А если выпадут, то они не уживут, чё-нибудь случится с имя. Так вот и старается она, а бывает, что и выпадут. Вот у нас Егор Еремеевич брал баталовску, ну она осталась, верно, ведь не знашь, в каком сапоге; стала снимать, у её деньга выпала и покатила. И в щель. И так и не нашла она её... И все там стали говорить: «Ну чё, Анна Ивановна, долго не наживёшь счастливо» (Шухруповское, Туринск.) [Востриков 2000, 2: 154].

В этом тексте актуализирован мотив благополучной семейной жизни, ср. типичную для этого мотива символику: деньги, интерпретация семантики приобретения / утраты (ср. глаголы *падать, покатиться / укатиться, найти / потерять*) и обыденные предметы (обувь, одежда, домашняя утварь) в несвойственной для них функции т.д.

В целом же суггестивность гадания определяется тем, что человек, не ждет каких-то рационально-логических обоснований прогноза, априори верит интерпретации каждого знака. Прогностический потенциал вербальных и невербальных знаков, структурирующих текст, реализуется в опоре на этнокультурные стереотипы. Понятие стереотипа не имеет однозначного определения, во-первых, в силу многоаспектности самого феномена; во-вторых, из-за использования этого понятия в разных парадигмах гуманитарного знания с разными целями. Приведем несколько определений данного понятия с выделением тех его аспектов, которые представляются нам наиболее значимыми для данного

исследования: Стереотип – это «субъективно детерминированное представление <о чем-либо>, являющееся *результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей*» [Бартминьский 2005: 189]. Ср.: «В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин „стереотип“ относится исключительно к *содержательной стороне языка и культуры*, и коррелирует (по линии гипоним – гипероним) с так называемой *наивной картиной мира*» [Толстая 1995: 125]. Таким образом, этнолингвистами подчеркивается, что социально и этнокультурно значимые представления могут формироваться в рамках существующих (заданных традицией) моделей познания действительности, а эти представления в конечном счете и формируют стереотипы, находящие содержательное воплощение в наивных картинах мира.

Психолингвистика открывает новый (операциональный) ракурс исследования стереотипов – в опоре на показания языкового сознания носителей конкретной лингвокультуры. Ср.: «Стереотип есть некоторая структура ментально-лингвального комплекса, формируемая инвариантной совокупностью валентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих образ-представление феномена, стоящего за данной единицей, в его [образа-представления] *национально-культурной маркированности при определенной предсказуемости направленных ассоциативных связей*» [Красных 2003: 231]. Такой психолингвистический подход позволяет экспериментально исследовать этнокультурные стереотипы, закрепленные в гаданиях. Прдемонстрируем это на примере эксперимента по заполнению текстовых лакун, являющегося вариантом метода вероятностного прогнозирования (ср.: «... преднастройка к действиям в предстоящей ситуации, опирающаяся на вероятностную структуру прошлого опыта, может быть названа вероятностным прогнозированием» [Фейгенберг 1966: 127-128]).

В качестве теоретической основы эксперимента используем 2 постулата (полное описание см. в: [Гридина, Коновалова 2020: 95-111]), наиболее адекватных материалу и цели исследования:

1. Порождение и восприятие речи подчиняется *закону семантического согласования* (В.Г. Гак), когда каждый очередной

фрагмент высказывания / текста обнаруживает (подкрепляет, проясняет, поддерживает) смысл предыдущего;

2. Прогноз появления того или иного элемента в речевой цепи связан с опорой говорящего на типовые пресуппозиции – основанные на практическом опыте знания носителей определенного языка и культуры о предмете речи (описываемой ситуации).

Процедура проведения эксперимента по этой методике заключается в следующем:

Испытуемым предъявляется деформированный текст, в котором пропущены отдельные слова. В классическом варианте при лакунаризации текста пропускается каждое 5-е или 9-е слово, что обусловлено объемом оперативной памяти (7+/-2). В нашем варианте из текста исключены только слова и номинативные словосочетания определенного типа: фиксирующие базовые для гаданий этнокультурные стереотипы: названия нереальных персонажей (потусторонней силы), элементов хронотопа, символических атрибутов гадательных практик и ритуальных действий.

Текст для восстановления смоделирован на основе материалов этнолингвистического словаря «Славянские древности» [СД, т.1: 482-486] с учетом отмеченных выше кодов текста гадания.

Гадание – _____, направленный на установление контакта с _____ с целью получения знаний о будущем. Для угадывания будущего было необходимо посредничество _____, _____, _____. Ритуалы гадания осмыслялись как дело _____, _____ и _____. Специальные словесные формулы призывали нечистую силу явиться и открыть будущее: «_____ - _____, покажи мне будущего мужа!», «_____ лесные, болотные, полевые, все _____, _____, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба!».

Чтобы установить контакт с духами, гадающие совершали определенные действия: снимали с себя _____, девушки _____, выходили из дома _____, или _____, тайком, чтоб никто не видел, исполняли ритуал, _____, закрыв лицо платком.

Для гаданий избирали особые места, где обычно обитали или появлялись _____. Такими местами считались заброшенные _____, _____, _____, _____, _____, _____, а также локусы, осмысляемые как пограничное пространство между «своим» и «чужим» миром: _____, _____, _____, место у _____, _____, _____, _____ и т.п.

Время, считавшееся благоприятным для гаданий, также имело отношение к переломным, пограничным периодам, которые считались особенно опасными. Основная масса гаданий была приурочена к солнцеворотам: зимнему (_____) и летнему (_____), иногда гадания растягивались на несколько дней до _____. В масштабах суток для гаданий считались подходящими _____ и _____ до _____, дальше уже ничего не угадывается.

Символика предметов играла первостепенную роль в гаданиях, основанных на выпадении жребия. Символами удачи в хозяйстве считались _____ и _____, символы болезни и печали – _____, _____, символы смерти – _____, _____, символы богатства – _____, _____, символы замужества – _____, _____ и др.

Результаты данного эксперимента показывают, что в заполнении текстовых лакун испытуемые в большей степени опираются на ближайший контекст и синтагматику, особенно в случаях с неначальной грамматической формой слова, предшествующего лакуне или следующего сразу за ней (*ритуал // процесс, направленный; сутки – вечер, ночь*). Ср. в этой связи наблюдения относительно выбора в процессе ассоциирования единиц, «которые подсказываются правилами комбинаторики» [Норман 2011: 79-84]. Экспериментально доказано, что «текстопорождающие стратегии – в плане их когнитивной и языковой обусловленности – должны обнаружить зависимость от грамматической формы заданного стимула» [Гридина 2012 (6): 21]. См также: [Стексова 2019: 190-199].

В случае непрозрачной грамматической связи (*к солнцеворотам: зимнему (святки) и летнему (Иванов день)*) не восстанавли-

ливаются вообще или указываются родовые названия: *месяц, время, солнцестояние*. Возможно, это объясняется и незнанием конкретных реалий. Приглагольные лакуны (выходили ..., шли ..., исполняли ритуал ...) заполнены только наречиями (*ночью, поздно, тихо, по одному, вместе*).

«Сильным» фактором заполнения лакун является типовая сочетаемость пропущенных слов (*появлялись привидения*). Ожидается наиболее сложными для восстановления оказались названия предметов деревенского быта (*овин, сени, пряжа, хлеб*).

Самые широкие вариации наблюдались в заполнении текстовых лакун, обозначающих названия нечистой силы (сама родовая номинация в тексте сохранена). Восстановлению пары «*лешие, лесные*» мешает тавтология, а в остальном наблюдается большой разброс в выборе соответствующих единиц для заполнения лакун. Представим «комплексный» вариант восстановленного текста:

Гадание – ритуал // процесс // акт // ритуал, направленный на установление контакта с потусторонними силами // с духами умерших // с привидениями // с предками с целью получения знаний о будущем. Для угадывания будущего было необходимо посредничество духов, нечистой силы, умерших // духов // умерших // медиумов // гадалок // экстрасенсов. Ритуалы гадания осмыслялись как дело нечистое, опасное и грешное // трудное // опасное // страшное // непонятное // денежное // привычное // колдовское

Специальные словесные формулы призывали нечистую силу явиться и открыть будущее: Дедушка-домовой // дух // святой дух // Дьябло (персонаж компьютерных игр) // кто-нибудь // господи // Аннигикус // зеркало (хотя ему предшествует словосочетание нечистую силу). «Лешие лесные, болотные, полевые, все черти, бесенята, идите все сюда, скажите, в чем моя судьба!» // тролли // черти // духи // домовые // оборотни // волкодлаки // Доктор Уайли // Дракула // Дормин.

Чтобы установить контакт с духами, гадающие совершали определенные действия: снимали с себя крест // шапку // платки // одежду // украшения, девушки распускали косы // плакали // пели песни // крестились // молились, выходили из дома не пере-

крестясь // тихо // с песнями и плясками // ночью // поздно // после полуночи, шли молча // тихо // быстро // пешком // поодиночке, тайком, чтоб никто не видел, исполняли ритуал, зажмурившись // тихо // как всегда // медленно // при свечах // со свечой // привычно // по привычке // без шума, закрыв лицо платком.

Для гаданий избирали особые места, где обычно обитали или появлялись духи // привидения. Такими местами считались заброшенные дома, баня, овин, хлев, чердак, сени // сараи // избышки // дома // гаражи // порталы // пустыри // кладбища, а также локусы, осмысляемые как пограничное пространство между «своим» и «чужим» миром: печь, порог, забор, ворота // лес // кладбище, место у колодца, перекресток, кладбище, межи, развилки дорог // у ворот ада // портал в ад // леса // опушки // дома // окна // зеркала // порога // печки и т.п.

Время, считавшееся благоприятным для гаданий, также имело отношение к переломным, пограничным периодам, которые считались особенно опасными. Основная масса гаданий была приурочена к солнцеворотам: зимнему (святки // месяцу // времени // морозу // Новый год) и летнему (Иванов день // времени // месяцу // солнцестоянию // Ивана Купалы), иногда гадания растягивались на несколько дней до Рождества // пасхи // Рождества // Крещения // месяца // Нового года. В масштабах суток для гаданий считались подходящими вечер и ночь // вечер // ночь // полночь // сумерки до первых петухов // раннего утра // рассвета // третьих петухов // восхода солнца // первой звезды, дальше уже ничего не угадывается.

Символика предметов играла первостепенную роль в гаданиях, основанных на выпадении жребия. Символами удачи в хозяйстве считались хлеб и зерно // пшеница // хлеб // курица ряба // рыжий кот // корова, символы болезни и печали – уголь, зола // таблетки // копейка // медный грош // мыши // плохая одежда, символы смерти – земля, щепка, песок // крест // земля // белый платок // носовой платок // свеча, символы богатства – монеты, пряжа // деньги // золото // золотые монеты // серебро // дорогие украшения, символы замужества – кольцо, венок // кольцо // фата // замок // каравай // хлеб-соль и др.

Гештальтная стратегия заполнения лакун проявилась в единичных случаях у респондентов, темы курсовых работ которых связаны с лингвокультурологией. Эта стратегия включает в зону «восстановления» лакун широкий внешний культурный фон, содержащий более полную информацию о затекстовой ситуации и «актуализирующий» знания респондентов, основанные на их опыте.

В целом экспериментальное исследование обряда гадания, синтезирующего реальность практического знания и символическое представление о нем, выявило общую тенденцию к десакрализации мифоритуальных практик традиционной народной культуры, их осмыслению в профанно-прагматической плоскости.

В каком-то смысле наши наблюдения обращены к проблеме, поднятой в одной из работ И.А. Бубновой, – к проблеме функциональной неграмотности, которая, представляет собой совершенно новый тип цивилизационного риска, характеризующегося переходом от существования в условиях, налагающих на нас «местный» отпечаток, к существованию универсально всеобщему». При этом такое «универсально всеобщее» предполагает стирание любых культурных различий. См.: [Бубнова 2019: 23-31]. Методика заполнения текстовых лакун продуктивна для выявления динамики этнокультурных стереотипов и явлений новой мифологизации (см., например, заполнение лакун в тексте традиционной народной культуры лексикой компьютерных игр и комиксов).

Литература

Барт Р. Лингвистика текста // Текст: аспекты изучения семантики, прагматики и поэтики. М., 2001. С.168-175

Бартминьский Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / пер. с польск. М.: Индрик, 2005.

Бекасова Е.Н. Креативность на грани сакрального и профанного в древнерусском тексте // Уральский филологический вестник / гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2020. № 2. С.239-256.

Бубнова И.А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат? // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2019. Вып. 17. С. 23-31.

Востриков О. В. Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 2. Народ-

ная свадьба. Вып. III. Народная эстетика. Семья и родство. Обряды и обычаи. Екатеринбург, 2000.

Гридина Т. А. Логика языкового парадокса в детской речи // Лингвистика креатива-2 / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012 (а). С. 5-33.

Гридина Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2012 (б). Вып.10. С.18– 34.

Коновалова Н.И. Фитонимика говоров Среднего Урала в системно-функциональном аспекте. Автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Москва, 1993. – 20 с.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003.

Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: «Искусство», 2002.

Норман Б. Ю. Основы психолингвистики. Курс лекций. Минск, 2011.

Плотникова А.М. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 63. № 1-2. С. 24-31.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: «Питер», 1999.

Стексова Т.И. К проблеме выбора одной из возможных синтаксических конструкций (по данным психолингвистического эксперимента) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2019. Вып. 17. С.190-199.

Толстая С. М. Стереотип в этнолингвистике // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конференции. М., 1995. С. 124–127.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Индрик, 1995.

Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: «Питер», 2002.

REFERENCES

Bart R. Lingvistika teksta // Tekst: aspekty izucheniya semantiki, pragmatiki i poetiki. M., 2001. S.168-175

Bartmin'skiy YE. Yazykovoy obraz mira: ocherki po etnolingvistike / per. s pol'sk. M.: Indrik, 2005.

Bekasova YE.N. Kreativnost' na grani sakral'nogo i profannogo v drevnerusskom tekste // Ural'skiy filologicheskiy vestnik / gl. red. T.A. Gridina. – Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 2020. – №. 2. S.239-256.

Bubnova I.A. Funktsional'naya negramotnost': neuchtennyye riski ili zaplanirovannyi rezul'tat? // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2019. Vyp. 17. S. 23-31.

Vostrikov O. V. Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskiy slovar' russkikh govorov Sverdlovskoy oblasti. Vyp. 2. Narodnaya svad'ba. Vyp. III. Narodnaya estetika. Sem'ya i rodstvo. Obryady i obychai. Yekaterinburg, 2000.

Gridina T. A. Logika yazykovogo paradoksa v detskoj rechi // Lingvistika kreativa-2 / Pod obshechey red. prof. T.A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2012 (a). S. 5-33.

Gridina T. A. Metodika zaversheniya vyskazyvaniya: strategii tekstoporozhdeniya // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2012 (b). Vyp.10. S.18-34.

Konovalova N.I. Fitonimika govorov Srednego Urala v sistemno-funktsional'nom aspekte. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk / Moskva, 1993. 20 s.

Krasnykh V. V. «SvoY» sredi «chuzhiKH»: mif ili real'nost'? M.: Gnozis, 2003.

Lotman YU. M. Istoriya i tipologiya russkoj kul'tury. SPb.: «IskusstvO», 2002.

Norman B. YU. Osnovy psikholingvistiki. Kurs lektsiy. Minsk, 2011.

Plotnikova A.M. Shirokoznachn-yye glagoly v sovremennom russkom yazyke // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarn-yye nauki. 2009. T. 63. № 1-2. S. 24-31.

Rubinshteyn S. L. Osnovy obshchey psikhologii. SPb.: «PiteR», 1999.

Steksova T.I. K probleme vybora odnoy iz vozmozhnykh sintaksicheskikh konstruksiy (po dannym psikholingvisticheskogo eksperimenta) // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2019. Vyp. 17. S.190-199.

Tolstaya S. M. Stereotip v etnolingvistike // Rechev-yye i mental'-n-yye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: tezisy konferentsii. M., 1995. S. 124–127.

Tolstoy N. I. Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoj mifologii i etnolingvistike. M. : Indrik, 1995.

Ukhtomskiy A. A. Dominanta. SPb.: «PiteR», 2002.

©Коновалова Н.И., 2021

Коновалова Надежда Ильинична – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281. E-mail: sakralist@mail.ru

Konovalova Nadezhda Il'ichna – Doctor of Philology, Professor of the Department of General Linguistics and the Russian Language, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Е. С. КРАСНОПЕРОВА
г. Екатеринбург, Россия
evgenial13@gmail.com

УДК 81'23
DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_13

КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕТСКОЙ РЕЧИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются различные методы изучения детской речи, используемые в современной онтолингвистике. Исследуется возможность применения корпусных методов в области детской речи. Поднимается вопрос о необходимых свойствах корпусов, отличающих их от коллекций текстов, дневниковых записей и словарей. Представлен обзор корпусов детской речи на русском языке. Особое внимание уделяется трудностям составления корпусов детской речи. Описана возможность составления электронного корпуса детской речи с грамматической разметкой на материале издания «Корпус детских высказываний» В. К. Харченко. Представлена авторская разработка такого корпуса с использованием программы автоматизированной морфологической разметки MyStem. Практическая значимость исследования видится в создании инструментария для исследования языковой способности ребенка.

Ключевые слова: онтолингвистика; корпусные исследования; детская речь; методы исследования; развитие речи; языковая способность.

KRASNOPEROVA EVGENIYA S.
Ekaterinburg, Russia

CORPUS STUDIES OF CHILDREN'S SPEECH: DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. The article examines various methods of studying children's speech used in modern ontolinguistics. The possibility of using corpus methods in the field of children's speech is being investigated. The question is raised about the necessary properties of corpora that distinguish them from collections of texts, diary entries and dictionaries. An overview of the corpora of children's speech in Russian is presented. Particular attention is paid to the difficulties of drawing up corpuses of children's speech. The

article describes the possibility of compiling an electronic corpus of children's speech with grammatical markup on the material of the publication "Corpus of children's utterances" by V. K. Kharchenko. The author's development of such a corpus is presented using the MyStem automated morphological marking program. The practical significance of the research is seen in the creation of tools for the study of the child's language ability.

Keywords: ontolinguistics; corpus research; children's speech; research methods; development of speech; language ability.

Изучение детской речи предполагает использование ряда методов: дневниковые записи, видео и аудиофиксация речевого поведения, психолингвистические эксперименты. Образцовое использование метода дневниковых записей представлено в работе А. Н. Гвоздева «От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений» [Гвоздев 2005], представляющей систематическую запись фактов детской речи. На основе этих наблюдений А. Н. Гвоздев создал первое систематическое описание процесса усвоения языка ребенком [Гвоздев 2007]. Методы дневниковых записей и различных способов фиксации речевого поведения ребенка остаются основными и продолжают активно использоваться в современной онтолингвистике. В частности, в трудах Санкт-Петербургской научной школы онтолингвистики представлен большой материал для исследований детской речи [Речь русского ребенка. Звучащая хрестоматия 1994; От нуля до двух 1997; От двух до трех 1998; Две девочки: Соня и Надя: 2001]. На основе этого материала создаются различные словари детской речи [Словарь детских словообразовательных инноваций 2001], появляются работы, исследующие процесс освоения языка ребенком, его возрастную динамику, индивидуальные особенности речевого развития детей и т.д.

Использование психолингвистических экспериментов в изучении перцептивной и продуктивной речи ребенка привело в том числе к созданию ряда уникальных словарей, представляющих различные аспекты языковой способности. Например, «Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции)» И. Г. Овчинниковой, Н. И. Бересневой, Л. А. Дубровской, Е.Б. Пенягиной, «Возрастная психолингвистика: Толковый словарь русского языка гла-

зами детей» А. Д. Палкина, «Мотивационный словарь детской речи» К. В. Гарганеевой, «Объяснительный словарь детских инноваций» Т. А. Гридиной [Овчинникова, Береснева 2000; Гуц 2004; Палкин 2004; Гарганеева 2007; Гридина 2012].

Относительно новым, вошедшим в арсенал лингвистической науки с развитием информационных технологий и повсеместным внедрением математических и статистических методов, стал метод корпусных исследований, позволяющий получать наборы статистически значимых показателей, устанавливать семантические, грамматические, стилистические и другие закономерности на большом массиве данных. В онтолингвистике использование корпусных методов позволяет получить статистически достоверные знания о процессе освоения ребенком языка и в перспективе расширить набор словарей детской речи на основе материалов корпусов.

На сегодняшний день созданы корпусы детской речи на английском (американский и британский варианты), немецком, испанском, французском, шведском, датском, китайском языках, существует международная база данных CHILDES (Child Language Data Exchange System, <https://chilides.talkbank.org>), где собраны записи детской речи для более чем 40 языков. Исследователи могут пользоваться размещенными материалами и пополнять базу данных. К сожалению, банк данных русскоязычных детей невелик и пополняется медленно из-за необходимости предварительной обработки материала по правилам этого ресурса.

Кроме указанных источников на русском языке существуют корпус вокализаций и речи детей первых трех лет жизни INFANT.RU, спонтанной и читаемой речи детей 4-7 лет жизни CHILD.RU, эмоциональной речи детей 4-7 лет Emo.Child.Ru, созданные группой по изучению детской речи СПбГУ [Ляско, Фролова 2017]. Эти аудиокорпусы, как и корпус детской письменной речи StartWrit [Ахапкина, Сосновцева 2017], не находятся в открытом доступе.

Отсутствие в открытом доступе готовых корпусов детской речи усложняет внедрение методов корпусной лингвистики в область изучения детской речи. Нами предпринята попытка создания ана-

лога такого корпуса для исследования, в первую очередь, грамматических закономерностей процесса освоения языка.

Этапы создания корпуса

1. Отбор материала.

Необходимость представления в корпусе таких текстов, которые наиболее полно демонстрируют лингвистическое явление, делают задачу создания корпуса детской речи достаточно сложной. Детская речь отражает процесс становления языковой способности ребенка, процесс овладения языком. Этот процесс динамичен, индивидуален и изменчив, проходит в разных коммуникативных условиях, поэтому набор текстов, репрезентирующий детскую речь, во-первых, должен охватывать определенную часть жизни ребенка, во-вторых, фиксация высказываний должна производиться регулярно, в-третьих, условия коммуникации, в которых высказывания порождаются, не могут быть однотипными. Большинство дневниковых записей детской речи охватывает определенный период в жизни ребенка (от нескольких месяцев до двух-трех лет), не являются сплошными (не охватывают все коммуникативные ситуации) и не ведутся регулярно.

2. Определение необходимого объема текстов.

Объем текста должен быть достаточен для репрезентации явления. Такой объем записей речи детей в большинстве случаев просто отсутствует.

3. Создание корпуса в электронном виде.

Электронный формат корпуса – это необходимое условие для работы с большими массивами информации, для автоматизации процессов обработки материала и для простоты и наглядности представления результатов работы. Электронный характер корпуса предполагает необходимость перевода имеющихся записей детской речи в текстовый формат.

4. Создание системы разметок.

Разметка – это обязательная составляющая корпуса, которая позволяет осуществлять навигацию по тексту, проводить анализ лингвистических явлений, зафиксированных в записях детской речи, обнаруживать количественные и качественные закономерности. Создание разметки является важнейшим этапом корпус-

ного исследования. Наличие разметки отличает корпус от дневниковых записей и коллекций текстов.

5. Постобработка.

Создание корпуса детских высказываний требует особого внимания к этапу постпроверки и постобработки. Обработка текстов для корпуса, создание разметки, грамматической, в первую очередь, производится с помощью специализированных программных средств. Автоматизированная обработка дает хороший результат, если текст приближен к языковой норме, но точность работы программы снижается при обработке аномальных текстов, таких как детские высказывания с большим количеством грамматических, фонетических, семантических инноваций.

В качестве источника материала для проекта корпуса детской речи нами был выбран «Корпус детских высказываний», созданный В. К. Харченко [Харченко 2012]. В этой работе представлены высказывания двух детей, фиксировавшиеся на протяжении семи лет наблюдения. Записи ввелись регулярно, фиксировались детские высказывания трех типов: спонтанная монологическая речь, диалог между ребенком и взрослым, диалог между детьми. Жанровое обозначение «корпус», выбранное автором, соответствует объему и характеру зафиксированного материала [Харченко 2012: 9]. В данном корпусе используется различная разметка: дата записи (*27 апреля 2008 г.*); комментарий составителя к ситуации: *Я леплю и вижу, что что-то не похоже. (Лепит ихтиозавра)*; квалификация лингвистического явления: *Аля мама! (инверсия)*; интерпретация высказывания: *Я учусь по пятёркам (на пятёрки)*; ненормативное ударение: *ЖУ-ка дай! Баб, а откуда ты знаешь, что коричневая – это гИллая трава?* [Харченко 2012: 2019-220]. Однако указанная авторская разметка является выборочной и смешанной (лингвистической и экстралингвистической). С точки зрения корпусных исследований этот источник нельзя рассматривать как корпус, скорее, как материал для его создания.

Представим основные шаги по созданию корпуса детской речи с грамматической разметкой и информацией, которую можно извлечь из него на первом этапе нашего исследования.

1. Перевод материала в электронный вид, выделение детских высказываний интересующего нас ребенка из всего зафиксированного материала. Для целей нашего исследования были отобраны высказывания детей в возрасте от двух до пяти лет.

2. Обработка материала.

Обработка осуществляется с помощью программы AntConc, мультиплатформенного инструмента для проведения лингвистических исследований. Данная программа позволяет находить все контексты интересующего нас слова, искать кластеры и N-граммы по заданным условиям, подсчитывать все слова в корпусе и представлять их в виде упорядоченного списка, отмечать необычно часто (или редко) встречающиеся в корпусе слова.

Определение частотности слов, как элемент количественного анализа, снабжает исследователя информацией разного типа. Частотный список слов может стать основой для создания частотного словаря детской речи или определения лексического ядра словарного запаса конкретного ребенка. Сопоставление частот слов позволяет отметить преобладание местоимения «я» в речи ребенка (на первой позиции по частоте в возрасте от двух до трех лет и от трех до четырех лет). Среди существительных и глаголов в речи ребенка от двух до трех лет самыми частотными оказываются термины родства, имена членов семьи и названия любимых игрушек, глаголы волеизъявления: *баб/баба, машина, мама, Вера, дядя, Лёвка, хочу, давай/дай, буду/не буду*. Расширение материала корпуса и ранжирование слов по частоте позволит сделать и менее очевидные наблюдения.

Возможность выделять и выстраивать в отдельный список все случаи употребления конкретного слова позволяет отследить становление и изменение лексического значения или грамматической формы слова, его устойчивую сочетаемость и типовые контексты употребления. Ниже представлены контексты употребления слова *машина* ребенком в возрасте от двух до трех лет:

- *Непонятая какая-то машина!*
- *Да это ещё машина с маминого детства лежит!*
- *Эта машина гудит. А пока она не гудит.*

- *Где машина? Во-от! А я не успел догадаться, где, машина!*
- *Эта машина приехала от пожара, с пожара!*
- *Машина меня тронула. Машина хорошая?*
- *Машина нагревается. Всё! Она нагрелась.*
- *Нашла самолёта? Машина хочет поднять самолёта.*
- *Ехала машина, все спали, только шофёр не спал.*
- *Всё! Машина сухая.*

Можно сделать предварительный вывод об усвоении ребенком грамматической категории рода применительно к этому слову. Можно посмотреть на ситуативные контексты употребления слова *машина* и выделить те, что связаны с ситуацией игры и игрушкой, и те, что связаны с транспортным средством. Таким образом, характер информации, которую можно получить с помощью этого инструмента, весьма разнообразен.

3. Выполнение автоматизированной грамматической разметки.

Разметка выполнялась программой MyStem (<https://yandex.ru/dev/mystem/>), которая проводит морфологический разбор всех единиц корпуса.

Пример разбора формы существительного *машина*:
`<w>машина<analex="машина" gr="S,жен,неод=им,ед" /></ w>;`
`<w>буду<analex="быть" gr="V,нп=непрош,ед,изъяв,1-л" /></w>.`

Грамматическая разметка позволяет выявлять грамматические закономерности развития детской речи, отслеживать процесс формирования отдельных грамматических категорий, выявлять функциональные грамматические системы на каждом из разных возрастных периодов.

4. Постобработка.

Необходимость проверять результаты работы программы автоматизированной разметки связана с возможностью квалификации одной и той же словоформы по разным грамматическим признакам. Например, словоформа *большие* может быть квалифицирована как форма именительного или винительного падежа множественного числа прилагательного «большой» (`<w>большие<analex="большой" gr="A= (вин,мн,полн,неод|им,мн,полн)" /></w>`).

Кроме того, на материале детской речи программы морфологического анализа работают менее точно из-за большого количества детских грамматических инноваций: Хочу всё *разбРО-сить*. Всё *разбРОсил!* Она *вЫГружила*, она *вЫГружила...* Нет, я *растЮ!* Такие инновации могут квалифицироваться верно, могут неверно и нуждаются в постпроверке вручную.

Изучение детских инноваций является важной частью онтолингвистических исследований, описывающих не только лингвистические механизмы усвоения языка, но и доминанты детского языкового сознания (см., «Объяснительный словарь детских инноваций», «Своя игра»: ребенок в мире языка» Т. А. Гридиной [Гридина 2012, 2015]). Отбор и определение программой некоторых грамматических инноваций как «неправильных», «неквалифицируемых» дает дополнительный материал для таких исследований.

Таким образом, как мы попытались показать в данной статье, корпус детской речи может стать важным инструментом исследования языковой способности ребенка, источником разнообразной информации о процессе овладения языком.

Литература

Ахапкина Я. Э., Сосновцева Е. Г. Корпус детской письменной речи: StartWrit // Проблемы онтолингвистики – 2017. Освоение и функционирование языка в ситуации многоязычия : Материалы ежегодной международной научной конференции, Санкт-Петербург, 26–28 июня 2017 года, СПб.: ЛИСТОС, 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30048197> (дата обращения: 09.04.2021).

Гарганеева К. В. Мотивационный словарь детской речи. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007.

Гвоздев А. Н. Вопросы изучения детской речи. СПб.: Детство-Пресс, 2007.

Гвоздев А. Н. От первых слов до первого класса. Дневник научных наблюдений. М.: КомКнига, 2005.

Гридина Т. А. Объяснительный словарь детских инноваций: монография и словарь / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2012.

Гридина Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: Монография. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2015.

Гуз Е. Н. Ассоциативный словарь подростка. Омск: Ом. гос. ун-т, 2004.

Две девочки: Соня и Надя: дневниковые записи / сост.: О. А. Юнтунен, О. Б. Сизова; отв. ред. С. Н. Цейтлин. СПб.: Тускарора, 2001.

Ляксо Е. Е., Фролова О. В., Григорьев А. С., Остроухов А. В. Корпуса детской речи "infant.Ru", "infant.MAVS", "child.Ru", "EmoChildRu" на материале русского языка и их использование в исследованиях речевого онтогенеза // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 3. № 1. С. 28-58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29161390> (дата обращения: 09.04.2021).

От двух до трех: дневниковые записи / сост.: С. Н. Цейтлин, М. Б. Елисеева. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.

От нуля до двух: дневниковые записи / сост. С.Н. Цейтлин. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1997.

Овчинникова И. Г., Береснева Н. И., Дубровская Л. А., Пенягина Е. Б. Лексикон младшего школьника (характеристика лексического компонента языковой компетенции). Пермь, 2000.

Палкин А. Д. Возрастная психоллингвистика: Толковый словарь русского языка глазами детей. М., 2004.

Речь русского ребенка: Звучащая хрестоматия / сост.: Т. В. Кузьмина, Э. И. Столярова, С. Н. Цейтлин. СПб.: Бохум, 1994.

Харченко В. К. Корпус детских высказываний. М.: Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2012.

Цейтлин С. Н. Словарь детских словообразовательных инноваций. Munchen, 2001.

Цейтлин С. Н. Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.

REFERENCES

Akhapkina YA.E., Sosnovtseva YE.G. Korpus detskoj pis'mennoj rechi: StartWrit // Problemy ontolingvistiki – 2017. Osvoeniye i funktsionirovaniye yazyka v situatsii mnogoyazychiya: Materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 26–28 iyunya 2017 goda, SPb.: LISTOS, 2017. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=30048197>(data obrashcheniya: 09.04.2021).

Garganeyeva K.V. Motivatsionny slovar' detskoj rechi. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2007.

Gvozdev A.N. Voprosy izucheniya detskoj rechi. SPb.: Detstvo-Press, 2007.

Gvozdev A.N. Ot pervykh slov do pervogo klassa. Dnevnik nauchnykh nablyudeniy. M.: KoMKniga, 2005.

Gridina T.A. Ob"yasnitel'nyy slovar' detskikh innovatsiy: monografiya i slovar' / Ural. gos. ped. un-t. Yekaterinburg, 2012.

Gridina T.A. «Svoja igrA»: rebenok v mire yazyka: Monografiya. Ye-katerinburg: FGBOU VPO «Ural. gos. ped. un-T», 2015.

Guts YE. N. Assotsiativnyy slovar' podrostka. Omsk: Om. gos. un-t, 2004.

Dve devochki: Sonya i Nadya: dnevnikov·yye zapisi / sost.: O.A. Yuntunen, O.B. Sizova; otv. red. S.N. Tseytlin. SPb.: Tuskarora, 2001.

Lyakso YE. YE., Frolova O. V., Grigor'yev A. S., Ostroukhov A. V. Korpusa detskoj rechi "infant.Ru", "infant.MAVS", "child.Ru", "EmoChildRu" na materiale russkogo yazyka i ikh ispol'zovaniye v issledovaniyakh rechevogo ontogeneza // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2017. T. 3. № 1. S. 28-58. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29161390> (data obrashcheniya: 09.04.2021).

Ot dvukh do trekh: dnevnikov·yye zapisi / sost.: S.N. Tseytlin, M.B. Yeliseyeva. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1998.

Ot nulya do dvukh: dnevnikov·yye zapisi / sost. S.N. Tseytlin. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 1997.

Ovchinnikova I.G., Beresneva N.I., Dubrovskaya L.A., Penyagina YE.B. Leksikon mladshhego shkol'nika (kharakteristika leksicheskogo komponenta yazykovoy kompetentsii). Perm', 2000.

Palkin A.D. Vozrastnaya psikholingvistika: Tolkovyy slovar' russkogo yazyka glazami detey. M., 2004.

Rech' russkogo rebenka: Zvuchashchaya khrestomatiya / sost.: T.V. Kuz'mina, E.I. Stolyarova, S.N. Tseytlin. SPb.: Bokhum, 1994.

Kharchenko V.K. Korpus detskikh vyskazyvaniy. M.: Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2012.

Tseytlin S. N. Slovar' detskikh slovoobrazovatel'nykh innovatsiy. Munchen, 2001.

Tseytlin S. N. Ocherki po slovoobrazovaniyu i formoobrazovaniyu v detskoj rechi. M.: Znack, 2009.

©Красноперова Е.С., 2021

Красноперова Евгения Сергеевна – аспирант кафедры общего языкознания и русского языка. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, 281.

E-mail: evgenia113@gmail.com

Krasnoperova Evgeniya Sergeevna – Postgraduate at the Department of General Linguistics and Russian Language. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Н. В. КУЛАКОВА

г. Красноярск, Россия

kulakova-nv@yandex.ru

УДК 81'23

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_14

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЫЯВЛЕНИЯ МНОГОПЛАНОВОСТИ ЛЕКСИЧЕСКИХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫХ СЛОВ

Аннотация. В статье представлены результаты ассоциативного эксперимента, направленного на выявление сущности вербальных ассоциаций и особенностей их порождения на окказиональные слова – стимулы (хрумка, храбришка, хитренок) в условиях эмпирического исследования, которое проводилось с учениками в начальной школе г. Красноярска. В процессе познания органы чувств, обеспечивая разноплановые ощущения, создают условия для возникновения широкого спектра ассоциаций, которые способствуют пониманию связей между различными событиями, явлениями, предметами. Ассоциации, оставляя «следы» в мозге, отражают уровень личного опыта и познания учеников начальной школы. Исследование ассоциативного поля словообразовательных окказионализмов позволило выявить вариативность репрезентаций, отражающих данные связи и ведущий признак, характеризующий внутреннюю форму новообразования. Интерес представляют малочастотные и единичные ассоциаты, отражающие специфику субъективных связей, которые устанавливает ребенок.

Ключевые слова: ассоциативные эксперименты; окказиональные слова; младшие школьники; многоплановость репрезентаций; лексические репрезентации.

KULAKOVA NATALYA V.

Krasnoyarsk, Russia

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A TOOL FOR REVEALING THE DIVERSITY OF LEXICAL REPRESENTATIONS OF OCCASIONAL WORDS

Abstract. The article presents the results of an associative experiment aimed at identifying the essence of verbal associations and the peculiarities of their generation on occasional words - stimuli (khrumka, brave, cunning) in the conditions of an empirical study that was carried out with students in an elementary school in Krasnoyarsk. In the process of cognition, the senses, providing diverse sensations, create conditions for the emergence of a wide range of associations that contribute to understanding the connections between various events, phenomena, objects. Associations, leaving "traces" in the brain, reflect the level of personal experience and cognition in elementary school students. The study of the associative field of derivational occasionalisms allowed us to reveal the variability of representations that reflect these connections and the leading feature that characterizes the internal form of a neoplasm. Of interest are low-frequency and single associates, reflecting the specifics of the subjective connections that the child establishes.

Keywords: associative experiments; occasional words; junior school-children; diversity of representations; lexical representations.

Особая роль в процессе познания отводится теории ассоциаций, обеспечивающей воспроизведение предметов и явлений действительности в их взаимосвязи [Сеченов 1952; Леонтьев 1977]. Отражая пространственно-временные отношения, сходство, противоположность, причинно-следственные отношения, ассоциативные связи могут носить не только временный, но и постоянный характер [Юнг 1994: 46-49]. Ассоциация, возникающая между словом-стимулом и словом-реакцией (первым пришедшим в голову словом) на основе одного ведущего признака, нередко ориентирована на внутреннюю форму слова [Гридина 2014; Караулов 1993; Мартинович 1989, 1990]. Исследуя проблему слова, Н. В. Крушевский указывал на необходимость использования ассоциативного подхода в процессе овладения словарным составом языка, поскольку мир слов соответствует миру мыслей, в котором действует закон ассоциаций [Крушевский 1883]. Особый интерес в плане изучения ассоциативных связей представляют окказиональные слова как продукты реализации речетворческого потенциала языка [Гридина 2013]. Благодаря своей экспрессивности, такие новообразования способны вызывать широкий спектр ассоциаций [Гридина 2014, 2018; Кулакова 2020].

С целью выявления многоплановости лексических репрезентаций окказиональных слов нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент. Ученикам 3 «Б» (24 чел.) и 2 «Г» (20 чел.) классов г. Красноярска в качестве стимульного материала были предъявлены *окказионализмы хрумка, храбришка, хитрёнок*, которые, с нашей точки зрения, могли вызвать широкий спектр ассоциаций у младших школьников. Ученикам предлагалось записать по 3 слова-реакции на данные слова-стимулы.

В результате работы были получены следующие реакции:

1. *Хрумка*

В 3-м классе в большей степени представлены словообразовательные ассоциации, основанные на единстве корня стимула и реакции.

Возможно, знания о словообразовательных моделях, усвоение «языковых алгоритмов», тип мышления (см. об этом [Гридина 2018: 24; Коновалова 2015]) повлияли на подобные реакции.

1. Ассоциаты, связанные с сегментом ХРУМ: хрум (2) – звукоподражание, имитирующее процесс еды; хрумкает (2); хрумкать (1) – ломаться/надламываться, а также есть, раскусывая или разгрызая с хрустом; хрумкаю (1); хрумтят (1). Необходимо отметить, что некоторые учащиеся включились в языковую игру, основанную на знании «системы единиц языка, норм их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» [Санников 1999: 15], предложив следующие варианты ассоциатов: хрумёнок (1) – суффикс -ёнок- указывает на незрелость обозначаемого понятия; хрумышка (1) – суффикс -ышк- вносит в значение слова уменьшительно-ласкательный оттенок; хрумчатый (1) – суффикс -ат- указывает на то, что предмет обладает признаком, названным производящим словом; хрумтяшки – в слове-реакции осознается наличие признака благодаря суффиксу -яшк-; хрушки (1) – прослеживается аналогия со словом хрюшки (свинюшки) с фонетической заменой элемента [хрүшка] – хрушка; хрумки (1) – изменена только форма словообразования.

2. Ассоциаты, связанные с сегментом ХРУСТ: хруст (6) – глухой звук, треск при разрушении чего-либо сухого, ломкого;

хрустеть (4); хрустящий (3); хрустят (2); хрустелки (1) – суффикс -лк- указывает на лицо, выполняющее действие. Ассоциаты, связанные с «качеством» называемого объекта: хрупкий (1) – ломкий, легко распадающийся на части.

Установление ассоциативных аналогий позволило учащимся предложить следующие варианты связи:

1. Ассоциаты, связанные с предметами, издающими звуки, похожими на хруст: а) одушевленные имена существительные: хомяк (2); кролик (2); заяц (1); крыса (1); грызун (1); утенок (1); имя свинки (1); мурка (1); ребенок (1); б) пищевые продукты: хлопья (2); конфета (1); морковь (1); хурма (1); в) посуда: блюдце (1) и рюмка (1) – предметы, которые являются одновременно твердыми и ломкими.

2. Ассоциаты, связанные с темой «еда»: обжора (1); вкусный (1); вкус (1).

3. Название компании (1).

4. Ассоциаты, связанные с выделением сегмента УМКА (5) в отдельное слово. Предполагаем, что экстралингвистические знания нашли отражение в данном варианте. (Умка – белый медвежонок, персонаж мультфильма «Умка».) Один человек привел слово-реакцию – ум.

5. Синтагматический ассоциат: желтый (1) – цвет шкурки животного, который грызет, издавая хрустящий звук.

6. Фонетические ассоциаты (созданные по принципу рифмовки-отзвучия): мумка (1); сумка (2); думка (2); лумка (1); дудка (1).

Трудно распознаваемые связи представлены в 3 реакциях: дуйка (1); хохотушка (1); путка (1).

Во втором классе также высокочастотно представлены словообразовательные ассоциации:

1. Ассоциаты, связанные с сегментом ХРУМ: хрумкаю (2); хрум (1); хрумкий (1); хрумкая (1).

2. Ассоциаты, связанные с сегментом ХРУСТ: хрустит (4); хруст (3); хрустеть (1); хрустик (1).

3. Ассоциаты, связанные с качеством: хрупкий (1).

Ассоциативные аналогии отмечены в следующих вариантах связи:

1. Ассоциаты, связанные с предметами, издающими звуки, похожими на хруст: а) одушевленные имена существительные: собачка (3); мурка (2) хомячок (2); мишка (1); бобер (1); хорёк (1); б) пищевые продукты: хлопья (1); орех (2); гриб (1); в) неодушевленные имена существительные: снег (1) (хрустит/ скрипит под ногами); карандаш (1) и трубка (2) (ломается – хрустит).

2. Ассоциаты, связанные с выделением сегмента УМКА (4) в отдельное слово).

Интересны малочастотные реакции, отражающие субъективные связи, которые устанавливают участники эксперимента: рубка (1) – действие, направленное на разделение на части, сопровождаемое хрустом; мех (1) – волосяной покров на теле зайцеобразных, грызунов, псовых, кошачьих, способных издавать хрустящие звуки в процессе еды; мука (2) – составляющая многих продуктов; имя (2); фамилия (1); шутка (1) – ребенок воспринимает новообразование как игру слов, направленную на развлечение; злюка (1) – в порыве злости кто-то может разрушать, ломая. Фонетические ассоциаты: жмурка (1). В 3-х реакциях представлены трудно распознаваемые связи: харабль (1); дневник (1); ход (1).

II. Храбришка

В 3-м классе учащиеся предложили варианты ассоциатов, основанных на единстве корня стимула и реакции: храбрый (11); храброе (1); храбрец (5); храбрость (3); храбрится (1); не храбрый (1). Ученики включились в языковую игру, предложив варианты – храбрёнок (4); храбруля (1) – суффикс -ул- указывает на лицо, которое характеризуется признаком, названным производящим словом.

Ассоциативные аналогии отмечены в следующих вариантах связи:

– ассоциаты, которым присуще качество, названное производящим словом: а) люди: мальчик (7); мужчина (1); человек (1); спасатель (1); охрана (1); герой (1); Мишка (1); Динка (1); Маришка (1); б) животные: заяц (3) – знание сказки «Про храброго Зайца-длинные уши, косые глаза, короткий хвост» Д. Н. Мамина-Сибиряка могло повлиять на частоту ассоциаций; волк (1);

петух (1); львенок (1); тигр (1); медведь (1); мышка (1); мишка (1); щенок (1);

– парадигматический ассоциат: трусишка (1) – антоним;

– синтагматические ассоциаты: смелый (1); сильный (1); шустрый (1); быстрый (1). Темнота (1) – смелый (храбрый), тот, кто не боится фобии – темноты;

– фонетические ассоциаты (созданные по принципу рифмовки-отзвучия): пышка (1); базаришко (1); малвишко (1); лютишко (1); доминишко (1); тропишка (1); биришка (1). Трудно распознаваемые связи представлены в 3-х реакциях: клубника (1); бибиха (1); белый (1).

Во 2-м классе учащиеся предложили варианты ассоциатов, основанных на единстве корня стимула и реакции: храбрый (11); храбрец (2); храбрость (1).

Ассоциативные аналогии представлены следующими примерами ассоциатов, называющих носителей качества, обозначенного производящим словом: а) люди: мальчишка (4); человек (2); мужчина (1); военный (1); б) животные: заяц (2); волк (2); собака (1); мартышка (1); хорек (1); зайчишка (1); кошка (1); мишка (1); щенок (1); кротишка (1); в) действия, в которых проявляется качества: защита (1), помочь (1).

Синтагматический ассоциат: хитрый (1).

Трудно распознаваемые связи представлены в 5-ти реакциях: тетрадь (1); пенал (1); гриб (2); хрустит (1).

III. *Хитрёнок*

Учащиеся 3-го класса представили следующие варианты однокоренных со стимулом ассоциаций: хитрый (10), хитрость (4); хитрая (1); хитрого (1); хитрое (1); хитрит (1); хитренький (1); хитрюга (1); хитер (1). При этом ребята, вовлеченные в языковую игру, предложили следующие варианты: хитрята (1); хитреньш (4) – суффикс -ёнш- использован для номинации детеныша; хитруля (1) – суффикс -ул- указывает на лицо, которому присущ признак; хитрёна (1) – морфема -ён- обозначает лицо по признаку; хитрица (1), ср. формальную аналогию со словом лисица; хитрёнка (1), ср.: сестрёнка.

Ассоциативные аналогии: ассоциаты, обозначающие а) живых существ, которым присуще «качество хитрости»: лисёнок

(7); тигрёнок (2); ребёнок (2); детёныш (2); слонёнок (2); мальчонок (1); старичок (1); зайчонок (1); кошка (1); котёнок (1); мышонок (1); поросёнок (1); бельчонок (1); енот (1); ягнёнок (1); маг (1); б) место обитания: лес (1); в) цвет: оранжевый (1) – оттенок цветовой гаммы шкурки лисы и некоторых др. представителей фауны, обладающих хитростью как качеством; г) действие: обман (1). Ассоциаты, выступающие в роли синонимов к слову хитрёнок: обманщик (2); врун (1). Представлены варианты фонетических ассоциатов: малёнок (1); маслёнок (1); молодёнок (1); милёнок (1); дюмонок. В 2-х реакциях представлены трудно распознаваемые связи: камень (1); рогатка (1).

Во 2-м классе зафиксированы следующие примеры однокоренных со словом-стимулом ассоциатов: хитрый (10); хитрец (1); хитрит (1).

Ассоциативные аналогии: ассоциаты, обозначающие а) жи-вых существ, которым присуще «качество хитрости»: лиса (7); белка (4); мышонок (3); котёнок (3); бурундук (3); лисёнок (2); лис (1); птица (2); енот (1); волчонок (1); гусёнок (1); хорёк (1); волк (1). Синтагматическая ассоциация: хищный (1); б) действие: обманывать (1). В 3-х реакциях представлены трудно распознаваемые связи: холодильник (1); портфель (1); зонт (1).

Таким образом, ассоциативный эксперимент позволил выявить способность окказиональных слов вызывать многоплановые репрезентации. Если мозг, впервые «встречаясь» с лексемой, не понимает смысла, он пытается из бессмысленной череды звуков/букв выделить хоть какие-нибудь ассоциации или знакомые паттерны, так как разум не любит неопределенностей. Несомненно, что и процесс распознавания признаков знакомых предметов, и связь свойств разных предметов зиждется на ассоциациях, возникающих в процессе познания благодаря различным органам чувств, обеспечивающим разноплановые ощущения. Учащиеся фиксировали ассоциации, которые связывались с определенными сегментами в окказионализмах (морфемы, последовательность фонем /графем), обладающими, с их точки зрения, большей информативностью. В процессе работы мы отметили, что в восприятии учащихся 3-го и 2-го классов ассоциаты, связанные с новообразованиями, во многом совпа-

дают, что указывает на системность специфических закономерностей в отношениях, существующих между словом-стимулом и словом-реакцией.

Литература

Гридина Т. А. Вербальная креативность ребенка: от истоков словотворчества к языковой игре: монография. 2-е изд. испр. и доп. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2018. 272 с.

Гридина Т. А. Ассоциативные проекции детских словотворческих инноваций и тренинги вербальной креативности // Лингвистика креатива-3 / Под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург, 2014. С. 14-75.

Гридина Т. А. Лингвокреативные стратегии семантизации слова и освоение операциональной техники языковой игры в онтогенезе: экспериментальные данные // Педагогическое образование в России. 2014. №5. С.153-159.

Гридина Т. А. Образность детской речи в свете репрезентативных модальностей восприятия // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Екатеринбург, 2013. Вып. 11. С. 85-96.

Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // Лингвистика креатива: коллективная моногр. / Под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. 2-е изд. Екатеринбург, 2013. 368 с.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1993.

Коновалова Н. И. Психодиагностика речевой способности. Екатеринбург, 2015.

Крушевский Н. В. Очерк науки о языке. Казань, 1883. 148 с.

Кулакова Н. В. Потенциальная вариативность словотворческих игр // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 187-198.

Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977.

Мартинович Г. А. Вербальные ассоциации и организация лексикона человека // Филологические науки. 1989. № 3.

Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143-146.

Санников Я. З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки русской культуры. 1999.

Сеченов И. М. Избранные произведения. Т 1. М., 1952.

Юнг К. Аналитическая психология. М., 1994.

REFERENCES

Gridina T.A. Verbal'naya kreativnost' rebenka: ot istokov slovotvorchestva k yazykovoy igre: monografiya. 2-e izd. ispr. i dop. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t., 2018. 272 s.

Gridina T.A. Assotsiativnyye proyeksii detskikh slovotvorcheskikh innovatsiy i treningi verbal'noy kreativnosti //Lingvistika kreativa-3. / Pod obshchey red. T.A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2014. S. 14-75.

Gridina T. A. Lingvokreativnyye strategii semantizatsii slova i osvoyeniye operatsional'noy tekhniki yazykovoy igry v ontogeneze: eksperimental'n-yye dannyye // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2014. №5. – S.153-159.

Gridina T. A. Obraznost' detskoj rechi v svete reprezentativnykh modal'nostey vospriyatiya // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. Yekaterinburg, 2013. Vyp. 11. S. 85-96.

Gridina T. A. K istokam verbal'noy kreativnosti: tvorcheskiye evristiki detskoj rechi // Lingvistika kreativa: kollektivnaya monogr. / Pod obshchey red. prof. T.A. Gridinoy. 2-e izd. Yekaterinburg, 2013. 368 s.

Karaulov YU. N. Assotsiativnaya grammatika russkogo yazyka. M., 1993.

Konovalova N.I. Psikhodiagnostika rechevoy sposobnosti. Yekaterinburg, 2015.

Krushevskiy N.V. Ocherk nauki o yazyke. Kazan', 1883. 148 s.

Kulakova N.V. Potentsial'naya variativnost' slovotvorcheskikh igrem // Ural'skiy filologicheskij vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2020. № 2. S. 187-198.

Leont'yev A. A. Obshchiye svedeniya ob assotsiativnykh i assotsiativnykh normakh // Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka. M., 1977.

Martinovich G. A. Verbal'nyye assotsiatsii i organizatsiya leksikona cheloveka // Filologicheskoye nauki. 1989. № 3.

Martinovich G. A. Tipy verbal'nykh svyazey i otnosheniy v assotsiativnom pole // Vopr. psikhol. 1990. № 2. S. 143 –146.

Sannikov YA. Z. 1999. Russkiy yazyk v zerkale yazykovoy igry. M.: Yazyki russkoy kul'tury.

Sechenov I.M. Izbrannyye proizvedeniya. T1. M., 1952.

Yung K. Analiticheskaya psikhologiya. M., 1994.

©Кулакова Н.В., 2021

Кулакова Наталья Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (Красноярск, Россия). Адрес: 660010, Россия, г. Красноярск, ул. Победимова, 15, 71. E-mail: kulakova-nv@yandex.ru

Kulakova Natal'ya Vasil'evna – Candidate of Pedagogical Sciences, Docent of the Department of the Russian Language and Methods of its Teaching, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyeva (Krasnoyarsk, Russia).

Л. В. ПАХОМОВ

г. Пермь, Россия

pahomov_l@mail.ru

УДК 81'373.612.2:81'42

DOI:10.26170/2306-7462_2021_02_15

АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕНИЯ В МЕТАФОРИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ

Аннотация. В статье рассматривается акустический аспект пения, связанный как с физическими законами, так и с физиологическим строением человека. При изменении работы вокального аппарата при пении меняется качество звучания голоса, т.е. изменяются акустические характеристики пения. На занятиях по вокалу преподаватели используют метафору – механизм, который позволяет описывать и осмысливать пение как акустико-физиологический процесс, основанный на ощущениях. При постановке голоса педагоги обращаются не к объективным акустическим характеристикам звучания голоса вокалиста (частота колебания, сила, время звучания, спектр звука), а к метафорически осмысленным (общее качество звука, сила звука, тембр, регулярность волны, воздушная среда, высота звука, темп), которые входят в область-мишень вокальной метафоры. Вокальные метафоры, описывающие акустические характеристики пения, представлены примерами из речи преподавателей сольного пения.

Ключевые слова: вокальные метафоры; когнитивные метафоры; постановка голоса; пение; акустико-физиологические процессы; акустика пения.

PAKHOMOV LEONID V.

Perm, Russia

ACOUSTIC ASPECT OF SINGING IN METAPHORIC CONCEPTUALIZATION

Abstract. The article deals with the acoustic aspect of singing. This aspect is associated with both physical laws and the physiological structure of a person. When the work of the vocal apparatus changes, the sound quality

of the voice becomes different, i.e. the acoustic characteristics of the singing change. For vocal lessons, teachers use a metaphor – a mechanism that allows them to describe and comprehend singing as an acoustic-physiological process based on sensations. Thus, objective acoustic characteristics, such as vibration rate, sound volume, recording time, sound spectrum, are represented by the slots of vocal metaphors “Sound quality”, “Sound intensity”, “Timbre”, “Wave regularity”, “Airflow”, “Sound pitch”, “Tempo”. The vocal metaphors describing the acoustic characteristics of singing are illustrated with examples from the speech of solo singing teachers.

Keywords: vocal metaphors; cognitive metaphors; voice staging; singing; acoustic and physiological processes; singing acoustics.

Пение, или процесс вокализации, представляет собой использование голосового аппарата для произведения звуков. Певческий процесс относится к произвольным действиям, т. е. тем проявлениям физической активности певца, которые им осознаются и могут быть изменены по его усмотрению [Юшманов 2002: 11]. Процесс вокализации основан на ощущениях певца: слуховых, вибрационных, зрительных, мышечных и т. д. Постановка голоса связана с развитием динамических двигательных навыков, предполагающих определение оптимального положения органов, согласованную работу всех элементов певческого аппарата. В процессе изменения физиологического состояния и работы голосового аппарата меняется качество звучания голоса, т.е. изменяются акустические характеристики пения. Перед педагогом стоит задача объяснить взаимосвязь ощущений и работы органов голосового аппарата для раскрытия всего возможного потенциала звучания голоса ученика.

Пение является акустическим явлением, связанным как с физическими законами, так и с физиологическим строением человека. Пение и речь как акустические явления описываются одинаковыми характеристиками, однако величина показателей этих характеристик, как и важность их для речевой и певческой деятельности, различна.

Акустика речи исследует такие характеристики звуков речи, как частота колебания, сила, время звучания звука, его спектр, которые, соответственно, воспринимаются человеком как высота, громкость, длительность и тембр [Бондарко, Вербицкая,

Гордина 2004]. С точки зрения акустики пения выделяют интонационную, динамическую, тембральную и временную характеристики звука [Нейман 2001] или однородность тембра, звуковысотную и динамическую устойчивость на всем диапазоне [Юшманов 2002: 44].

Высота музыкального тона при пении, так же как высота голоса при речи, связана с частотой звуковых колебаний, измеряемой в герцах (Гц): чем чаще колебания воздуха, тем выше кажется звук. Повышение частоты колебаний связано с длиной и степенью натяжения голосовых связок. Принципиальных различий в процессах формирования высоты голоса при пении и речи нет, однако ширина частотного диапазона при пении значительно больше, чем при говорении. Статистически установлено, что мужчины говорят, как правило, на частоте 85–200 Гц, а женщины – на частоте 160–340 Гц [Бондарко 1977: 18]. При мужском пении на самой низкой ноте (mi большой октавы) голосовые связки баса колеблются с частотой всего лишь 82 Гц, а на самой высокой теноровой ноте (do второй октавы) – с частотой 523 Гц. Голосовые связки женщин могут колебаться с частотой от 165 Гц (mi первой малой октавы у контральто) до 1397 Гц (fa третьей октавы у колоратурного сопрано) [Морозов 2002: 35].

К интонационной характеристике относится точность или чистота звуковысотного интонирования. Изменение высоты основного тона голоса в процессе обычной речи определяет интонацию предложения (вопрос, восклицание и т.д.) [Зиндер 2007; Светозарова 1982 и др.]. При пении звуковысотность определена нотацией и зависит от строения музыкальной фразы.

Важной характеристикой певческого голоса является его динамический диапазон, т.е. возможности певца варьировать звучание от наиболее тихого (но, тем не менее, различимого для слушателя) до самого громкого (однако не переходящего в крик). Громкость звука обычно измеряется в децибеллах (дБ). Громкость шепотной речи составляет около 40 дБ, обычного голоса – 60 дБ, крика – 80 дБ [Бондарко 1977]. При пении громкость составляет 100 дБ и даже может доходить до 120 дБ [Морозов 1967].

Характеристики времени звучания речевых звуков зависят от многих параметров, но прежде всего от средних языковых характеристик и от индивидуального темпа речи говорящего. При этом гласные обыкновенно в полтора – два раза длиннее согласных (за исключением долгих согласных и геминат) [Златоустова 1954]. При пении вокальные звуки, т.е. гласные и сонорные согласные [Якобсон, Фант, Халле 1962], несут важную нагрузку с точки зрения голосообразования и их длительность зачастую может значительно превышать речевую длительность этих же звуков. Совершенно очевидно, что длительность звуков при пении зависит от темпо-ритмических характеристик исполняемой мелодии. Возможности же управления темпом речи обеспечиваются «ровностью создаваемого музыкантом воздушного потока» [Юшманов 2002: 44].

Тембр голоса – это восприятие спектра звука. С акустической точки зрения спектр звука представляет собой характеристику сложного колебательного движения, которая учитывает соотношение частот и амплитуд составляющих сложного колебания (частоты основного тона и обертонов), формируемых резонаторами, причем частоты формант «задаются конфигурацией речевого тракта, и свойства источника на них не влияют» [Бондарко 1977: 25]. При речепроизводстве от тембра зависит различение произносимых звуков (т.е. то, какой конкретно звук, например, [a] или [u], [s] или [š], произносится); и этим ограничиваются собственно лингвистические функции тембра.

При пении функции тембра значительно шире. К тембральной характеристике голоса относится вокальная позиция; степень выравненности и «округленности» гласных; плавность регистровых переходов; качество певческого вибрато; характер озвученности певческих резонаторов (грудного и головного). О роли резонаторов в певческой деятельности В. П. Морозов пишет следующее: «Гортань становится как бы прозрачной для звуковых волн, синхронно резонирующих в верхнем и нижнем резонаторах, т.е. обеспечивается хорошая акустическая связь между этими резонаторами» [Морозов 2002: 156].

Таким образом, акустические характеристики, такие как частота колебания, сила, время звучания звука, его спектр, харак-

терны как для речевой, так и для певческой деятельности. Однако при пении шире динамический и звуковысотный диапазон. Время же звучания и интонирование при пении зависят от строения музыкальной фразы. Кроме того, важнейшую роль в певческой деятельности играет резонанс, от которого зависят тембральные характеристики голоса.

В практике преподавания вокала педагоги и учащиеся сталкиваются с трудностями, связанными с тем, что работу голосового аппарата без применения специальной аппаратуры и терминологии описать непросто. Кроме того, акустические характеристики звучания голоса, субъективно воспринимаемые педагогом на основе слуховых ощущений, должны быть объяснены студенту в связи с его физиологическими действиями и комплексом ощущений при пении. Поэтому как преподавателю вокала, так и вокалисту необходим механизм, который позволяет описывать и осмыслять пение как акустико-физиологический процесс, основанный на ощущениях. Таким механизмом является метафоризация – когнитивный процесс, в ходе которого выражаются и формируются «абстрактные понятия, непосредственно ненаблюдаемые мыслительные пространства через сходство с более простыми или с конкретно наблюдаемыми мыслительными пространствами» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 55].

В настоящей работе вводится понятие вокальной метафоры – особого типа метафоры, реализующегося в вокально-педагогическом дискурсе, описывающего физиологические действия и ощущения певца при постановке голоса, а также акустические характеристики звучания голоса.

Материалом для исследования послужили расшифровки записей 8-ми уроков по сольному пению четырех преподавателей вокала Пермского государственного института культуры (общим объемом более 10 тыс. словоупотреблений). Объем исследованного материала составил 465 вокальных метафор / метафорических выражений. Общее число метафор, употребленных преподавателями вокала в записанных уроках, составило 465 единиц (метафорических выражений).

Структура вокальной метафоры анализировалась методом фреймовой семантики. Модель строится на основании выделения фреймов каждой области и выделения слотов каждого фрейма. При определении набора слотов вокальных метафор мы опирались на данные идеографических словарей «Большой толковый словарь русских существительных» [2005] и «Большой толковый словарь русских глаголов» [2007] под редакцией Л. Г. Бабенко.

В результате исследования было выделено 2 фрейма области-источника («ДЕЙСТВИЕ» и «ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ») и 2 фрейма области-мишени («ФИЗИОЛОГИЯ ПЕНИЯ» и «АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА») в структуре вокальной метафоры. Область-мишень отражает специфику дискурса и репрезентирует наиболее значимые стороны пения – физиологическую и акустическую.

Приведем результаты анализа фрейма «АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА» и рассмотрим его с позиции метафорического осмысления объективных акустических характеристик. Фрейм «АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА» реализуется слотами: «общее качество звука», «сила звука», «тембр», «регулярность волны», «воздушная среда», «высота звука», «темп».

Слот «тембр» позволяет акцентировать внимание на тембральных характеристиках пения. Тембральная окраска предполагает следующие качества звучания: ровность (*обрезается натяжение; всасывай ноточку; раскройся свободно*), близкое звучание (*уйти из резонаторов, говорить близко, фронтально работай, завалить звук*), объем (*пройти в голову, округли ноту, подниматься внутри себя, нужно все время удивляться*), сфокусированность (*дыши в цель, наконечник потеряли, собирать звук, следи за штучечкой, не убегай из точки*), полетность (*звук полетел в зал*), естественность (*не дави на звук, не придумывать свой голос*), теплоту и яркость (*окрасить мажором звук, все безлико, легкая улыбка должна быть в звуке, окрасить звук эмоцией*).

Слот «воздушная среда» описывает причину и условие пения – воздуховедение, среду распространения звуковой волны. Для оптимальных характеристик звучания воздушный поток должен

выходить свободно (*спокойный вдох, дыхание должно проходить свободно, не грузи дыхание*), дыхание должно быть ровным (*дыхание у тебя прет, провести дыхание, дыхание должно быть эластичным, не хватает резины*). Для этого применяется метафора *вдох*, т. е. представление вдыхательной установки при фактическом выдохе воздуха (*петь на вдохе, вдохни звук, вдохом идешь на слово*). Кроме того, для ровности и глубины вдоха необходимо ощущение *опоры дыхания* (*опусти опору, оседай дыханием, ставь на дыхание, столб насаживай на опору*).

Слот «высота звука» характеризует звуковысотность как важную характеристику пения. Метафоры, относящиеся к данному слоту, описывают недостаточную высоту звучания (*въезжать в ноту, ми падает, не искать ноту, не тянись за верхушкой, ушла нота*). Для оптимальной звуковысотности необходима точная атака звука (*петь сверху, проложить ноту, отпустить ноту, не продавливать ноту*).

Слот «сила звука» показывает зависимость силы звучания от дыхательной активности певца. Нельзя *напевать* и *петь на полупушенном дыхании*, необходимо обеспечивать низкое дыхание (*удерживать дыхание, проработать поршнем*), в чем особая роль отводится диафрагме (*помочь диафрагмой, толкнуть вглубь диафрагмой, глубже оформит диафрагмочкой*). Кроме того, необходимо увеличивать звук внутри музыкальной фразы (*каждая фраза динамически возрастает, одну нотку раздуть крещендо*). Данные условия обеспечивают такую силу звучания, что *струечка вокруг Земли может обернуться*.

Слот «темп» описывает темпо-ритмические характеристики пения, которые обеспечиваются ровностью подачи дыхания. Правильной фразировке музыкальной мелодии (метафоры *выстроить фразировочку, фразочка идет, вперед веди фразочку, развивать фразочку*) мешает чрезмерная артикуляция (*не застревай на “и”, “и” должна быть очень мелкая, не тормози зубами, запинаться в тексте*) и неровная подача дыхания (*петь ум-па-па, меньше прыгания, не выстреливай ноту*).

Слот «регулярность волны» характеризует пение как непрерывное звуковедение, которое также зависит от ровной подачи дыхания (*непрерывное звуковедение, идти волною, подавать*

дыхание ровно без пульсации, не подавать дыхание пунктиром, не поддавать дыхание, рубить нотки).

Слот «общее качество звука» представляет пение как совокупность всех акустических характеристик, зависящих от правильной работы голосового аппарата. Данный слот содержит общие принципы пения: ощущение вдыхательной позиции при пении (*вдыхать звук, не петь как паровоз, ду-у-у начинаешь дуть*), соединение низкого опертого дыхания с головными резонаторами (*пах и зевок должны быть в зеркальном отражении, пой на хорошей опоре и высокой позиции*). Кроме того, данный слот отражает характеристику пения как такового, обычно негативную (*пошла мазня, звучать корявенько, петь криво, насилие над природой, выдавливает из себя невысказанные звуки, все раскисшее, все провисло*). Чтобы пение отвечало акустическим характеристикам, необходима взаимосвязь всей системы звуковедения (*не делать все поотдельно*), вертикальное открытие и растяжение (*быть как струночка, вертикально спеть, это попереки поешь, в открыжку всё*). Кроме того, следует найти баланс активности звукоизвлечения: нельзя вяло петь, но и чрезмерная активность недопустима (*выдавливает из себя невысказанные звуки*). Необходимо добиваться естественности в пении (*спеть естественно*).

Таким образом, пение как акустическое явление метафорически осмысливается в процессе постановки голоса, что обусловлено субъективными основаниями певческой деятельности (ощущениями певца и педагога). Объективные акустические характеристики, такие как частота колебания, сила, время звучания, спектр звука, реализуются метафорически слотами: «общее качество звука», «сила звука», «тембр», «регулярность волны», «воздушная среда», «высота звука», «темп». Область-мишень вокальной метафоры репрезентирует пение как акустико-физиологический процесс – соответствует целям вокально-педагогического дискурса – физиологичности пения при координации работы органов вокального аппарата для наиболее полного раскрытия возможностей звучания голоса.

Литература

Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007. 576 с.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л. Г. Бабенко. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. Основы общей фонетики. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. 152 с.

Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.

Златоустова Л. В. Длительности гласных и согласных звуков русского языка // Уч. Зап. Казанского ун-та. № 114. Кн. 6. Казань, 1954. С. 95.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е. С. Кубряковой; филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1997, 245 с.

Морозов В. П. Искусство резонансного пения. Основы резонансной теории и техники / ИП РАН, МГК им. П. И. Чайковского. М., 2002. 496 с.

Морозов В. П. Тайны вокальной речи. Л.: Наука, 1967. 204 с.

Нейман Л. В., Богомильский М. Р. Анатомия, физиология и патология органов слуха и речи. М.: ВЛАДОС, 2001. 224 с.

Юшманов В. И. Вокальная техника и ее парадоксы. СПб.: ДЕАН, 2002. 128 с.

Якобсон Р., Фант Г., Халле М. Введение в анализ речи // Новое в лингвистике / сост. В. А. Звегинцев. М., 1962. Вып. 2. М., 1962. С. 173–230.

REFERENCES

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Angliyskiye ekvivalenty / pod red. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS KNIGA, 2007. 576 s.

Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoye opisaniye. Sinonimy. Antonimy / pod red. L.G. Babenko. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2005. 864 s.

Bondarko L.V., Verbitskaya L.A., Gordina M.V. Osnovy obshchey fonetiki. SPb.: Filologicheskiiy fakul'tet SPBGU; M.: Izdatel'skiy tsentr «AkademiYA», 2004. 152 s.

Bondarko L.V. Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka. M.: Prosveshcheniye, 1977. 175 s.

Zlatoustova L.V. Dlitel'nosti glasnykh i soglasnykh zvukov russkogo yazyka // Uch. Zap. Kazanskogo un-ta. № 114. Kn. 6. Kazan', 1954. S. 95.

Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov / pod obshch. red. YE.S. Kubryakovoy; filol. f-t MGU im. M.V. Lomonosova. M., 1997, 245 s.

Morozov V.P. Iskusstvo rezonansnogo peniya. Osnovy rezo-nansnoy teorii i tekhniki / IP RAN, MGK im. P.I. Chaykovskogo. M., 2002. 496 s.

Morozov V.P. Tayny vokal'noy rechi. L.: Nauka, 1967. 204 s.

Neyman L.V., Bogomil'skiy M.R. Anatomiya, fiziologiya i patologiya organov slukha i rechi. M.: VLADOS, 2001. 224 s.

Yushmanov V.I. Vokal'naya tekhnika i yeye paradoksy. SPb.: DEAN, 2002. 128 s.

Yakobson R., Fant G., Khalle M. Vvedeniye v analiz rechi // Novoye v lingvistike / sost. V.A. Zvegintsev. M., 1962. Vyp. 2. M., 1962. S. 173–230.

©Пахомов Л.В., 2021

Пахомов Леонид Валерьевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания. Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь, Россия).

Адрес: 614036, Россия, г. Пермь, ул. Космонавта Беляева, 9, 71.

E-mail: pahomov_l@mail.ru

Pahomov Leonid Valer'evich – Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Theoretical and Applied Linguistics. Perm State University (Perm, Russia).

Я. В. ПЫХТЕЕВА

г. Екатеринбург, Россия

sawsey0208@mail.ru

УДК 811.161.1'36

DOI 10.26170/2306-7462_2021_02_16

ФЕМИНИТИВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: РЕАЛЬНОЕ И ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ

Аннотация. В статье рассматривается проблема функционального переосмысления грамматической категории рода. Раскрывается понятие «феминитивы». Анализируются имена существительные, обозначающие лицо женского пола по роду деятельности, при этом выделяются нейтральные нормативные корреляты женского рода к существительным мужского рода, образованные по существующим в языке словообразовательным моделям; стилистически маркированные корреляты со значением «женскости». Выявлены полисеманты, у которых развиваются родовые корреляты только к одному (чаще переносному) лексико-семантическому варианту. Отмечается тенденция к расширению слов, обозначающих лица женского пола по роду деятельности, что обусловлено современным социокультурным контекстом и демонстрирует актуализацию словообразовательного потенциала языковой системы.

Ключевые слова: феминитивы; языковые нормы; словообразовательные модели; категория рода; родовые корреляты; русский язык; грамматика русского языка; грамматические категории.

PYKTEEVA YANA V.

Ekaterinburg, Russia

FEMINITIVES IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE: ACTUAL AND POTENTIAL

Abstract. The article deals with the problem of functional redefinition of the grammatical category of gender. The concept of "feminitives" is explained. Groups of nouns indicating occupations by female gender are analyzed. The neutral normative correlates of the feminine gender for the masculine nouns, which are formed according to the word-formation models existing in the language, are identified. Stylistically marked correlates with

the meaning of "femininity" are highlighted. Polysemants, in which generic correlates develop only to one (more often figurative) lexical-semantic variant, are revealed. Tendencies towards the expansion of words denoting feminine person by occupations are recognized, which is explained by the modern socio-cultural context. It demonstrates the actualization of the word-formation potential of the language system.

Keywords: femininitives; language norms; word-formation models; genus category; generic correlates; Russian language; grammar of Russian language; grammatical categories.

Современная языковая ситуация демонстрирует, с одной стороны, многочисленные отступления от общепринятых языковых норм, что может рассматриваться как ошибка, с другой, – открывает пути для актуализации потенциала языковой системы в плане расширения ее вариативных возможностей.

Во всем многообразии фактов нестандартного использования языковых единиц разных уровней (см. об этом: [Лингвистика креатива 2013; Лингвистика креатива-5 2020] и др.) просматриваются определенные тенденции, изучение которых необходимо для более четкого понимания динамики языковой нормы. Данный вопрос затрагивает не только формы и функции современного русского языка, но и саму сферу человеческих отношений [Ремчукова: 2013: 369]. Поэтому логичным является обращение к одной из самых актуальных и обсуждаемых в современной лингвистике проблем – функциональному переосмыслению грамматической категории рода. Предметом исследования в данной статье являются имена существительные, обозначающие лицо женского пола по роду деятельности, а конкретнее – так называемые «феминитивы».

Для начала следует определить само понятие. Феминитивы – слова женского рода, альтернативные или парные аналогичным понятиям мужского рода [Федотова: 2016: 67]. Они довольно часто встречаются в обыденном речевом употреблении и даже в литературе, но далеко не всегда их звучание привычно для носителя языка. Ср.: *учительница* и *авторка*. Оба слова являются феминитивами, однако только первое считается общеупотребительным. Значит ли это, что в современном русском языке су-

ществуют такие феминитивы, которые являются грубым нарушением языковой нормы?

Языковая норма характеризуется относительной устойчивостью, распространенностью, общеупотребительностью, соответствием обычаю и возможностям языковой системы [Лисицкая: 2007: 20]. Л. И. Скворцов определяет норму так: «Языковая норма... есть обусловленный социально-исторический результат речевой деятельности, закрепляющий традиционные реализации системы или творящий новые языковые факты в условиях их связи как с потенциальными возможностями системы языка, с одной стороны, так и с реализованными образцами, с другой...» [Скворцов: 1970: 53]. Другими словами, норма включает в себя не только конечный набор фактов, который чаще всего рассматривается в школьном и вузовском курсах словообразования. Справедливо отмечается, что при таком подходе «... неучтенными оказываются механизмы функционирования словообразовательной системы в реальной речевой деятельности и совсем не рассматривается ассоциативный потенциал единиц словообразовательного уровня, возможности реализации творческой функции языка в опоре на словообразовательно мотивированное слово. Между тем функциональный аспект словообразования чрезвычайно важен для понимания специфики коммуникативной деятельности в разных сферах общения. Мы постоянно сталкиваемся с вариативностью словообразовательных моделей при реализации в речи» [Гридина, Коновалова 2017: 80]. См. также: [Щербаклова 2012, 2019]. Исходя из этого нельзя с уверенностью сказать, что «новые» феминитивы категорически ненормативны, поскольку они построены по существующим в языке словообразовательным моделям, причем продуктивным (*сущ. со значением лица мужского пола + -к-*). Вполне возможно, что в будущем такие слова будут более распространены и тем самым из «неправильных» превратятся в «правильные».

Однако откуда возникли такие, на первый взгляд, необходимые, но «режущие слух» слова? Как образуются феминитивы? Всегда ли в русском языке присутствовали подобные примеры, или же такие слова появились в нашей жизни сравнительно недавно?

Прежде всего, обратимся к вопросам словообразования. Большинство феминитивов в русском языке образуется от слов мужского рода с помощью различных суффиксов. Такие суффиксы можно условно разделить на следующие группы:

1) суффиксы -к(а), -овк-(а), -анк(а), -ичк(а): *шпионка, воровка, горожанка, биологичка*. Большинство образований с данными суффиксами имеет основное модификационное значение «женскости». Это существительные со значением лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода с тем же значением. Тип высокопродуктивен как в разговорной речи, так и в сфере официальных номинаций [Русская грамматика-80, §381];

2) суффикс -ниц(а): учительница. Как правило, такие производные мотивируются названиями лица на *-тель (исполнительница, водительница)*. Тип продуктивен в разговорной речи [Русская грамматика-80, §383];

3) суффиксы -иц(а), их(а): *царица, повариха, ткачиха, дворничиха*. Продуктивность данного типа обнаруживается в разговорной речи [Русская грамматика-80, §382, 384, 385];

4) суффикс -ш(а): *кассирша, вахтерша*. Производные этого типа мотивируются только существительными со значением лица и выражают модификационное значение лица женского пола. Основная сфера продуктивности типа – разговорная речь. Зачастую слова с такими суффиксами имеют значение «жена лица, названного мотивирующим словом»: *генеральша, докторша* [Русская грамматика-80, §385];

5) суффиксы -ин(я), -есс(а), -ис(а), -ин(а): *психологиня, потесса, директриса, кузина*. Большинство слов имеют модификационное значение лица женского пола. Тип обнаруживает продуктивность либо только в разговорных, преимущественно шуточных, образованиях, либо в художественной речи [Русская грамматика-80, §387, 389-391].

Заметим, что значительная часть образованных с помощью суффиксов феминитивов употребляется только в разговорной речи.

Обратимся к словарным дефинициям существительных, обозначающих лицо по роду деятельности. В ходе исследования

нами использовался метод сплошной выборки с учетом идентификаторов «тот, кто... + действие», «лицо, которое ... + действие», «женск. к сущ. м.р.», «служащий / служащая», «исполнитель / исполнительница» и т.д., маркирующие пол номинируемого лица и род деятельности. В толковых словарях номинации ж.р., как правило, приводятся в словарной статье с заголовочным словом м.р. Исключения составляют номинации сугубо женских видов деятельности, когда в качестве идентификаторов используются конструкции, типа «женщина, занимающаяся ...», «специалистка по ...» и т.п. Отобранный языковой материал (объем выборки более 100 наименований) позволяет составить следующую классификацию:

1. Номинации, имеющие родовые корреляты. Данный класс включает в себя пары существительных, обозначающих лица мужского и женского пола. Названия лиц женского пола образуются от названий лиц мужского пола при помощи специальных суффиксов. Например: *актер – актриса, журналист – журналистка, начальник – начальница*.

В эту же группу входят полисеманты, интересные тем, что имеют родовой коррелят лишь к одному из своих значений, конкретно – к переносному. Примером такой пары могут послужить *дипломат* и образованное от него *дипломатка*. В данном случае, речь идет не о каком-либо должностном лице, а о человеке, действующем дипломатично, тонко [Ожегов, Шведова 1997: 88].

Стоит отметить, что не все феминитивы обладают нейтральной стилистической окраской. Имеют место дериваты, которые оцениваются носителями языка как слова со сниженным или пренебрежительным значением (например: *критикесса, экспериментаторша*).

Также необходимо учитывать, что многие «женские аналоги» в словарных статьях имеют стилистическую помету «разг.» или «прост.» (например: *депутатка, инженерша*). У слов мужского рода таких помет не наблюдается. Вероятно, дело в том, что в русском языке с давних пор сложилась такая ситуация: многие существительные, обозначающие профессию или должность, относятся только к мужскому роду. Любые существительные

женского рода поэтому априори считались неправильными, а частое употребление в речи привело к их вхождению в состав разговорных слов.

2. Слова только мужского рода. Толковый словарь относит к этому классу такие слова, как: *атлет, банкир, водолаз, генерал, дворецкий, лесничий* и др. А также *доцент, магистр, педагог и профессор*, относящиеся к сфере образования.

Данный класс показывает, что существует ряд наименований лиц мужского пола, к которым нет параллельных соответствий женского рода. Принято считать, что в их состав входят: административные и должностные названия, обозначения ученых степеней, названия лиц по военным специальностям, а также слова на -ор, -тор, -ер, -вед, -лог, -граф, -фил (например: *цензор, языковед, филолог*).

3. Слова только женского рода. В противоположность предыдущему, данный класс включает в себя существительные женского рода, не имеющие «мужского аналога»: *гадалка, балерина*. Такие слова если и имеют возможные корреляты, то значение их другое, следовательно, родовую пару они составить не могут. Примечательны слова *маникюрша, педикюрша*: их значение толкуется через идентификатор «специалистка», что уже подразумевает лицо женского пола. Стоит заметить, что *няня* изначально женского рода, но может иметь производное мужского рода – *нянь* (например: *усатый нянь*). Однако окраска данного слова исключительно разговорная, шутливая. В данном случае нельзя сказать, что это полноценный общеупотребительный коррелят.

4. Слова общего рода. Сюда можно отнести существительные с окончаниями -а/-я, обозначающими лица как мужского, так и женского пола (*гуляка, умница*). Основным синтаксическим средством выражения категории рода у существительных данного класса является форма сказуемого, содержащая предикативный признак. Например, если мы скажем «я прослыл гулякой», то сразу станет понятно, что говорящий – лицо мужского пола. Конечно, такие слова не обязательно указывают на принадлежность к тому или иному роду деятельности. Однако они

выполняют в речи важную характеризующую и оценочную функцию, что заслуживает отдельного внимания.

Данная классификация показывает, что тенденции к расширению слов, обозначающих лица женского рода, прежде всего, связаны со сферой деятельности, профессии. Говорящие все чаще обращают внимание на то, что уже само понятие «мужская профессия» кажется в современных реалиях неприемлемым. По сути, стереотип разделения рода деятельности по гендерному признаку изжил себя. Если до XX века многие профессии для женщин были закрыты, в соответствии с чем и названия профессий – это преимущественно существительные мужского рода, то на сегодняшний день таких ограничений нет.

Популяризация феминитивов также обусловлена появлением новых профессий. Не все из них являются общепризнанными, вошли в словари и стали фактом литературного языка, однако многие получают все большее и большее распространение. Например, такая профессия, как *блогер* уже имеет свой официальный «женский аналог» – *блогерша*, который у современных носителей языка не вызывает отторжения.

На основании сказанного можно сделать вывод, что феминитивы давно имеют место в русском языке. Многие их значения зафиксированы в Толковых нормативных словарях, большинство со стилистической пометой «разг.». Как правило, носители языка стремятся найти подобный аналог женского рода ко всем именам существительным, определяющим принадлежность лица к тому или иному роду занятий, а если не находят – создают новые. Казалось бы, подобное образование неологизмов осуществляется согласно общепринятым принципам и с использованием сложившейся системы суффиксов и окончаний, но в то же время оно в некотором роде является и нарушением установленных правил. Это «игра на грани языковой нормы ... в которой категория рода, кроме выполнения собственно грамматических обязанностей, реализует свой богатый прагматический потенциал» [Норман: 2019: 369].

Соцсети, блоги, художественная литература, разговорная речь – сегодня феминитивы встречаются и используются повсеместно. В современном русском языке эта группа существи-

тельных активно расширяется, что может стать ресурсом для изучения деривационных процессов в коммуникативном плане (см. например: [Гридина, Коновалова 1999: 123-128]. Использование такого рода ресурсов развивает дивергентное мышление, операции которого, «... относящиеся к преобразованиям, характеризуются, в частности, легкостью приспособления известной формы к новому содержанию или наоборот» [Коновалова 2012: 44].

Поскольку вопрос о соотношении грамматической категории рода с психосоциальными и гендерными факторами, определяющими восприятие существительных со значением лица мужского и женского пола по роду деятельности, является дискуссионным и активно обсуждаемым современным социумом, представленный материал может оказаться полезным для преподавателей, в том числе при обучении русскому языку как иностранному.

Литература

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе // Педагогическое образование в России. 2017. № 8. С. 79-84.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Языковая игра и изучение русского языка в школе // Филологический класс. 1999. № 4. С. 123-128.

Коновалова Н.И. Креативная составляющая интеллекта: к 100-летию IQ // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2012. № 10. С. 35-48.

Лингвистика креатива / Под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2013 (2-е издание). 368 с.

Лингвистика креатива-5. Коллективная монография / Под общей редакцией проф. Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2020. 392 с.

Лисицкая Л. Г. Культура русской речи: Учебное пособие для студентов, изучающих курс русского языка и культуры речи. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2007. 108 с.

Норман Б. Ю. Род в языке vs. гендер в сознании (когнитивные и социопсихологические аспекты). Славянский журнал (Slavističnarevija) 2019. 67(2). С. 361–371.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., М., 1997. 944 с.

Ремчукова Е. Н. Грамматические категории в зеркале креативности // Лингвистика креатива / Отв. ред. Т.А. Гридина. 2-е изд. 2013. 368 с.

Скворцов Л. И. Норма. Литературный язык. Культура речи // Актуальные проблемы культуры речи: Сб. статей / Под ред. В.Г. Костомарова, Л.И. Скворцова. М., 1970.

Федотова Т. В., Кулик И. В. Парадигматика и прагматика феминитивов в русском и английском языках // Евразийский союз ученых. 2016. № 28-2. С. 67–69.

Щербакова Н. Н. Выявление продуктивности словообразовательного типа в процессе использования лингвокреативных заданий // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. № 2. С. 162-169.

Щербакова Н. Н. Морфемная и семантическая деривация в процессе языковой игры // Лингвистика креатива-2 / Под общей редакцией профессора Т.А. Гридиной. Екатеринбург, 2012. С. 259-271.

REFERENCES

Gridina T.A., Konovalova N.I. Tekhniki yazykovoy igry v protsesse obucheniya slovoobrazovaniyu v shkole i v vuze // Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii. 2017. № 8. S. 79-84.

Gridina T.A., Konovalova N.I. Yazykovaya igra i izucheniye russkogo yazyka v shkole // Filologicheskij klass. 1999. № 4. S. 123-128.

Konovalova N.I. Kreativnaya sostavlyayushchaya intellekta: k 100-letiyu IQ // Psikholingvisticheskiye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti. 2012. № 10. S. 35-48.

Lingvistika kreativa / Pod obshchey redaktsiyey prof. T.A. Gridi-noy. Yekaterinburg, 2013 (2-e izdaniye). 368 s.

Lingvistika kreativa-5. Kollektivnaya monografiya / Pod obshchey redaktsiyey prof. T.A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2020. 392 s.

Lisitskaya L. G. Kul'tura russkoy rechi: Uchebnoye posobiye dlya studentov, izuchayushchikh kurs russkogo yazyka i kul'tury rechi. Armavir: Redaktsionno-izdatel'skiy tsentr AGPU, 2007. 108 s.

Norman B. YU. Rod v yazyke vs. gender v soznanii (kognitivnyye i sotsiopsikhologicheskkiye aspekty). Slavyanskiy zhurnal (Slavističnarevija) 2019. 67(2). s. 361-371.

Ozhegov S. I., Shvedova N. YU. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy. 4-e izd., M., 1997. 944 s.

Remchukova YE. N. Grammaticheskiye kategorii v zerkale kreativnosti // Lingvistika kreativa / Отв. ред. Т.А. Гридина. – 2-е изд. 2013. – 368 с.

Skvortsov L. I. Norma. Literaturnyy yazyk. Kul'tura rechi // Aktual'nyye problemy kul'tury rechi: Sb. statey / Pod red. V.G. Kostomarova, L.I. Skvortsova. M., 1970.

Fedotova T. V., Kulik I. V. Paradigmatika i pragmatika feminitivov v russkom i angliyskom yazykakh // Yevraziyskiy soyuz uchenykh. 2016. №28-2. S. 67–69.

Shcherbakova N. N. Vyyavleniye produktivnosti slovoobrazovatel'nogo tipa v protsesse ispol'zovaniya lingvokreativnykh zadaniy // Ural'skiy filologicheskiy vestnik. Seriya: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa. 2019. № 2. S. 162-169.

Shcherbakova N. N. Morfemnaya i semanticheskaya derivatsiya v protsesse yazykovoy igry // Lingvistika kreativa-2 / Pod obshchey redaktsiyey professora T.A. Gridinoy. Yekaterinburg, 2012. S. 259-271.

©Пыхтеева Я.В., 2021

Пыхтеева Яна Владимировна – студентка Института филологии и межкультурной коммуникации. Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620017, Россия, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail:sawsey0208@mail.ru

Pykhteeva Yana Vladimirovna – student of the Institute of Philology and Intercultural Communication. Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia).

Address: 26, Kosmonavtov Ave., Yekaterinburg, Russia, 620017

E-mail: sawsey0208@mail.ru

Электронный научный журнал

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
Серия
«Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»

Сетевой адрес серии журнала:

http://journals.uspu.ru/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=121&Itemid=339

Издатель: ФГБОУ ВО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-кт Космонавтов, 26, каб. 281

E-mail: linguacreativ@list.ru

Тел.: (343) 235-76-66; (343) 235-76-41

Периодичность издания: 4 раз в год

Периодичность серии: 1 раз в год

Выходные сведения:

Уральский филологический вестник:
электронный научный журнал. 2021. № 2

Серия *«Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»*

(Вып. 30)